

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

38 2020
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 38 (328) / 2020

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшоода Намозовна, кандидат архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаяева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Папиниан (142–212 гг. н. э.), выдающийся римский юрист и государственный деятель.

Известно, что Папиниан родился при императоре Антонине. Если верно то, что император Септимий Север был женат на сестре Папиниана, то Папиниан был родом из Сирии (город Гемезы). Многие исследователи римского права и истории склоняются к тому, что Папиниан в довольно юном возрасте оказался в Риме, куда переехал сам или же со своими близкими. Считают также, что Папиниан был учеником выдающегося римского юриста Квинта Цервудия Сцевола, у которого он учился вместе с будущим императором Септимием. По окончании учебы Папиниан, вероятно, некоторое время преподавал право в юридической школе в Бейруте, которая в ту эпоху считалась одной из лучших в империи.

Папиниан находился в близкой дружбе с Септимием Севером, что оказало влияние на всю его карьеру и дальнейшую судьбу. При этом римском правителе он занимал ряд важных должностей, в том числе и пост начальника ведомства петиций (*magister libellorum*), в чьи обязанности входило отвечать на прошения и вопросы (в основном юридического характера), адресованные императору различными должностными и частными лицами.

После казни известного древнеримского политика Луция Фулвия Плавциана, занимавшего при дворе Септимия Севера должность начальника преторианцев, Папиниан получил назначение на его место. В те времена должность префекта претория, подчинявшегося лишь императору, была наивысшей в империи. Она предполагала осуществление префектом не только высших военных, но и высших судебных и административных функций в государстве.

Папиниан оставил после себя относительно немного сочинений, большинство из которых он написал в почтенном возрасте. Так, его перу, в частности, принадлежат три сборника по гражданской юриспруденции: «Вопросы» (37 книг), «Мнения» (19 книг) и «Дефиниции».

Сочинения Папиниана, появившиеся в конце эпохи расцвета римского права, отличаются предельной ясностью, краткостью и строгостью слога. Они справедливо считаются во многих отношениях самыми лучшими из всех трактатов, когда-либо написанных древнеримскими правоведом. В 426 году трудам Папиниана была придана обязательная юридическая сила. 595 фрагментов из них вошли в состав Дигест.

Смерть Септимия Севера круто изменила благополучное положение Папиниана. После кончины Севера его преемниками на императорском троне стали двое его сыновей Каракалла и Гета. Однако после очень короткого периода совместного правления Римом из-за попыток Каракаллы стать единовластным правителем между братьями возникла непримиримая вражда. Пытаясь примирить сыновей Севера, Папиниан вызвал лютую ненависть Каракаллы.

После того как Каракалла, не желавший ни с кем делить императорский трон, убил своего брата, Папиниан, будучи человеком высочайшей нравственности, ни минуты не колеблясь, отказался выступить перед Сенатом в защиту убийцы.

В ответ на просьбу Каракаллы о его защите Папиниан произнес слова, возбудившие гнев императора: «Non tantum facile parricidium excusari posse, quam fieri» («Не так легко извинить братоубийство, как совершить его») или, по другому источнику: «Illud esse parricidium aliud accusare innocentem occisum» («Одно дело убийство, но совсем другое — обвинить невинно убиенного»). Менее чем через год Папиниан поплатился за этот самоотверженный шаг своей жизнью.

Через два с лишним века после смерти Папиниана был издан «Закон о цитировании». Согласно этому закону, судьи получали право ссылаться не только на указы императоров, но и на мнения пяти величайших римских юристов, уже покойных к тому времени. Первым в этой великолепной пятерке был Папиниан.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Андреева А. С.

Виды, формы и методы финансового контроля в области таможенного дела.....79

Андреева А. С.

Место финансового контроля в системе российского таможенного права81

Асламова К. А., Абдыкалил кызы Э.

Законодательство США о природном газе в XX веке: основные нормативно-правовые акты84

Аюбов Л. С.

Несовершеннолетний как субъект уголовной ответственности.....86

Бабушкина А. А.

Международная защита прав детей в условиях эпидемии COVID-1988

Бастрыкин В. В.

Исторические аспекты становления и развития нормативного регулирования обвинительной деятельности в уголовном судопроизводстве России в досоветский период90

Гашина Е. В.

Роль института Уполномоченного по правам ребенка в Курской области.....92

Глебова К. А.

Зарубежный опыт внедрения в судебную систему «ночных» судов на примере Сингапура и США.... 95

Глебова К. А.

Внедрение опыта «ночных судов» Сингапура, США и других стран зарубежья в судебную систему стран СНГ на примере Казахстана97

Голубцова Е. П.

Обоснованное подозрение как основание для применения меры пресечения в виде домашнего ареста99

Дамаскин В. В.

Проблемы правового регулирования инвестиционных договоров 102

Кнутова И. Ю.

Необходимость разделения заверений об обстоятельствах в российском договорном праве на заверения и гарантии по модели английского договорного права 103

Львова К. А.

Совершенствование деятельности службы судебных приставов 105

Малышева Е. В.

К вопросу о соучастии в убийстве матерью новорожденного ребенка..... 107

Мальцева С. А.

Некоторые актуальные аспекты квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств 109

Мальцева С. А.

К вопросу об объективных признаках преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ 111

Масликова К. А.

Понятие и виды представительства 115

Михайлова Д. А.

TikTok и защита интеллектуальной собственности 116

Мухортикова Е. С.

Субъекты правоотношений по осуществлению бюджетных расходов..... 119

Мухортикова Е. С.

Бюджетные правоотношения с участием муниципальных образований..... 123

Некрутов А. О.

Методы противодействия рецидивной преступности в России на примере зарубежных стран 125

Пеканова Е. Э.

Процессуальные и тактические аспекты поддержания прокурором государственного обвинения в суде первой инстанции..... 126

Поляков С. А.

Преступления коррупционной направленности: современные проблемы 129

Полякова Ж. В.

Проблемы квалификации преступлений против
личных прав человека 131

Репетева О. Е., Малиночка Д. В.

Правовые последствия нарушения
законодательства о рекламе субъектами
предпринимательских отношений 133

Романова Е. Д.

Значение постановлений Пленума Верховного
Суда РФ в правоприменительном толковании
уголовного закона..... 136

Романова Е. Д.

Толкование уголовного закона на примере
статьи 197 Уголовного кодекса Российской
Федерации 139

Толкачева А. Ю., Стефанишина Е. С.

Анализ изменений требований к составу
и содержанию документации по планировке
территории с целью размещения линейного
объекта..... 142

Шаврина Г. В.

Адвокатская тайна: понятие, правовой режим
и значение 145

Шмакотин Ю. С.

Криминологическая характеристика личности
дезертира 147

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Виды, формы и методы финансового контроля в области таможенного дела

Андреева Анастасия Сергеевна, студент магистратуры
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Ключевые слова: контроль, валютный контроль, ведомственный контроль.

В законодательстве на сегодняшний момент отсутствует определение понятий «вид», «форма», «метод» финансового контроля. Так, Бюджетный кодекс Российской Федерации закрепляет такие формы финансового контроля как предварительный, текущий и последующий контроль (ст. 265) [2]. Налоговый же кодекс Российской Федерации (ст. 82) формами налогового контроля называет проверки, осмотр помещений, получение объяснений и т.п. [3]. В связи с этим и в юридической литературе данный вопрос является дискуссионным.

Виды контроля можно выделить исходя из: соотношения времени контроля и периода осуществления проверяемой деятельности (предварительный, текущий, последующий); волеизъявления субъектов контрольных правоотношений (обязательный и инициативный); сферы финансовой деятельности, в которой проводится контроль (бюджетный, налоговый, банковский, страховой, валютный); правового статуса контролируемых субъектов (государственный, муниципальный, общественный, аудиторский).

Под методами понимают приемы или способы, средства его осуществления. Применение конкретного метода зависит от ряда факторов: специфики правового положения, организационных форм и особенностей деятельности органов, осуществляющих контроль, объекта и цели контроля, оснований возникновения контрольных правоотношений и др. Можно выделить следующие методы финансового контроля: ревизии, проверки (документации, состояния учета и отчетности и т.д.), рассмотрение проектов финансовых планов, заявок, отчетов о финансово-хозяйственной деятельности, заслушивание докладов, информации должностных лиц и др. [4].

Формой финансового контроля понимают способ конкретного выражения и организации контрольных действий, выделяя при этом предварительный, текущий и последующий контроль как формы финансового контроля.

Под методами понимается совокупность обоснованных и адаптированных конкретно-определенных приемов, средств или способов, применяемых при осуществлении контрольных функций. Существуют шесть основных методов финансового контроля: наблюдение, обследование, анализ, проверка, ревизия и финансово-экономическая экспертиза.

Говоря о финансовом контроле в области таможенного дела, то ему свойственны отличительные признаки.

Здесь необходимо отметить отличие понятий таможенный контроль и финансовый контроль в области таможенного дела. В зависимости от объекта финансового контроля выделяют бюджетный, налоговый, банковский, валютный, таможенный контроль.

Исходя из сферы финансовой деятельности государства, выделяют: финансовый контроль в сфере налогообложения; финансовый контроль в области таможенного дела; финансовый контроль в сфере кредитования; финансовый контроль в области страхования и т.д. Все эти отдельные виды финансового контроля регулируются не только общими финансово-правовыми нормами, но и нормами других отраслей права и законодательства.

Финансовый контроль в области таможенного дела охватывает как совокупность мер, уполномоченных органов по контролю за соблюдением таможенного законодательства Российской Федерации, иных нормативно-правовых актов о таможенном деле в части обеспечения поступления таможенных платежей, так и деятельность по проверке использования денежных фондов государства на финансирование деятельности органов, осуществляющих контроль в области таможенного дела.

Многообразие финансовых отношений, в том числе и в области таможенного дела обуславливает многочисленность видов государственного финансового контроля. Поэтому мы думаем, возможно, провести следующую классификацию финансового контроля в области таможенного дела.

Финансовый контроль в области таможенного дела осуществляется на всех трех уровнях власти: законодательном (представительном), исполнительном и судебном. То есть, в зависимости от ветви власти, органами которой осуществляется контроль, можно выделить:

- Финансовый контроль в области таможенного дела, осуществляемый законодательными (представительными) органами власти;
- Финансовый контроль в области таможенного дела, осуществляемый исполнительными органами власти;

– Финансовый контроль в области таможенного дела, осуществляемый судебными органами;

– В отдельную группу можно выделить президентский контроль, поскольку Президент РФ является самостоятельным субъектом финансового контроля и не относится к трем ветвям власти [5].

По нашему мнению, финансовый контроль в области таможенного дела по первому критерию можно разделить на две группы: внешний и внутренний контроль. Объектом внешнего контроля являются финансовые потоки, поступающие в бюджет. Внутренний же контроль своим объектом имеет бюджетные средства, предоставленные таможенными органами как распорядителям и получателям бюджетных средств. Иными словами, в зависимости от объекта контроля, т.е. правоотношений, являющихся предметом контроля, выделяют следующие виды контроля.

Внешний финансовый контроль, который можно разделить на:

1. Контроль за правильностью исчисления и своевременностью уплаты таможенных пошлин, налогов и таможенных сборов, осуществляемый таможенными органами. В данном случае проявляется фискальная функция таможенных органов, которая представляет собой деятельность по взиманию таких платежей, контроль за правильностью их исчисления и своевременностью уплаты, принятие мер по их принудительному взысканию;

2. Контроль за обоснованностью применения ставки ноль процентов и налоговых вычетов при экспорте товаров, осуществляемый налоговыми органами. Именно на налоговые органы возложена обязанность по проверке документов, представленных в соответствии со ст. 165 НК РФ, и подтверждении применения ставки ноль процентов;

3. Валютный контроль уполномоченных банков за проведением валютных операций своими клиентами, а также за своевременностью и полнотой поступления валютной выручки на счета в уполномоченные банки Российской Федерации. Поскольку валютные отношения складываются в сфере финансовой деятельности государства в процессе аккумуляции, перераспределения и использования валюты и валютных ценностей, то есть связаны с перемещением товаров (в том числе валюты Российской Федерации, внутренних ценных бумаг и валютных ценностей) через таможенную границу, то указанный контроль также является составной частью финансового контроля в области таможенного дела;

4. Ведомственный (внешний) контроль, осуществляемый вышестоящими таможенными органами и вышестоящими должностными лицами за деятельностью нижестоящих таможенных органов и их должностных лиц по различным направлениям финансового контроля в области таможенного дела.

5. Контроль применения соответствующими таможенными органами полномочий администратора доходов федерального бюджета от уплаты таможенных и иных платежей от внешнеэкономической деятельности в сфере таможенного дела;

6. Контроль применения таможенными органами обеспечения исполнения обязательств по уплате таможенных и иных платежей, связанных с перемещением товаров через таможенную границу Российской Федерации и осуществлением деятельности в области таможенного дела;

7. Контроль применения таможенными органами мер принудительного взыскания задолженности по уплате таможенных платежей (пени), возникшей при невыполнении ответственными лицами обязательств перед таможенными органами по уплате таких платежей в федеральный бюджет, связанных с перемещением товаров через таможенную границу Российской Федерации;

8. Контроль соблюдения таможенными органами законодательства Российской Федерации в сфере исполнения, (привидения-в исполнение) постановлений по делам об административных правонарушениях, вынесенных таможенными органами и судами (мировыми судьями) в сфере таможенного дела, и поступления по ним наложенных сумм административных взысканий;

9. Контроль применения таможенными органами законодательства Российской Федерации и международных правовых актов в части обоснованности предоставления таможенными органами льгот по уплате таможенных платежей и иных освобождений от уплаты таможенных платежей, в том числе предоставления отсрочек, рассрочек уплаты таких платежей;

10. Контроль за практическим применением таможенными органами ставок таможенных и иных пошлин в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза;

11. Инспектирование деятельности таможенных органов по направлениям контроля таможенной стоимости товаров и транспортных средств, контроля за обоснованностью принимаемых решений по вопросам определения страны происхождения товаров, организации и осуществления начисления и взимания таможенных платежей, контроля обоснованности предоставления льгот по уплате таможенных платежей и тарифных преференций, контроля исполнения постановлений таможенных органов [6].

Таким образом, вид финансового контроля представляет собой составную часть финансового контроля, обладающую всеми характерными чертами целого, однако, отличающуюся от других частей целого в зависимости от выбранного критерия классификации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ)// Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N31, ст. 4398.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N145-ФЗ (ред. от 27.12.2019)// Собрание законодательства РФ, 03.08.1998, № 31, ст. 3823.

3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N146-ФЗ (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020)// «Собрание законодательства РФ», N31, 03.08.1998, ст. 3824.
4. Литвинова Ю. М. Финансовый контроль в области таможенного дела: проблемы правового регулирования и правоприменения: Монография Ю. М. Литвинова; под ред. О. Ю. Бакаевой. — Сер. Финансовое право: Ф. — Москва, 2012. — С13.
5. Прокопенко В. В. Финансовый контроль в области таможенного дела и его разновидности//Теория права и межгосударственных отношений. 2017. № 1 (5). С. 49–52.
6. Рузметов с. А., Храмова А. А. Виды, формы и методы финансового контроля в области таможенного дела//Академическая публицистика. 2019. № 11. С. 147–151.

Место финансового контроля в системе российского таможенного права

Андреева Анастасия Сергеевна, студент магистратуры

Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Статья посвящена рассмотрению вопроса о месте финансового контроля в системе российского права. Раскрывается содержание финансового контроля в области таможенного дела, показан его комплексный характер, выделяются группы правоотношений по финансовому контролю в области таможенного дела.

Ключевые слова: финансовый контроль, таможенное дело, институт права, финансовые правоотношения.

Роль финансового контроля в современных условиях системы государственного управления заключается не только в реализации публичных функций по обеспечению процесса формирования и эффективного использования финансовых и материальных ресурсов, но и в защите экономической безопасности государства.

Особое значение приобретает финансовый контроль, имеющий определенную специфику в области таможенного дела: органы, уполномоченные его осуществлять, призваны содействовать развитию внешнеторговой деятельности и в то же время должны способствовать созданию условий для реализации экономических интересов страны. Централизация доходов от внешнеэкономической деятельности имеет важное политическое, социальное и экономическое значение, поскольку эти средства служат инструментом претворения в жизнь мероприятий, намеченных государством [12]. Посредством финансового контроля в области таможенного дела таможенные органы обеспечивают полное и своевременное поступление в доходную часть федерального бюджета сумм таможенных платежей, а также иных фискальных доходов (пеней, штрафов).

Прежде чем выделить особенности финансового контроля в таможенной сфере, следует уяснить место финансового контроля в системе российского права.

Е. Ю. Грачева отмечает необходимость выделения финансового контроля как подотрасли финансового права, включающей финансово-правовые нормы общей и особенной его частей [13]. Представляется, что в будущем подобное выделение вполне возможно.

Теоретики под подотраслью права понимают некое целостное образование в системе права, в состав которого входят несколько институтов той или иной отрасли права, для которых характерна высокая степень специализации входящих в них норм [14]. Подотрасли права регулируют отдельные массивы общественных отношений, характеризующихся своей специ-

фикой и известной родовой обособленностью [15]. Иными словами, для обособления определенной совокупности правовых норм в подотрасль права необходимо, чтобы указанная совокупность обладала определенной спецификой, позволяющей выделить ее из всей массы норм данной отрасли. Кроме того, необходима внутренняя организация отрасли права: деление на институты, субинституты.

Подобной родовой обособленностью обладают отношения, регулируемые, например, бюджетным, налоговым правом. Указанные подотрасли имеют достаточно четкое оформление и разработанную структуру.

Область общественных отношений в сфере финансового контроля также обладает определенной спецификой, а именно:

- данные отношения возникают в области образования, распределения и использования денежных фондов государства и муниципальных образований,
- указанные отношения складываются по поводу контроля за соблюдением законности и целесообразности в области собирания, распределения, перераспределения и использования денежных фондов государства и муниципальных образований,
- конечной целью существования данных отношений является эффективное социально-экономическое развитие страны, содействие успешной реализации финансово-правовой политики государства, эффективному использованию финансовых ресурсов.

Что касается внутренней организации финансового контроля, то, как справедливо отмечает Н. И. Химичева, финансовый контроль присущ всем финансово-правовым институтам. Поэтому, помимо общих финансово-правовых норм, регулирующих организацию и порядок проведения финансового контроля в целом, имеются нормы, предусматривающие его специфику в отдельных финансово-правовых институтах. Данные нормы неразрывно связаны с содержанием соответствующих финансово-правовых институтов, что не позволяет

выделить их из этих институтов и сгруппировать в совокупности с соответствующими нормами общей части в особую подотрасль финансового права.

Правовые нормы, регулирующие порядок производства финансового контроля, содержатся в различных нормативных правовых актах: Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, Налоговом кодексе РФ [2], Бюджетном кодексе РФ [3], ряде федеральных законов: «О Счетной палате Российской Федерации» [4], «О валютном регулировании и валютном контроле» [5], «О банках и банковской деятельности» [6], «О бухгалтерском учете» [7], в нормативных правовых актах субъектов РФ, органов местного самоуправления. В указанной совокупности правовых норм, регулирующих отношения по финансовому контролю, отсутствуют общие нормы, регулирующие организацию и порядок проведения финансового контроля в целом, внутренняя организация подотрасли, т.е. деление на соответствующие институты права, а также четкая классификация видов, форм, методов финансового контроля.

Здесь следует отметить, что перспектива оформления финансового контроля в самостоятельную подотрасль финансового права возможна при наличии совокупности таких факторов, как: издание соответствующего закона, регулирующего общественные отношения в сфере финансового контроля, законодательное закрепление норм общего характера, регулирующих финансовый контроль, оформление четкой структуры в совокупности правовых норм, регулирующих общественные отношения по финансовому контролю, четкая регламентация иерархии и компетенции органов, осуществляющих финансовый контроль, а также потребности практики. Однако на данном этапе говорить о подобном выделении преждевременно.

В основном же в правовой литературе финансовый контроль определяется как институт финансового права. А.А. Ялбулганов признает финансовый контроль институтом общей части финансового права, при этом допускает в некоторых разделах особенной части конкретизацию отдельных положений финансово-контрольной деятельности государства в соответствии с диверсификацией видов контроля в зависимости от предмета контроля [8].

Таким образом, в зависимости от специфики объекта финансового контроля можно выделить: бюджетный контроль, налоговый контроль, банковский контроль, валютный контроль, таможенный контроль и т.д.

В теории права правовой институт представляет собой комплекс взаимосвязанных юридических норм, воздействующий на определенный вид близких по содержанию и в этом смысле родственных общественных отношений [9]. Взаимосвязь юридических норм, составляющих правовой институт, определяет его логическую конструкцию, благодаря которой правовой институт представляет собой «системно-целостное, нерасчленимое образование, единую правовую общность» в рамках системы права [10].

Д.Е. Петров выделил следующие признаки правового института:

- 1) это всегда комплекс, определенная совокупность юридических норм,
- 2) данный комплекс юридических норм воздействует на отношения определенного вида и регулирует различные варианты развития определенной жизненной ситуации,

- 3) правовой институт включает в себя не только непосредственно регулятивные нормы права (правила поведения), но и отправные нормы, опосредованно участвующие в регулировании данного отношения,

- 4) правовой институт имеет в своем «арсенале» полный набор юридических средств, необходимых для воздействия на данный вид общественных отношений,

- 5) правовому институту присуща внутренняя организация, взаимосвязь юридических норм, составляющих правовой институт.

Объективной материальной предпосылкой интеграции правовых норм в институты является наличие соответствующей разновидности общественных отношений [9].

В юридической литературе выделяются комплексные правовые институты. Комплексный (межотраслевой) правовой институт объединяет схожие нормы, относящиеся к различным отраслям права. Межотраслевые институты возникают как следствие тесного смыкания и известного взаимодействия на определенном участке предметов регулирования смежных отраслей права. В результате на границе указанных отраслей образуются зоны, регламентирующие единое, по существу, общественное отношение, обладающее, однако, в определенных своих частях оттенками, модификациями, обусловленными спецификой той или иной отрасли права [9].

Так, Т.В. Конюхова отмечает, что характерной чертой правового регулирования в области финансового контроля является его комплексность [11]. Действительно, нормы, регулирующие осуществление финансового контроля, содержатся в различных отраслях права и законодательства.

Итак, финансовый контроль — правовой институт, который регулируется не только нормами финансового права, но и нормами конституционного, административного, таможенного, уголовного права, а, следовательно, является комплексным правовым институтом.

Многообразие финансовых отношений обуславливает многочисленность видов государственного финансового контроля. В зависимости от сферы проведения финансового контроля выделяют бюджетный контроль, налоговый контроль, контроль в сфере банковского кредитования или страхования, валютный контроль, контроль в области таможенного дела. Последний выступает видом государственного контроля, а некоторые его формы и методы находятся в системе финансового контроля. Все эти отдельные виды финансового контроля регулируются не только общими финансово-правовыми нормами, но и нормами других отраслей права и законодательства.

Финансовый контроль в области таможенного дела заключается в контроле за соблюдением законности и целесообразности в области собирания, распределения (перераспределения) и использования денежных фондов государства, складывающихся в области таможенного дела, и направлен на защиту финансовых интересов государства. Поскольку финансовый контроль в области таможенного дела включает в себя не только деятельность уполномоченных органов по проверке своевременности и полноты поступления таможенных платежей в бюджет, но и контроль за целевым и эффективным использованием таможенными органами бюджетных средств, постольку

данный вид финансового контроля направлен на соблюдение не только законности, но и целесообразности в области собирания, распределения (перераспределения) и использования денежных фондов государства. Применительно к сфере таможенного дела собирание, распределение (перераспределение) денежных фондов представляет собой установление государством таможенных платежей, их видов, ставок, фискальную деятельность уполномоченных органов, т.е. формирование доходной части бюджета, а также выделение из федерального бюджета сумм на финансирование таможенных органов и последующее использование денежных фондов в интересах государства.

Финансовый контроль в области таможенного дела осуществляется на двух уровнях власти: законодательном (представительном) и исполнительном. Кроме того, органы финансового контроля можно разграничить в соответствии с их компетенцией. Так, можно выделить:

- органы общей компетенции. К ним относятся как законодательные, так и исполнительные органы власти: Счетная палата РФ, Правительство РФ, Министерство финансов РФ, различные комиссии Государственной Думы РФ, созданные для анализа законопроектов, связанных с расходованием финансовых средств в таможенной сфере.

Правительство РФ осуществляет общее руководство таможенным делом, обеспечивает проведение единой финансовой, кредитной и денежной политики, разрабатывает и представляет Государственной Думе федеральный бюджет и обеспечивает его исполнение, а также отчет об исполнении федерального бюджета. Министерство финансов РФ является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере таможенных платежей и определения таможенной стоимости товаров,

- органы специальной компетенции. К ним относятся: Федеральная таможенная служба (далее — ФТС России) и подчиненные ей территориальные таможенные органы, а также налоговые органы, банки. ФТС России является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим в соответствии с законодательством РФ функции по выработке государственной политики и по нормативному правовому регулированию, контролю и надзору в области таможенного дела. В области финансового контроля таможенные органы контролируют правильность исчисления и своевременность уплаты таможенных пошлин, налогов и сборов, принимают меры по их принудительному взысканию. Налоговые органы в сфере финансового контроля в области таможенного дела проверяют обоснованность применения ставки ноль процентов и налоговых вычетов при экспорте товаров. Банки же, в свою очередь, как агенты валютного контроля подтверждают поступление валютной выручки по внешнеторговым контрактам.

Среди отношений по финансовому контролю в области таможенного дела можно выделить:

- 1) контроль, осуществляемый законодательными и исполнительными органами власти, в процессе принятия нормативных правовых актов в области таможенного дела,

предусматривающих расходы, покрываемые за счет средств федерального бюджета или влияющих на финансирование и исполнение бюджета. Так, обязательному рассмотрению в Совете Федерации подлежат принятые Государственной Думой РФ федеральные законы по вопросам финансового, валютного, кредитного, таможенного регулирования, денежной эмиссии,

- 2) контроль, осуществляемый таможенными органами за правильностью исчисления и своевременностью уплаты таможенных пошлин, налогов и таможенных сборов. В данном случае проявляется фискальная функция таможенных органов, которая представляет собой деятельность по взиманию таких платежей, контролю за правильностью их исчисления и своевременностью уплаты, принятию мер по их принудительному взысканию,

- 3) контроль, осуществляемый налоговыми органами, за обоснованностью применения ставки ноль процентов и налоговых вычетов при экспорте товаров. Именно на налоговые органы возложена обязанность по проверке документов, представленных в соответствии со ст. 165 Налогового кодекса РФ, и подтверждению применения ставки ноль процентов,

- 4) контроль уполномоченных банков как агентов валютного контроля. Поскольку валютные правоотношения складываются в сфере финансовой деятельности государства и осуществляются в том числе при перемещении товаров через таможенную границу, то указанный контроль также является составной частью финансового контроля в области таможенного дела. Уполномоченные банки как агенты валютного контроля обязаны осуществлять контроль за проведением валютных операций своими клиентами, а также за своевременностью и полнотой поступления валютной выручки на счета в уполномоченные банки РФ,

- 5) контроль вышестоящих таможенных органов за нижестоящими в части целевого и эффективного использования бюджетных средств. Это так называемый ведомственный финансовый контроль. Статья 269 Бюджетного кодекса РФ устанавливает порядок осуществления финансового контроля главными распорядителями бюджетных средств, главными администраторами доходов бюджета и главными администраторами источников финансирования дефицита бюджета. ФТС России осуществляет контроль, в том числе финансовый, за деятельностью таможенных органов и представительств таможенной службы за рубежом.

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Наиболее предпочтительной является точка зрения, согласно которой финансовый контроль в области таможенного дела — вид финансового контроля, являющегося институтом финансового права, которому как части целого присущи все характерные черты финансового контроля, в том числе и комплексность. Предметом правового регулирования указанного финансово-правового института являются общественные отношения по контролю за соблюдением законности и целесообразности в области собирания, распределения (перераспределения) и использования денежных фондов государства, связанные с перемещением товаров и транспортных средств через таможенную границу. Финансовый контроль в области таможенного дела осуществляется органами как общей, так и специальной компетенции.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ)// Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N31, ст. 4398.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N146-ФЗ (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020)// «Собрание законодательства РФ», N31, 03.08.1998, ст. 3824.
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N145-ФЗ (ред. от 27.12.2019)// «Собрание законодательства РФ», 03.08.1998, N31, ст. 3823.
4. Федеральный закон от 05.04.2013 N41-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О Счетной палате Российской Федерации»// «Собрание законодательства РФ», 08.04.2013, N14, ст. 1649.
5. Федеральный закон от 10.12.2003 N173-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О валютном регулировании и валютном контроле»// «Собрание законодательства РФ», 15.12.2003, N50, ст. 4859.
6. Федеральный закон от 02.12.1990 N395-1 (ред. от 27.12.2019) «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2020)// «Собрание законодательства РФ», 05.02.1996, N6, ст. 492.
7. Федеральный закон от 06.12.2011 N402-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О бухгалтерском учете» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020)// «Собрание законодательства РФ», 12.12.2011, N50, ст. 7344.
8. Ялбулганов А. А. Финансовый контроль как правовой институт: основные этапы развития // Известия вузов. Правоведение. 2000. № 3.
9. Петров Д. Е. Отрасль права / под ред. М. И. Байтина. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. С. 41.
10. Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. С. 121.
11. Конюхова Т. В. Проблемы совершенствования законодательства о финансовом контроле в Российской Федерации // Журнал российского права. 2008. № 2.
12. Бакаева О. Ю. Таможенные фискальные доходы: правовое регулирование. М.: Статут, 2005.
13. Грачева Е. Ю., Хорина Л. Я. Государственный финансовый контроль: курс лекций. М.: Проспект, 2005. С. 68–70.
14. Любашиц В. Я., Мордовцев А. Ю., Тимошенко И. В. Теория государства и права: учебное пособие. Ростов н/Д: Издательский центр «Март», 2002. С. 371.
15. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Юрист, 2003. С. 311.

Законодательство США о природном газе в XX веке: основные нормативно-правовые акты

Асламова Ксения Андреевна, студент
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Абдыкалил кызы Элиза, студент
Государственный университет управления (г. Москва)

Энергетическое право США прошло достаточно долгий путь своего становления и развития. Начиная с доминирования доктрины классического либерализма, определявшей формат функционирования экономики стран Запада в XIX в., американское законодательство постепенно сместило акценты в вопросах государственного вмешательства в нефтегазовую систему страны в пользу сужения и ограничения свободы предпринимательства. Однако к концу прошлого столетия с реанимированием идей консервативного неоллиберализма нефтегазовое законодательство США претерпит существенные корректировки. В данной работе будут даны оценки наиболее важным нормативно-правовым актам, ставшими своего рода маркерами пройденного пути в становлении современного энергетического права США.

Ключевые слова: природный газ, США, нефтегазовое законодательство, энергетическое право, Закон о природном газе, Решение Филлипса, Закон о политике в сфере газовой отрасли, Закон об отмене контроля в сфере ценообразования на природный газ.

Считается, что в США активная добыча природного газа началась в середине XIX столетия. В данный отрезок времени еще не образовался общенациональный рынок этого вида углеводородного сырья. Мы можем лишь констатировать о том, что цена на газ определялась рыночными механизмами, свойствен-

ными тому или иному штату. Добавим, что, несмотря на обострение противоречий между штатами из-за вопроса о рабстве, которое наиболее ярко проявило себя именно в рассматриваемый нами период, страна переживала бурный рост промышленности, в том числе и в сфере транспорта, что, в свою очередь,

способствовало росту спроса на углеводороды. Отсутствие законодательства, регулирующего общественные отношения в сфере добычи, транспортировки и продажи газа, вело к тому, что на уровне штата формировался свой производитель-монопольист.

Оживление межрегиональной торговли в начале XX в. послужило причиной попытки усиления роли государства в нефтегазовом секторе страны. Данное обстоятельство объясняется тем, что администрация некоторых штатов выражала недовольство низкими ценами на газ в тех регионах, где добыча голубого топлива была более развита. Широкое распространение получило мнение о необходимости выравнивания цен на национальном уровне, что требовало более активной роли государства. Однако, как констатируют исследователи, данная попытка пересмотра механизма ценообразования оказалась безуспешной. Верховный суд США своим решением подтвердил главенство правил рыночной экономики и осудил сговоры между администрациями отдельных штатов [1, с. 10].

Однако мировой экономический кризис 1929–33 гг. не прошел бесследно и для нефтегазового сектора Северной Америки. Кейнсианство получало все более широкую популярность и политики левых убеждений становились все более востребованы. Ключевым моментом для развития газового сектора американской экономики стал 1938 г., когда федеральным законодательным органом был принят «Закон о природном газе» (Natural gas act (NGA)). Представителями Демократической партии было инициировано принятие данного документа, который отныне определял цены на транспортировку природного газа. Предполагалось, что компании, которые владели и эксплуатировали газопроводы, на тот отрезок времени исполняли сугубо посреднические роли в процессе доставки товара от производителя к конечному потребителю. Поэтому влияние данных игроков на ценообразование было сведено к минимуму. Более того, тенденции монополизации, к которым наиболее критически относились именно демократы, более четко прослеживались именно в сфере транспортировки газа. Данное обстоятельство, как полагают исследователи, также способствовало принятию рассматриваемого нами нормативно-правового акта. Заметим также, что начатая борьба с монополизацией в нефтегазовом секторе была продолжена. Уже в 1940 г. в США в академических кругах начнется дискуссия по вопросу о том, необходим ли закон, который поставит под контроль государства и отпускные цены на голубое топливо с мест его добычи.

Следующим важным шагом в развитии нефтегазового законодательства США стало принятие Верховным судом США в 1954 г. так называемого «Решения Филлипса» (Phillips Petroleum Co. V. Wisconsin). Суть данного спора заключалась в следующем. Администрация штата Висконсин выразила озабоченность тем, что компании, добывающие газ, реализуют его по чрезвычайно завышенным ценам, тем самым нанося ущерб национальной экономике. В качестве примера были предоставлены данные по продажам известной корпорации Phillips Petroleum. После длительных и оживленных дебатов решение было принято в пользу государственного регулирования цен на газ в местах его добычи (wellhead).

Безусловно, 70-е гг. прошлого века стали переломными в истории мировой экономики и в развитии экономической теории как науки. Данное обстоятельство объясняется тем, что мировая экономика столкнулась со стагфляцией. Напомним, что под данным термином понимается экономический кризис, показателями которой являются и высокая инфляция и рост безработицы одновременно. До 70-х гг. прошлого столетия в мировой экономической науке доминировало, как известно, кейнсианская теория, сторонники которой считали категории *инфляция* и *неполная занятость* дихотомичными. Предполагалось, что при росте цен национальная экономика работает на полную мощь, что, в свою очередь, только поддерживает спрос на рабочую силу на высоком уровне. Однако, как оказалось позднее, ситуация может быть усложнена тем, что высокая себестоимость природных ресурсов, в частности нефти и газа, не позволит национальной экономике задействовать рабочие силы на полную мощь.

В 1978 г. в США был принят «Закон о политике в сфере газовой отрасли» (Natural gas policy Act (NGPA)). Примечательно, что государственное вмешательство в ценообразование было ослаблено. Тем не менее, говорить о том, что с принятием данного нормативно-правового акта мы наблюдаем отход от прежней модели активной роли государства в нефтегазовой отрасли, пока еще преждевременно. Основная идея принятого закона заключалась в том, чтобы создать регулируемый общенациональный рынок природного газа. Действительно, отныне цена на газ не могла быть зафиксирована Министерством финансов страны. Однако американский законодатель обязал газодобывающие компании учитывать уровень инфляции в стране. Таким образом, незаконной считалась продажа голубого топлива, если рост уровня его отпускной цены опережал рост уровня инфляции в стране. Как констатируют исследователи, принятие данного нормативно-правового акта существенно оживило нефтегазовую отрасль в стране. Примечательно, что стагфляция в такой ярко выраженной форме в последующие годы уже не наблюдалась.

Пик популярности так называемых рейгономики и тетчиризма, которые олицетворяли собой реанимирование идей консервативного либерализма, как известно, пришелся на 80-е — начало 90-х гг. прошлого столетия. Не обошла данная тенденция и американское законодательство в сфере нефти и газа. Добавим также, что подобная тенденция наблюдалась во многих странах западного мира [2].

В 1989 г. североамериканский законодатель принял «Закон об отмене контроля в сфере ценообразования на природный газ» (The Natural Gas Wellhead Decontrol Act). Преподавалось, что новый курс экономической политики оживит американскую экономику. В целом, данные ожидания оправдались. В данный отрезок времени экономика США стала уверенно расти. «Ежегодные темпы роста реального ВВП перешли рубеж 4%, повысились темпы роста производительности труда, вялые в течение длительного времени в прошлом. Относительно быстрый рост продолжился и в 2000 г., уровень безработицы к концу десятилетия упал до 4%, инфляция подавлялась. Темпы экономического роста превысили показатели 60-х годов — самого благополучного периода, отмеченного в США» [3].

Итак, по материалам нашего исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, нефтегазовый сектор любой страны, в том числе и США, представляет собой сферу интересов крупного бизнеса, который, в свою очередь, отнюдь не спешит разделять идеи социальной справедливости. Заметим, что откат к либеральным идеям в законодательной сфере был осуществлен в годы правления республиканцев. Пожалуй, годы правления Р. Рейгана можно назвать некой квинтэссенцией со-

временного консервативного либерализма. Напомним, что программа «звездных войн», обострение отношения с СССР пришлись именно на годы правления республиканцев из команды Р. Рейгана. Во-вторых, законодательство в сфере нефтегазового регулирования наиболее ярко и наглядно продемонстрировало мировой общественности и академическим кругам тот идеологический разворот (либерализм — кейнсианство — неолиберализм) который мир пережил на протяжении прошлого столетия.

Литература:

1. Aliyeva S. Karşılaştırmalı hukukta doğal gaz sözleşmelerinde uygulanan 'al ya da öde' (take or pay) klotu. — Ankara: Ankara üniversitesi, 2014. — 128 s.
2. Нуриев Б. Д., Зулькарнаева Е. З., Яковлева Р. П. Нефтяная промышленность Турции в середине XX в.: реформы в области энергетического права // Евразийский юридический журнал. — 2018. — № 8. — С. 393–397.
3. Д. М. Котц Неолиберализм и экономическое развитие США в 90-е гг. Режим доступа http://vasilieva.narod.ru/6_1_03.htm. Дата обращения: 14.09.2020.

Несовершеннолетний как субъект уголовной ответственности

Аюбов Лом-Али Султанович, студент магистратуры

Научный руководитель: Кобзева Елена Васильевна, кандидат юридических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена актуальной в настоящее время теме исследования, поскольку все больше прослеживается тенденция к омоложению преступности несовершеннолетних. Несовершеннолетний как субъект уголовной ответственности имеет свои особенности. В статье они обозначены, а также выявлены проблемы в рассматриваемой области.

Ключевые слова: несовершеннолетний, субъект уголовной ответственности, возраст, невменяемость, критерии.

A minor as a subject of criminal responsibility

The article is devoted to the current research topic, since there is an increasing trend towards the rejuvenation of juvenile delinquency. A minor as a subject of criminal responsibility has its own characteristics. In the article, they are identified, as well as problems in the field under consideration.

Key words: minor, subject of criminal responsibility, age, insanity, criteria.

Ежегодно преступность несовершеннолетних остается на довольно высоком уровне не только в России, но и во всем мире. Это связано с усилением ряда негативных явлений в экономической, социально-политической, правовой, культурной, семейно-бытовой и других сферах жизни населения. Ослабление семейного воспитания и надзора, желание подражать взрослым, любопытство, самоутверждение среди сверстников приводит подростка к употреблению алкоголя, одурманивающих и наркотических веществ, что толкает их на путь преступной жизни. Совершение несовершеннолетними преступлений и совершение ими антиобщественных деяний являются взаимосвязанными явлениями, при этом нередко одно из них влечет наступление другого. Как правило, формированию личности преступника способствует среда его обитания, ближайшее окружение, но встречаются и случаи, когда в, казалось

бы, совершенно положительной семье, вырастает ребенок, имеющий явные преступные наклонности.

В соответствии со ст. 20 УК РФ субъектом преступления (лицом, подлежащим уголовной ответственности), по общему правилу, признается лицо, достигшее 16-летнего возраста, однако в некоторых случаях возрастная граница снижается до 14-летнего возраста.

Кроме того, субъектом преступления может быть только физическое лицо, при этом обладающее признаком вменяемости, который определенным образом характеризует субъекта преступления — путем определения его способности осознавать в момент совершения деяния его общественно опасный характер и способности отдавать отчет своим действиям либо бездействию, а также возможности осуществлять руководство ними.

Следует отметить, что в уголовном законе не нашло своего закрепления определение вменяемости, несмотря на то, что оно является обязательным признаком любого состава преступления.

Чтобы понять содержание вменяемости, следует проанализировать положения, нашедшие свое закрепление в ч. 1 ст. 21 УК РФ. В соответствии с указанной нормой невменяемым признается лицо, которое в момент совершения преступления не могло осознавать фактический характер своих действий (бездействия) и их общественную опасность или осуществлять руководство ими в результате наличия хронического или временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики.

Можно прийти к выводу, что вменяемость в первую очередь напрямую зависит от состояния психики конкретного лица в момент совершения преступления, а также от его способности осознавать фактический характер своих действий и осуществлять руководство ими.

В современной уголовно-правовой науке понятие невменяемости включает в свое содержание два критерия. Первым из критериев невменяемости является медицинский или биологический критерий, а вторым — юридический или психологический критерий.

Медицинский критерий невменяемости предполагает наличие у лица на момент совершения деяния хронического или временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики. Под юридическим критерием невменяемости понимается неспособность лица осознавать фактические обстоятельства совершаемого им деяния и его социальную значимость, которые в совокупности представляют собой общественно опасный характер совершаемого деяния, а также неспособность руководить своими поступками. Только суд может определить юридический критерий невменяемости и дать оценку лицу, который совершил общественно опасное деяние, подтвердив, что в момент совершения деяния лицо неспособно было осознавать характер своих действий и осуществлять руководство ими.

Вопрос о том, насколько несовершеннолетний в возрасте до 14 лет понимает и оценивает свои действия, актуализировался в связи с тем, что в настоящее время такие лица широко вовлечены во все сферы деятельности. Развитие и внедрение новых технологий позволяют совершать человеку любые операции посредством сети интернет. Доступность информации предоставляет несовершеннолетним, в том числе не достигшим 14 лет, возможности узнавать о механизмах и принципах функционирования преступной деятельности. Это способствует большему осознанию, а также вовлечению в данную деятельность малолетних лиц.

Установление уровня психического развития несовершеннолетнего решается экспертным путём с проведением судебной психолого-психиатрической экспертизы.

Суд иногда ограничивается указанием на то, состоит или не состоит лицо на учёте у психиатра. Что касается проведения экспертизы, то по итогу в ее заключении указываются следующие сведения: имеются ли у лица психическое расстройство, нарушения в эмоционально-волевой сфере, когнитивные на-

рушения, целенаправленное и последовательное мышление, критико-прогностические способности, способствующие правильному и всестороннему пониманию жизненных ситуаций. В результате устанавливается факт правильного восприятия лицом обстоятельств, имеющих отношение к делу.

Выявление наличия или отсутствия у несовершеннолетнего отставания в психическом развитии чаще всего сопряжено с их аффективными реакциями на обследование. Данная ситуация затрудняет выявление реального уровня интеллектуального развития подростка.

Представляется, что учёт психического развития несовершеннолетнего необходим, чтобы назначить лицу такое наказание, при исполнении которого на него не будут оказывать влияния явления социальной жизни, которые приводят к отставанию в психическом развитии, а также к противоправному поведению вообще. Внешние факторы формируют преступное поведение лица через внутренние психические особенности. У лиц, имеющих отставания в психическом развитии, по-другому протекает процесс формирования мотивов, на что тоже следует обратить внимание при избрании наказания несовершеннолетнему.

Установление уровня психического развития связано с тем, что уголовное законодательство, говоря о возрасте уголовной ответственности, предполагает средний уровень психического развития, соответствующий реальному возрасту. Очевидно, что не всегда интеллектуально-психологический возраст соответствует реальному возрасту несовершеннолетнего.

При рассмотрении дел о преступлениях, совершённых несовершеннолетними, психологические знания должны использоваться максимально широко.

Возраст, предложенный законодателем в ст. 20 УК РФ, был определен еще в перестроечный период. Существенные изменения общественной жизни повлияли на развитие несовершеннолетних. Именно поэтому в Государственную Думу РФ стали вноситься законопроекты о снижении возраста (например, 10.07.2019 законопроект о снижении возраста по ст. 245 УК РФ — жестокое обращение с животными).

По мнению А. А. Байбарина, минимальный возраст уголовной ответственности должен быть снижен до 11 лет. Депутат Государственной Думы В. А. Поневежский предлагает понизить возраст уголовной ответственности с 16 до 14 лет, а за совершение тяжких и особо тяжких преступлений — с 14 до 12 лет.

В качестве дополнительного аргумента следует указать на существование в зарубежных государствах пониженного возраста. Так, с 12-летнего возраста несовершеннолетний может быть признан субъектом преступления в Португалии, по достижении 10 лет — в Великобритании, Швейцарии, Австралии и Новой Зеландии, а с 7-летнего возраста — в Сирии, Сингапуре и Ирландии.

Стоит согласиться с мнением М. С. Яшиной, считающей, что Россия пока не готова к таким мерам, так как она относится к тем странам, где еще не развиты учреждения ювенальной юстиции. На сегодняшний день сторонники снижения возраста уголовной ответственности не учитывают, что российским законодательством уже установлен круг мер, которые могут быть применены

к не достигшему совершеннолетия лицу, совершившему запрещённое уголовным законом общественно опасное деяние, но в силу своего возраста не являющемуся субъектом преступления.

Лицо признается достигшим возраста 14, 16, 18 лет только на следующие после дня рождения сутки, т.е. лицо, совершившее преступление в день своего совершеннолетия, привлекается к ответственности как несовершеннолетний. По сложившейся традиции считается, что лицо достигает своего возраста не в дату своего рождения, а после того, как истекла данная дата, то есть с нуля часов следующих суток. Полагаем, что указанная позиция законодателя абсолютно верна, ведь мало кто знает с точностью время своего рождения. Требование к установлению точного момента рождения лица породило бы на практике множество сложностей, в связи с чем считаем, что законодатель избрал самый верный и простой путь определения возраста — по истечении тех суток, в которые рождено лицо.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Российская газета, № 113, 18.06.1996.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 4.
3. Синелобова Н. С. Актуальные проблемы снижения возраста уголовной ответственности несовершеннолетних // Наука и новация. 2018. С. 74–76.
4. Тупикова А. А. К дискуссии о возрасте уголовной ответственности несовершеннолетних // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 6 (48). С. 136–140.
5. Шаталова М. А. Категория «несовершеннолетний»: проблемно-темпоральные смыслы // Молодежь и XXI век — 2019. Курск, 2019. С. 337–339.

Международная защита прав детей в условиях эпидемии COVID-19

Бабушкина Анастасия Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Лисаускайте Валентина Влодо, кандидат юридических наук, доцент
Иркутский государственный университет

В статье исследуются современные проблемы, которые связаны с международной защитой прав детей в условиях эпидемии COVID-19, описываются наиболее пострадавшие группы детей, анализируется деятельность международных организаций по решению проблем, связанных с международной защитой прав детей в условиях эпидемии COVID-19.

Ключевые слова: права ребенка, защита прав ребенка, эпидемия COVID-19.

International protection of children's rights in the context of the COVID-19 epidemic

The article explores current issues related to the international protection of children's rights in the context of the COVID-19 epidemic, describes the most affected groups of children, and analyzes the activities of international organizations to solve problems related to the international protection of children's rights in the context of the COVID-19 epidemic.

Keywords: child rights, child rights protection, covid-19 epidemic.

11 марта 2020 г. ВОЗ объявила о начале пандемии COVID-19 (Coronavirusedisease 2019) из-за быстрого и глобального распространения инфекции, вызываемой новым коронавирусом [6].

Также на практике возникают ситуации, когда без вмешательства эксперта невозможно определить возраст лица. Однако очевидно, что эксперт, анализируя различные характеристики лица, не может с точностью определить дату рождения, в таком случае он определяет лишь год рождения лица. Лицо будет считаться достигшим возраста только тогда, когда истечет последний день в том году, который эксперты назвали годом рождения несовершеннолетнего.

Возраст необходимо устанавливать на момент совершения преступления, то есть именно на тот момент, когда лицо совершило преступные действия, а не на тот момент, когда наступили преступные последствия таких действий.

Подводя итоги исследования, отметим, что действующий УК РФ содержит ряд норм, позволяющих дифференцировать и индивидуализировать ответственность несовершеннолетних за преступления в сторону ее гуманизации.

При этом начиная с первых недель регистрации инфекции в очагах и отдельных районах, а в последующем — в период лавинообразного повышения заболеваемости в регионах, странах

и вплоть до ее глобального распространения по всей планете исследователи обращали внимание на тот факт, что удельный вес детей среди заболевших COVID-19 существенно ниже, чем других возрастных групп. Кроме этого, было также отмечено, что у детей имеет место более легкое течение заболевания и значительно реже встречаются осложнения и неблагоприятные исходы.

Подробная клиническая характеристика детей с COVID-19, заболевших в начале января 2020 г., представлена в статье W. Liuetal. (2020), которые проводили верификацию этиологии острых респираторных инфекций у 366 педиатрических пациентов госпиталя в г. Ухане. При этом новая коронавирусная инфекция была выявлена только у 6 пациентов (1,6% среди всех обследованных детей). Авторы отмечают, что у всех детей с COVID-19 причиной госпитализации была гипертермия выше 39°C. У всех отмечался кашель, а у 4 из них имела место рвота. Рентгенологическое подтверждение пневмонии было получено в 2/3 случаев. Показания для проведения интенсивной терапии были только у одного ребенка. При лабораторном обследовании отмечено умеренное снижение лейкоцитов, лимфоцитов и нейтрофилов. Авторы подчеркивают отсутствие специфических клинических проявлений новой коронавирусной инфекции у детей и незначительный удельный вес COVID-19 в структуре острых респираторных инфекций у госпитализированных детей в начальный период подъема заболеваемости [5].

Пандемия коронавирусной болезни (COVID-19) имеет такие масштабы, каких большинство ныне живущих людей никогда не видели. Во всем мире вспышка болезни уносит жизни и средства к существованию, поскольку системы здравоохранения ломаются, школы закрываются, а семьи изо всех сил пытаются удержаться на плаву.

Общины по всему миру поднимаются навстречу этой проблеме — от медицинских и социальных работников, рискующих своей жизнью, чтобы защитить наиболее уязвимых, до молодых людей, использующих новаторские способы обмена сообщениями в области общественного здравоохранения.

Тем не менее, даже если распространение вируса замедлится в некоторых странах, его социальные потери будут быстрыми и тяжелыми. И во многих местах это будет происходить за счет самых обездоленных детей.

Без принятия срочных мер этот кризис здравоохранения рискует перерасти в кризис прав ребенка [4, с. 122]. Разрушение общества оказывает тяжелое воздействие на детей: на их безопасность, благополучие, будущее. Только работая сообща, мы можем сохранить миллионы девочек и мальчиков, включая тех, кто был и до развития эпидемиологической угрозы в тяжелых жизненных условиях, здоровыми, безопасными и обучающимися.

Международные усилия по укреплению систем здравоохранения — путем обеспечения поставок и защитного оборудования для пострадавших общин, а также подготовки медицинских работников для профилактики, диагностики и лечения коронавирусной болезни-будут иметь большое значение для борьбы с этим вирусом. Но перегруженные системы здравоохранения угрожают больше, чем те, кто заболевает COVID-19.

В самых бедных частях мира дети, нуждающиеся в основных, но необходимых услугах — в том числе в защите от таких болезней, как пневмония, малярия и диарея, рискуют не получить их. Перебои в цепочках поставок и здравоохранении угрожают подорвать недавние достижения в области охраны здоровья детей, питания и развития, что потенциально может привести к значительному росту детской смертности. Приостановленные программы питания означают, что недоедающие дети останутся без лечения; перебои в работе служб иммунизации могут спровоцировать вспышки заболеваний, против которых уже существует вакцина.

По мере расширения систем здравоохранения младенцы и дети будут терять свою жизнь из-за предотвратимых причин [3, с. 14].

Международная организация ЮНИСЕФ призывает правительства и партнеров продолжать оказывать жизненно важные услуги в области охраны здоровья матерей, новорожденных и детей. Это означает продолжение удовлетворения неотложных потребностей, связанных с COVID-19, при одновременном осуществлении важнейших медико-санитарных мероприятий, таких как финансирование программ питания и иммунизации, которые обеспечивают выживание и процветание детей [1].

По мере того, как школы по всему миру закрываются, чтобы предотвратить распространение COVID-19, родители, воспитатели и педагоги активно реагируют, находя новые способы сохранить обучение детей. Но не все девочки и мальчики имеют доступ к интернету, книгам или школьным пособиям. А для тех, кто полагается на школьные программы питания, закрытие означает отрезание от пищи, необходимой им для обучения и процветания.

Более того, предыдущие отключения показали, что дети, которые не посещают школу в течение длительного периода времени, особенно девочки, с меньшей вероятностью вернуться, когда классы вновь откроются. ЮНИСЕФ призывает правительства расширить возможности обучения на дому, включая нетехнические и низкотехнологичные решения, и уделять приоритетное внимание подключению к Интернету в отдаленных и сельских районах.

Каждый день дети-беженцы, дети-мигранты и дети, затронутые конфликтом, сталкиваются с невыразимыми нарушениями прав человека и угрозами их безопасности и благополучию — и это в отсутствие пандемии. Для многих из этих девочек и мальчиков доступ к базовым медицинским услугам и учреждениям крайне ограничен, а стесненные условия жизни делают невозможным социальное дистанцирование [2].

Эти дети, слишком часто скрываемые от глаз мира, не должны быть забыты во время реакции COVID-19. 2020 год уже должен был стать годом, когда больше людей, чем когда-либо, будут нуждаться в гуманитарной помощи, и эта пандемия только усугубит уязвимость детей в странах, затронутых кризисом.

Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций приступил к осуществлению глобального плана гуманитарного реагирования для COVID-19. Теперь международное сообщество должно объединиться в поддержку этих детей, оторванных

от своих семей и домов, чтобы защитить их права и защитить их от вреда.

Таким образом мировое сообщество, в целях защиты прав детей в условиях эпидемии COVID-19 осуществляет следующие действия:

1. Работа с правительствами, органами власти и другими партнерами по обеспечению соблюдения прав ребенка и мер по защите детей является неотъемлемой частью немедленного реа-

гирования COVID-19 и долгосрочного планирования восстановления;

2. Активизация работы с детьми-беженцами и мигрантами, а также теми, кто пострадал от конфликтов, с тем чтобы обеспечить их защиту от COVID-19;

3. Поддержка значимого участия защитников прав ребенка в разработке и осуществлении программ, отвечающих требованиям COVID-19.

Литература:

1. Деятельность международной организации ЮНИСЕФ в связи с коронавирусной инфекцией // Текст: электронный. — URL: <https://www.unicef.org/coronavirus/covid-19> (дата обращения: 24.05.2020).
2. Дронова С. Ф. Ограничение конституционных прав в условиях эпидемиологических потрясений / С. Ф. Дронова — Текст: непосредственный // Конституционное и муниципальное право. — 2020. — № 6. — С. 69–77.
3. Иглин А. В. Международно-правовой анализ усилий ООН и подведомственных организаций в сфере борьбы с COVID-19 / А. В. Иглин. — Текст: непосредственный // Теория права и межгосударственных отношений. — 2020. — № 1 (11). — С. 3–21.
4. Мельников В. Ю. Роль государства в обеспечении прав и свобод человека / В. Ю. Мельников. — Ростов-на-Дону, 2020. — 312 с. — Текст: непосредственный.
5. Liu W., Zhang Q., Chen J. et al. Detection of COVID-19 in Children in Early January 2020 in Wuhan, China. *N Engl J Med*. 2020; Mar 12 // Текст: электронный. — URL: <https://www.nejm.org/doi/10.1056/NEJMc2003717>. DOI: 10.1056/NEJMc2003717 (дата обращения: 25.06.2020).
6. World Health Organization (WHO) Coronavirus disease (COVID-19) pandemic. // Текст: электронный. — URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019> (дата обращения: 25.06.2020).

Исторические аспекты становления и развития нормативного регулирования обвинительной деятельности в уголовном судопроизводстве России в досоветский период

Бастрыкин Вадим Вячеславович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается становление и развитие института обвинения от Русской Правды до установления советской власти. Изучено определяющее влияние судебной реформы 1864 г. на урегулирование и нормативное закрепление основных начал обвинительной деятельности.

Ключевые слова: истец, обвинение, ответчик, Русская Правда, судебная реформа 1864 г., уголовное судопроизводство.

Необходимость исследования исторических аспектов института обвинения обусловлена множеством точек зрения на различные аспекты его зарождения и развития, существующие в научной среде. В хронологии развития института обвинения, как правило, выделяют четыре периода:

- дореформенный (до судебной реформы 1864 года),
- послереформенный (с 1864 по 1917 гг.),
- советский период (с 1917 по 1990 гг.)
- современный (с 1990 года по настоящее время) [7, с. 56].

Первые три периода являются наиболее интересными и информативными для изучения, так как именно тогда были сформированы основы уголовного процесса и уголовно-процессуального законодательства. Многие положения закона, сформулированные в тот период, были восприняты и действующим законодательством. В настоящей статье мы рассмотрим

дореформенный и послереформенный периоды развития института обвинения.

В период до 1864 г. нормы об институте обвинения отсутствовали. Уголовное судопроизводство носило частно-исковой характер, для которого было характерно равноправие сторон в рамках судебного процесса. В связи с отсутствием в государстве следственных органов, бремя доказывания возлагалось на стороны процесса, которые, чтобы выиграть процесс, должны были предоставить суду как можно больше доказательств своей правоты.

Первым кодифицированным нормативным актом, закрепляющим отдельные положения об отдельных институтах уголовно-процессуального права, принято считать Русскую Правду. Особенностью данного документа является то, что он закреплял частно-исковой порядок судопроизводства: по-

водом для возбуждения уголовного дела выступала исключительно жалоба потерпевшего, при этом каждый иск рассматривался как обвинение, поскольку «всякое притязание носило деликатный характер» [2, с. 174]. При этом права и обязанности сторон процесса были равны [3, с. 82].

В тексте Русской Правды закреплены понятия противоправности и преступности деяния, его наказуемости, а также порядок уголовного судопроизводства того времени. Обязанность доказывания возлагалась на стороны, что является характерной особенностью частного-искового производства (ст. 35 РП).

Далее, ст. 2 Судебника 1497 года сформулировала понятие иска, жалобы как повода для начала дела. Истец в подтверждение иска должен привести «послухов» — свидетелей. Если выставленный им послух не говорит в «ысцевы речи», то есть не подтверждает какие-то факты, приводимые истцом, истец лишается права на удовлетворение иска (ст. 51 Судебника 1497 г., ст. 15 Судебника 1550 г.).

Оба Судебника предусматривали случаи примирения сторон на любой стадии: «А которые жалобницы заданы судьями и оба истца до суда помирятся, и по тем жалобницам судьям пошлин не имати ж» (ст. 53 Судебник 1497 г., ст. 31 Судебник 1550 г.) [8, с. 54–62, 97–128].

Также ст. 13 Новгородской судной грамоты закрепляет положения о возможности подачи встречного иска и порядок его рассмотрения [8, с. 313], что является характерной чертой дел частного обвинения. Таким образом, развитие института обвинения, и в особенности — частного обвинения, продолжилось.

С развитием российской государственности, усилением противоречий между различными слоями общества и централизации государственной власти, свое развитие также получают и положения уголовно-процессуального законодательства. Наиболее значимыми правовыми актами этого периода являются Судебник 1497 г. великого князя Ивана III и Судебник 1550 г. царя Ивана IV Грозного. Указанные нормативные документы положили начало отказу от кровной мести, закрепив, что вопросы наказания и ответственности за преступления относятся к исключительной юрисдикции государства.

Значительные изменения порядок уголовного судопроизводства претерпевает в период феодальной раздробленности. Частное начало постепенно уступает место публичному, что наиболее отчетливо прослеживается в тексте Соборного Уложения 1649 года. В этот период закладываются основы инквизиционного уголовного процесса, что выражается в законодательно установленной возможности возбуждения уголовного дела при отсутствии истца [5, с. 28]. В то же время, глава 10 Соборного Уложения 1649 года закрепляет положения о тождественности прав и обязанностей сторон процесса, необходимости наличия жалобы потерпевшего для начала уголовного преследования, то есть устанавливает частно-исковые начала судопроизводства.

Несколькими десятилетиями позже инквизиционный процесс приходит на смену состязательному. Так, во время царствования Петра I, основным доказательством виновности подсудимого считались признательные показания, вне зависимости от того, подтверждены ли они еще какими-либо доказательствами по делу. В «Кратком изображении процесса и су-

дебных тяжб» 1715 года было дано понятие «доказательство» и закреплена система доказательств, классифицированных в зависимости от степени их значимости.

12 января 1722 года вводится должность генерал-прокурора, одной из функций которого выступал контроль за исполнением законов. Однако, поддержание государственного обвинения не осуществлялось в связи с тем, что уголовный процесс носил ярко выраженный розыскной характер.

Свое развитие полномочия прокуратуры получили в важнейшем законодательном акте реформы местного самоуправления, принятом 07 ноября 1775 года, — «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», в котором закрепили обязанность прокуроров по поддержанию государственного обвинения по уголовным делам в отсутствии истца, а также по участию в судебном заседании [6, с. 84].

Большой вклад в совершенствование и развитие уголовного процесса внес Свод Законов Российской Империи 1832 года, закрепивший этапы производства по уголовному делу. Одним из следственных действий того времени при проведении формального следствия был допрос обвиняемого, при проведении которого обвиняемый не только был обязан отвечать на вопросы следователя, но и мог приводить доказательства своей невиновности. После установления всех обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела, и сбора всех необходимых доказательств следствие заканчивалось и начинался следующий этап производства по уголовному делу — судебный процесс [1, с. 57].

Во второй половине XIX века реформы в сфере уголовного, уголовно-процессуального законодательства, а также реформа системы государственных органов способствовали тому, что процедура судебного разбирательства приобретает современные черты. Равноправными участниками процесса выступают сторона обвинения, представленная прокурором или частным обвинителем, а также сторона защиты в лице адвоката. В обязанности прокурора включается поддержание государственного обвинения как при наличии потерпевшей стороны, так и при ее отсутствии.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. называет основные принципы и стандарты обвинительной деятельности прокурора:

- при формулировке обвинения необходимо излагать только основные, наиболее важные обстоятельства (ст. 737),
- формулируя обвинение, прокурору следует кратко резюмировать степень вины преступника (ст. 737),
- при изложении существа обвинения необходимо излагать как сведения, подтверждающие вину обвиняемого, так и свидетельствующие о его невиновности. Гротескное преувеличение виновности преступника не допускается (ст. 739),
- при отсутствии присяжных заседателей должно быть указано наказание, которое применимо по закону (ст. 738),
- за прокурором закрепляется право выступления с обвинительной речью в судебных прениях [4, с. 87].

Также в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — Устав 1864 г.) впервые разграничиваются понятия «повод возбуждения уголовного дела» и «основание для привлечения лица в качестве обвиняемого». Наличие повода к началу предварительного следствия уже являлось недостаточным для привле-

чения лица к ответственности, необходимо было подтвердить виновность лица совокупностью доказательств [11, с. 13].

Устав 1864 г. также расширяет права обвиняемого, на законодательном уровне устанавливая его право на ознакомление с материалами дела (ст. 476), на принесение возражений относительно полученных от свидетелей (ст. 469), на принесение жалоб на действия следователя, нарушающие его законные права (ст. 477), закрепляется право обвиняемого знать, в чем его обвиняют (ст. 403) и др. [10, с. 152]

Таким образом, судебная реформа 1864 года явилась отправной точкой для формирования и становления института государственного обвинения. В этот период произошла смена розыскного уголовного процесса на состязательный [9].

Подводя итоги историко-правового анализа возникновения и развития института обвинения, выделим его основные особенности в исследуемом временном периоде:

- в период до 1864 г. нормы об институте обвинения отсутствовали. Уголовное судопроизводство носило частно-исковой характер, для которого было характерно равноправие сторон в рамках судебного процесса.
- возникновение понятия «государственное обвинение» обусловлено проведением судебной реформы 1864г,
- развитие системы органов прокуратуры, а также одного из направлений их деятельности — поддержания государственного обвинения, зависело от политической ситуации в государстве [12, с. 366].

Литература:

1. Буров Ю.В. Процессуальный порядок окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения. Дис... канд. юрид. наук. — Воронеж, 2011. — 204 с.
2. Владимирский-Буданов М. Ф. Очерки истории русского права. — Ростов: Феникс, 1996. — 640 с.
3. Загорский Г. И., Зюбанов Ю. А. У истоков российского уголовного судопроизводства. — М.: Проспект, 2016. — 104 с.
4. Крюков В. Ф. Прокурор в уголовном судопроизводстве России (история и современность): монография. — Курск, 2012. — 499 с.
5. Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России. — М.: Мысль, 2003. — 832 с.
6. Лесик Д. В. Становление и развитие института поддержания государственного обвинения в российском уголовно-процессуальном законодательстве // Вестник Воронежского института МВД России. — 2013. — № 2. — С. 82–86.
7. Пушкарев В. В. Формирование понятия и концепции уголовного преследования (обвинения) // Вестник экономической безопасности. — 2017. — № 3. — С. 56–59.
8. Российское законодательство X–XX вв. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Т. 2. — М., 1985.
9. Судебные уставы императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. Устав уголовного судопроизводства. — 10-е изд., перераб., испр. и доп. — СПб.: Изд. С. Г. Щегловитова, 1910. — 949 с.
10. Российское законодательство X–XX веков. Судебная реформа. Том 8. — Москва: Юрид. лит., 1991.
11. Федотченко А. В. Привлечение лица в качестве обвиняемого. Дис... канд. юрид. наук. — Москва, 2006. — 156 с.
12. Чевердюк О. Г. Некоторые аспекты становления института обвинения в уголовном судопроизводстве России: историческая ретроспектива // Молодой ученый. — 2016. — № 23 (127). — С. 365–368.

Роль института Уполномоченного по правам ребенка в Курской области

Гашина Елена Владимировна, студент
Курский государственный университет

В статье рассматривается институт Уполномоченного по правам ребенка в Курской области, его деятельность, структура и полномочия, взаимодействие Уполномоченного с государственными и общественными структурами по вопросам защиты прав и законных интересов детей Курской области.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам ребенка, защита прав и законных интересов, семья и дети.

The role of the institution of the Ombudsman for the Rights of the Child in the Kursk Region

The article examines the institution of the Ombudsman for the Rights of the Child in the Kursk region, its activities, structure and powers, the interaction of the Ombudsman with state and public structures on the protection of the rights and legitimate interests of children in the Kursk region.

Keywords: Commissioner for the Rights of the Child, protection of rights and legitimate interests, family and children

В настоящее время, как и во все времена, дети считаются наиболее уязвимыми, менее защищенными членами об-

щества, поэтому необходимо создание института, целью существования которого являлась бы защита прав и интересов

детей. Таковым стал институт Уполномоченного по правам ребенка (в разных странах может называться по-разному). Первый Уполномоченный по правам ребенка появился в Норвегии в 1981 году. Позднее была принята Конвенция «О правах ребенка» 1989 года, которая была ратифицирована в том числе и Россией. Пункт 2 статьи 2 Конвенции гласит, что «государства участники принимают все необходимые меры для обеспечения защиты ребенка от всех форм дискриминации» [1]. Можно сказать, что именно это положение Конвенции стало основанием для создания института Уполномоченного по правам ребенка и в других странах, ратифицировавших её.

Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» устанавливает, что «государство признает детство важным этапом жизни человека и исходит из принципов приоритетности подготовки детей к полноценной жизни в обществе, развития у них общественно значимой и творческой активности, воспитания в них высоких нравственных качеств, патриотизма и гражданственности [2]». Именно этот федеральный закон положил начало формированию законодательства об институте действующим в целях защиты прав и интересов детей в Российской Федерации.

Должность Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации была введена федеральным законом от 01.09.2009 № 186 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка». Раньше федерального Уполномоченного появились уполномоченные в субъектах Российской Федерации. Первыми регионами, в которых появились Уполномоченные по правам ребенка, стали Санкт-Петербург, Екатеринбург, Волгоградская, Калужская и Новгородская области.

В Курской области постановлением Губернатора Курской области от 11 ноября 2009 года № 366 «Об Уполномоченном по правам ребенка при Губернаторе Курской области» была введена должность Уполномоченного по правам ребенка при Губернаторе Курской области — директора департамента по опеке и попечительству, семейной и демографической политике Курской области. В 2011 году постановлением Губернатора Курской области от 1 июня 2011 года № 204-пг «Об Уполномоченном по правам ребенка при Губернаторе Курской области» слова «директор департамента по опеке и попечительству, семейной и демографической политике Курской области» были исключены.

После принятия федерального закона от 27.12.2018 № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» Курская область в числе первых привела в соответствие с федеральным законодательством и региональное законодательство — был принят закон Курской области от 25.02.2019 года № 1-ЗКО «Об Уполномоченном по правам ребенка в Курской области». Указанным законом регулируется правовое положение, задачи и полномочия, порядок назначения на должность и досрочного прекращения полномочий Уполномоченного по правам ребенка в Курской области (далее — Уполномоченный), а также иные вопросы его деятельности

Действующим уполномоченным по правам ребенка в Курской области является Листопадова Наталья Геннадьевна.

Целью деятельности Уполномоченного является «обеспечения дополнительных гарантий эффективного функциони-

рования механизмов реализации, соблюдения и защиты прав и законных интересов детей органами государственной власти Курской области, органами местного самоуправления, образовательными и медицинскими организациями, организациями, оказывающими социальные и иные услуги детям и семьям, имеющим детей, и должностными лицами [4]», а основными задачами Уполномоченного являются:

1) обеспечение защиты прав и законных интересов детей, являющихся гражданами Российской Федерации, детей, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства, на территории Курской области в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации;

2) мониторинг и анализ эффективности функционирования механизмов реализации, соблюдения и защиты прав и законных интересов детей на территории Курской области органами государственной власти Курской области, органами местного самоуправления, образовательными и медицинскими организациями, организациями, оказывающими социальные и иные услуги детям и семьям, имеющим детей, и должностными лицами;

3) участие в реализации единой государственной политики в области обеспечения и защиты прав и законных интересов детей, в том числе участие в деятельности координационных органов, созданных в целях реализации указанной государственной политики, а также подготовка и направление Губернатору Курской области и в Курскую областную Думу соответствующих предложений;

4) предупреждение нарушения прав и законных интересов детей, содействие восстановлению нарушенных прав и законных интересов детей [4].

Задачи федерального Уполномоченного несколько шире, что обосновано положением Уполномоченного при Президенте Российской Федерации в вертикале власти, и помимо вышеперечисленных включают в себя: «содействие формированию и эффективному функционированию государственной системы обеспечения реализации, соблюдения и защиты прав и законных интересов детей государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами;

участие в деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;

содействие развитию международного сотрудничества в области защиты прав и законных интересов детей» [3].

При осуществлении своих полномочий Уполномоченный в соответствии с законодательством взаимодействует с государственными органами, органами местного самоуправления, должностными лицами, общественными организациями, активистами.

Для реализации поставленных перед ним задач Уполномоченный имеет право:

1) запрашивать и получать от территориальных органов федеральных государственных органов, органов государственной власти Курской области, органов местного самоуправления и должностных лиц необходимые сведения, документы и материалы;

2) посещать территориальные органы федеральных государственных органов, органы государственной власти Курской

области, органы местного самоуправления, образовательные и медицинские организации, организации, оказывающие социальные и иные услуги детям и семьям, имеющим детей, расположенные на территории Курской области;

3) посещать учреждения, исполняющие наказания, и следственные изоляторы, в которых содержатся несовершеннолетние, беременные женщины и женщины, дети которых находятся в домах ребенка исправительных учреждений;

4) обращаться в суд с административными исковыми заявлениями о признании незаконными решений, действий (бездействия) органов государственной власти Курской области, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных или муниципальных служащих в защиту прав и законных интересов детей, если полагает, что оспариваемые решения, действия (бездействие) не соответствуют нормативному правовому акту Российской Федерации, нарушают права и законные интересы детей, создают препятствия к реализации их прав и законных интересов или на них незаконно возложены какие-либо обязанности;

5) направлять в органы государственной власти Курской области и органы местного самоуправления мотивированные предложения об издании (принятии) нормативных правовых актов, о внесении в нормативные правовые акты изменений, направленных на обеспечение реализации и соблюдения прав и законных интересов детей, признании нормативных правовых актов утратившими силу или приостановлении их действия в случаях, если эти акты нарушают права и законные интересы детей;

6) направлять Губернатору Курской области мотивированные предложения о признании утратившими силу или приостановлении действия актов органов исполнительной власти Курской области в случаях, если эти акты нарушают права и законные интересы детей;

7) самостоятельно или совместно с уполномоченными государственными органами и должностными лицами проводить проверку информации, изложенной в обращении на имя Уполномоченного, содержащей жалобу, либо иной информации по вопросам, касающимся нарушения прав и законных интересов детей;

8) участвовать в пределах своих полномочий в деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в порядке, установленном законодательством Российской Федерации и (или) законодательством Курской области;

9) безотлагательного приема руководителями либо лицами, временно исполняющими их обязанности, иными должностными лицами территориальных органов федеральных государственных органов, органов государственной власти Курской области, органов местного самоуправления, образовательных и медицинских организаций, организаций, оказывающих социальные и иные услуги детям и семьям, имеющим детей, расположенных на территории Курской области;

10) осуществлять прием граждан, рассматривать обращения, касающиеся фактов нарушения прав и законных интересов детей;

11) направлять в органы государственной власти Курской области, органы местного самоуправления и должностным лицам, в решениях или действиях (бездействии) которых усматриваются нарушения прав и законных интересов детей, мотивированные предложения, содержащие рекомендации по устранению указанных нарушений;

12) направлять в компетентные органы обращения о привлечении к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности лиц, в решениях или действиях (бездействиях) которых усматриваются нарушения прав и законных интересов ребенка;

13) направлять предложения в рамках общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов Курской области, затрагивающих вопросы соблюдения и защиты прав и законных интересов детей;

14) принимать участие в заседаниях Курской областной Думы, Администрации Курской области и иных органов исполнительной власти Курской области по вопросам, связанным с соблюдением и защитой прав и законных интересов детей;

15) осуществлять иные права в рамках своих полномочий в соответствии с федеральными законами и законами Курской области [4].

Также Уполномоченный обязан направлять ежегодный доклад о результатах своей деятельности Губернатору Курской области, в Курскую областную Думу и Уполномоченному при президенте Российской Федерации по правам ребенка, а также доклад размещается на официальном сайте Уполномоченного в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и официально публикуется в газете «Курская правда». Такой доклад помимо прочего должен содержать в себе «оценку соблюдения прав и законных интересов детей на территории Курской области, а также предложения о совершенствовании их правового положения» [4].

Однако Уполномоченный по правам ребенка работает не в одиночку, для выполнения всех возложенных на Уполномоченного задач создан рабочий аппарат, который осуществляет «юридическое, организационное, научно-аналитическое, информационно-справочное и иное обеспечение деятельности Уполномоченного» [4].

Необходимость создания такого рабочего аппарата объясняется прежде всего большим объемом работы Уполномоченного. Только за период с 05.06.2019 по 31.12.2019 Уполномоченному по правам ребенка поступило 260 обращений из них большая часть (189 обращений) составляют обращения по социальной тематике. Основной категорией заявителей выступают родители (72% от общего числа заявителей). Количество обращений за 2019 год выросло, в том числе в прошедшем году были зарегистрированы обращения несовершеннолетних (6%), детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (1,3%) [5].

В случае обнаружения в обращениях фактов, указывающих на жестокое обращение с детьми, совершения противоправных действий в отношении несовершеннолетних, Уполномоченный направляет эту информацию в следственное управление Следственного комитета России по Курской области, прокуратуру Курской области, УМВД России по Курской области, их терри-

ториальные отделы для проведения проверок и принятия мер реагирования.

Помимо рассмотрения жалоб и анализа обращений, Уполномоченный осуществляет деятельность по обеспечению защиты законных прав и интересов детей в Курской области, например, осуществляет правовое просвещение, заключает соглашения о сотрудничестве с органами и учреждениями в сфере защиты детей, участвует в разработке и реализации социально-значимых проектов по охране прав детей в Курской области.

Уполномоченный по правам ребенка принимает участие в конференциях, совещаниях, круглых столах, конгрессах, форумах, слетах по защите прав детей.

Еще одним направлением деятельности Уполномоченного по правам ребенка Курской области является внесение предложений Губернатору Курской области и в Курскую областную Думу. Например, в 2019 году Уполномоченным в Курскую об-

ластную Думу было внесено предложение об учреждении почетного знака «За верность отцовскому долгу». Хотя на данный момент существует медаль «Во славу отцовства», утвержденная решением Курского городского собрания от 17.12.2013 г. № 53–5-РС. Однако существует необходимость поощрения отцов за их заслуги в воспитании подрастающего поколения, укреплении института семьи, прививании детям семейных ценностей.

Таким образом, институт Уполномоченного по правам ребенка в Курской области занимает важное и значительное место в сфере защиты прав и законных интересов детей. Хотя институт относительно молодой, но с каждым годом, но осведомленность людей о существовании и деятельности этого института растет. Уполномоченный активно взаимодействует с государственными органами, общественными организациями, что обеспечивает результативность и развитие его деятельности.

Литература:

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.). Ратифицирована Постановлением ВС СССР 13 июня 1990 г. № 1559–1
2. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Российская газета, 05.08.1998 г.
3. Федеральный закон от 27.12.2018 № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» // Российская газета, 29.12.2018, 295
4. Закон Курской области от 25.02.2019 № 1-ЗКО «Об Уполномоченном по правам ребенка в Курской области» // Курская правда, № 23, 01.03.2019
5. Доклад о состоянии охраны прав детей в регионе и результатах деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Курской области в 2019 году: сайт. — URL: <http://deti.gov.ru/region/kursk> (Дата обращения: 15.08.2020)

Зарубежный опыт внедрения в судебную систему «ночных» судов на примере Сингапура и США

Глебова Ксения Артемовна, студент

Научный руководитель: Бурдина Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В данной статье автор рассматривает основные аспекты существования «ночных судов» в Сингапуре и США, выявляет ключевые проблемы, тормозящие развитие судебной системы, специфику «ночных судов», а также результаты их внедрения.

Ключевые слова: судебная система, реформирование, «ночные суды».

Современная судебная реформа обусловлена высоким интересом общества к поддержанию правового и социального порядка государством. Поэтому кажется актуальным обратиться к опыту зарубежных стран и рассмотреть внедрение в судебную систему «ночных» судов в качестве эффективного направления реформирования судебной системы.

На современном этапе практика «ночных судов» существует в Сингапуре и США.

Рассмотрим основные аспекты их существования в Сингапуре. Судебная реформа в Сингапуре началась в 1990 году, где

одной из причин выступила высокая загруженность судов низшего уровня, проявившаяся в накоплении большого количества дел, не рассматриваемых годами. Так стороны могли ждать назначения дела к слушанию до четырех лет, а на рассмотрение апелляций отводилось 2–3 года [4, с.434].

Реформирование судебной системы должно было идти по пути повышения уровня доброжелательности судов к пользователям: корректного отношения к сторонам и сокращения продолжительности производств. При этом администрирование судом стало основываться:

- на умении прогнозировать;
- на умении применять методики стратегического планирования;
- на умелом использовании информации;
- на умении разрабатывать политику в сфере управления персоналом;
- на умении обеспечивать производительность судебных производств, благодаря использованию информационно-коммуникационных технологий;
- на регулярном проведении исследований с целью выяснения уровня удовлетворенности пользователей судебными услугами.

Несколько лет работы сингапурских судов в данном направлении смогли ликвидировать «завалы» в рассмотрении дел, которые стали назначаться к слушанию оперативно, в течение месяца.

Этому способствовали следующие инструменты совершенствования:

- введение в действие в конце 90-х годов «Системы показателей правосудия», позволяющей измерять качество работы суда, которая в 2000 году заменилась электронной версией;
- непрерывное введение новых правил работы осуществляется на уровне основного закона, закрепляющего положения, согласно которому дела в Верховном суде могут рассматриваться в субботу и в воскресенье, а также в праздничные дни и в чрезвычайных случаях по требованию Главного судьи;
- суды наделяются индивидуальными функциями: так в Сингапуре имеется суд по делам детской преступности, суд по делам, которые связаны со смертельным исходом;
- расширяется юрисдикция нижестоящих судов и т.д.

В 1992 году разрабатывается и внедряется система «ночных судов», которые рассматривают дела о правонарушениях в сфере дорожного движения. Нововведение было связано с большим количеством нарушений правил дорожного движения, которые рассматривались в рамках основной системы судов, поэтому «ночные суды» были призваны облегчить доступ к правосудию работающей части населения.

Сегодня в вечернее время в Сингапуре осуществляют деятельность два суда:

- Суд № 26, который работает с повестками и уведомлениями, представленными различными административными ведомствами;
- Суд № 25, который рассматривает дела о нарушениях правил дорожного движения, представленных дорожной полицией.

Суды осуществляют свою деятельность четыре дня в неделю в период с 18:30 до 22:00 часов.

В США о проблеме задержек в рассмотрении дел заговорили еще в первой половине XX века. К концу второй половины XX века медлительность правосудия стала существенным препятствием на пути развития судебной системы.

На начальном этапе изменения судебной системы носили несистемный, процедурный характер, целью которых выступала оптимизация работы судей — ремонт помещений, компьютеризация и создание баз данных, увеличение численности сотрудников, расширение юрисдикции нижестоящих судов

и т.д. Позднее руководство судебной системы пришло к выводу о необходимости изменения парадигмы функционирования судов в целом, необходимости формирования нового подхода к оценке работы судов, формулирования новых ценностей и приоритетов.

Специально сформированные команды начали проводить системный анализ проблем и возможностей судов с учётом потенциального влияния демографических изменений, экономического и технологического развития государства, спрос на услуги судебной системы.

Были определены ключевые проблемы, которые мешают развитию судебной системы в США: плохая координация между основными процессами и подразделениями, неэффективное, непопулярное и озабоченное субординацией руководство, неясные стратегии и противоречивые приоритеты [3, с.23].

На основе выявленных проблем создан масштабный план преобразований с учетом институциональной инфраструктуры судебной системы в целом и человеческих ресурсов, интересов пользователей — гражданского населения и прочих заинтересованных сторон. Главной особенностью реформирования судебной системы США стала узкая специализация судов. Специализированные суды занимаются рассмотрением дел узкоспециальных категорий, например, касающихся налогов, земельных споров, споров о наследовании, претензий к властям, нарушений правил дорожного движения и т.д. Среди них важное место занимают «ночные суды», которые действуют в США в нескольких штатах. В них ведётся рассмотрение правонарушений в области дорожного движения и мелких преступлений. Так, например, «ночной суд» имеется на Манхэттене и в Нью-Йорке. В них рассматриваются дела с постоянно меняющимися сюжетами, в том числе с участием известных персон, что позволило сделать их туристическим хитом. Среди посетителей судебных заседаний простые туристы, юристы и студенты юридических факультетов. В суд также приходят родители, которые желают преподать своим детям урок правильного поведения. Ночная сессия судов продолжается с 17:00 до 01:00 следующего дня.

«Ночные суды» способствуют улучшению качества судопроизводства, быстрому восстановлению прав и интересов физических и юридических лиц. Суды нередко становятся инструментом оперативного проведения важнейших социальных реформ и преобразований [2].

Результатом внедрения «ночных судов» в Сингапуре и США стало сокращение среднего времени ожидания решения по делу, доверие со стороны общества к правосудию, что доказывает высокая оценка результатов реформы. Безусловно, рецепт реформ данных стран подходит не всем, однако, можно сделать некоторые универсальные выводы.

В первую очередь, необходимо мыслить стратегически, уделять много внимания долгосрочному планированию и текущему контролю. Критически важно иметь цельный, всеохватный подход к реформированию института, пусть даже не все аспекты будут реформированы одновременно. План реформ должен формироваться исходя из интересов пользователей института. Для успеха реформ важно также иметь

уважаемого и энергичного лидера. Вовлеченность рядовых сотрудников, инициатива на местах имеет большое значение, но без осмысленного и решительного руководства реформы не

будут эффективными. Кроме того, успешность судебной реформы неразрывно связана с политической и экономической устойчивостью страны.

Литература:

1. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»: Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 г № 1406 (ред. от 21.05.2020 г) // Собрание законодательства РФ. — № 1. — 2013. — ст. 13.
2. Официальный сайт Центра статистических разработок / Т. Ю. Бочаров / Предложения по совершенствованию судебной системы в российской федерации и изменения нормативных актов в целях их реализации / Т. Ю. Бочаров, В. В. Волков, Л. А. Воскобитова, А. В. Дмитриева, А. А. Смола, К. Д. Титаев, И. В. Цветков [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Официальный сайт http://www.enforce.spb.ru/images/Products/reports/Report_Justice_System_Preview.pdf
3. Харатьян Г. Э. Некоторые особенности судов штатов США в рамках концепции американского федерализма / Г. Э. Харатьян // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. — 2018. — № 6. — С. 22–26.
4. Пагиева Ф. О. Судебная система Сингапура / Ф. О. Пагиева // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире. — 2018. — С. 433–437.

Внедрение опыта «ночных судов» Сингапура, США и других стран зарубежья в судебную систему стран СНГ на примере Казахстана

Глебова Ксения Артемовна, студент

Научный руководитель: Бурдина Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

Статья посвящена вопросу реформирования судебной системы в Казахстане, основанного на внедрении «ночных судов», с целью устранения проблем низкой «производительности» судебной системы, усиления защиты прав граждан на фоне непрерывного развития рыночных отношений и общества.

Ключевые слова: судебная система, реформирование, «ночные суды».

После обретения страной независимости в казахстанской судебной системе произошли существенные изменения. Одним из ключевых направлений реформ выделяются обеспечение верховенства права и модернизация этой сферы. За последние годы принято большое количество государственных программ и законодательных новшеств в целях улучшения деятельности судов.

Основной задачей судебной власти Казахстана стало разрешение конфликтов и споров, которые возникают в общественной и государственной жизни, восстановление нарушенных прав, наказание тех, кто преступил правопорядок и нарушил закон.

Для решения проблем низкой «производительности» судебной системы в Казахстане решили воспользоваться опытом зарубежных стран (Сингапура, США, Великобритании и других стран) и разработать систематические меры, направленные на ускорение рассмотрения дел, в том числе за счёт повышения дисциплины проведения судебных заседаний. Стали осуществлять контроль соблюдения расписаний, продлевать при возникшей необходимости рабочие часы, резко ограничивая практику перерывов в судебных заседаниях, которая приводила к растягиванию судебных процессов, ввели ограничения на

время, отведенное на определенные действия судей и сотрудников судов, и т.д.

С целью устранения данных проблем и повышения гарантий защиты прав граждан на фоне стремительного развития рыночных отношений и общества в Казахстане в 2001 году начинают создаваться специализированные суды: межрайонные экономические суды, межрайонные административные суды, специализированные финансовые суды, межрайонные суды по делам несовершеннолетних и т.д. Создаётся соответствующая нормативно-правовая база по обеспечению деятельности специализированных судов.

Итоги деятельности данных судов доказали целесообразность их образования. Создание специализированных судов способствовало оптимальному решению вопросов специализации, повышения квалификации судей, уменьшения нагрузки на суды и повышению эффективности судебной деятельности. Как показывает опыт специализированных судов в зарубежных странах, специализация позволяет судьям на основе углубленных знаний по определенным отраслям права, специфических особенностей и нюансов отдельных категорий дел выносить более квалифицированные судебные решения, что является одним из важнейших факторов, обеспечивающих эф-

фективность судебной работы и решения некоторых проблем, связанных с судебной нагрузкой.

Результатом изучения зарубежного опыта стала разработка и введение в действие многочисленных проектов, среди которых можно выделить такие, как «Примирение в суде» и «Помощник судьбы». Обращения в рамках данных проектов касаются семейно-бытовых, трудовых и наследственных споров, а также взыскания долга и прочих вопросов.

Применение примирительных процедур по проекту «Примирение в суде» позволило оценить ситуацию, принять взвешенные решения с целью экономии времени и окончания разрешения дел в пределах 5 дней. Кроме того реализация проектов позволила значительно сэкономить денежные средства (госпошлина, судебные издержки, расходы на дорогу и т.д.). Важно отметить, что проведение консультаций снизило количество обращений граждан в суд. Процедуры осуществляются бесплатно для социально-незащищенных слоев населения, инвалидов 2 группы, многодетных матерей, участников локальных войн.

Проект «Помощник судьбы» реализуется за счет внутренних резервов судов Казахстана. Главной целью выступает помощь судьям при рассмотрении гражданских дел. Помощь осуществляется по таким направлениям, как: подготовка заключений по спорным вопросам применения действующего законодательства; изучение поступающих судье обращений граждан и юридических лиц; сбор необходимых сведений; контроль деятельности секретаря судебного заседания; мониторинг действующего законодательства; составление проектов аналитических справок по направлениям деятельности суда и другая работа.

С 2018 года одним из основных направлений совершенствования судебной системы стало внедрение проекта «Ночные суды» в городах Астана и Алматы, Актюбинской, Карагандийской, Алматинской, Восточно-Казахстанской областях и др. В рамках проекта рассматриваются правонарушения в области дорожного движения.

По общему мнению участников проекта (судей Верховного Суда, местных судов, представителей прокуратуры, МВД, адвокатуры и других заинтересованных лиц) создание «ночных судов» актуально и необходимо.

Практика показывает, что после поступления телефонного вызова о происшествии дежурный инспектор прибывает на место не сразу, а спустя продолжительное время (в среднем полтора часа). Далее составляются материалы (протоколы об административном правонарушении, осмотре места происшествия, изъятии документов и т.д.), которые направляются в суд в течение трех суток с момента составления протокола. На затягивание процессуальных сроков направления дел в суд органами внутренних дел влияет процедура получения в производство первично собранного дежурным инспектором материала. Им не всегда удается вовремя собрать полный пакет документов, необходимых для рассмотрения в суде (справки из наркологического диспансера, психиатрического диспансера и т.д.). Учитывая при этом общую нагрузку судей, рассмотрение дела может затянуться от двух недель до одного месяца. Когда дело рассмотрено и судом вынесено постановление, стороны ожидают срока вступления его в законную силу (десять суток со дня вступления в законную силу).

Указанные проблемы негативным образом отражаются на гражданах, которые, испытав страх и психологический стресс от происшествия, вынуждены длительное время находиться в состоянии переживания, ведь в среднем со дня ДТП до момента получения страховой выплаты может уйти до трех месяцев. Потерпевшие в этот период несут убытки, расходы, вызванные невозможностью эксплуатации автомобиля, и т.д. Это создает реальные неудобства, показывая неэффективность существующей модели разрешения таких дел.

Требуется решения и ряд других проблем. В частности, оперативное рассмотрение материалов об административных правонарушениях сдерживается тем, что материалы в суде не рассматриваются без правонарушителя, тогда как в административном протоколе правонарушитель согласен с совершенным правонарушением, прилагаются объяснительные, заявление. Другой сдерживающий фактор — материалы не принимаются без удостоверения личности правонарушителя, хотя подтверждающие его личность материалы, заверенные участковым инспектором и гербовой печатью, прилагаются. Суд не принимает материалы без фактического присутствия правонарушителя, и это в свою очередь порождает истечение сроков давности, что влечет направление судом частного постановления по принятию мер в отношении участкового инспектора полиции.

«Ночные суды» необходимы для своевременного принятия решений в отношении правонарушителей, чтобы не допустить уклонения от ответственности, оперативно рассматривать дела, предусматривающие арест, что актуально из-за отсутствия возможностей административного задержания лиц, подлежащих аресту.

Рассмотрение дел в «ночных судах» Казахстана возможно в случае, когда: нарушитель признает себя виновным в совершенном правонарушении; нарушитель согласен с причиненным ущербом; имеется ходатайство обеих сторон о рассмотрении дела незамедлительно. Для удобства граждан судьи работают в «ночных судах» с 18.30 до 22.00.

Введение ночного суда и рассмотрение дел в сокращенном порядке уже доказало свою эффективность. Функционирование судов в ночное время суток позволяет оперативно рассматривать административные материалы. Проект расширяет возможности для защиты прав граждан, повышает удобство и эффективность осуществления правосудия. Значительно экономится время фигурантов дела, которым не нужно ждать наступления рабочего дня, чтобы принять участие в судебном разбирательстве. Участники ДТП, которые невиновны в случившемся инциденте на дороге, больше не ждут до трех месяцев, чтобы материал был передан в суд, было вынесено постановление суда, а судебный акт вступил в законную силу.

Таким образом, можно сделать вывод, что введение ночных судов с сокращенным порядком судопроизводства позволяет ускорить конечный результат, в кратчайшие сроки разрешить вопрос об ответственности и получить в случае дорожно-транспортного происшествия страховую выплату. Соответствующий положительный результат имеет немедленная выдача стороне постановления суда с отметкой о немедленном его вступлении в законную силу.

Литература:

1. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»: Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 г № 1406 (ред. от 21.05.2020 г) // Собрание законодательства РФ.— № 1.— 2013.— ст. 13.
2. Официальный сайт Центра статистических разработок / Т. Ю. Бочаров / Предложения по совершенствованию судебной системы в российской федерации и изменения нормативных актов в целях их реализации / Т. Ю. Бочаров, В. В. Волков, Л. А. Воскобитова, А. В. Дмитриева, А. А. Смола, К. Д. Титаев, И. В. Цветков [Электронный ресурс].— Режим доступа: Официальный сайт http://www.enforce.spb.ru/images/Products/reports/Report_Justice_System_Preview.pdf
3. Официальный сайт Верховного Суда Казахстана [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://sud.gov.kz/rus/tag/rossiyskiy-zhurnal>

Обоснованное подозрение как основание для применения меры пресечения в виде домашнего ареста

Голубцова Елена Павловна, студент магистратуры
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В статье дается анализ норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих основания применения меры пресечения в виде домашнего ареста. Рассматриваются проблемные аспекты, существующие в правовом регулировании обоснованности избрания домашнего ареста. Излагаются предложения по оптимизации уголовно-процессуальных норм.

Ключевые слова: домашний арест, мера пресечения, избрание меры пресечения, обоснованное подозрение.

Норма, регулирующая применение домашнего ареста, вступила в силу с 10 июля 2020 года. Однако данная мера пресечения не сразу стала широко применяться судами. На то существует весома причина, такая как некорректность предписаний закона, в том числе неопределенность в отношении способов контроля за лицом, находящимся под домашним арестом. Кроме того, законодателем в недостаточной мере закреплены критерии обоснованности применения домашнего ареста. В законе нет достаточной регламентации оснований применения этой меры пресечения. Вследствие этого на практике уполномоченные органы редко ее применяют. Так, согласно данным Судебного департамента при Верховном суде РФ в 2007 году судами было рассмотрено лишь 207 ходатайств об избрании домашнего ареста, из них удовлетворено 205 [1]. В 2008 году количество удовлетворенных ходатайств снизилось до 101 (то есть на 48% по сравнению с предыдущим годом) [2]. И только в 2013 году общее количество рассмотренных ходатайств повысилось до 3455, из которых удовлетворено 3086 [3]. В 2017 году количество рассмотренных ходатайств возросло до 7350, из которых удовлетворено 6453. Из приведенных данных видно, что в 2013 году увеличение заявленных ходатайств о применении домашнего ареста произошло в 30 раз по сравнению с 2008 годом, а в 2017 году количество заявленных ходатайств увеличилось еще в два раза. Но несмотря на рост случаев избрания судами домашнего ареста, правоприменительная практика применения данной меры пресечения остается незначительной. Так, например, анализ сведений судебной статистики за 2017 год показал, что мера пресечения в виде домашнего ареста по сравнению с иными мерами пресечения, избираемыми на основании решения суда, применяется только в 5% случаев [4].

Анализ судебной практики и научных исследований по рассматриваемой теме показал, что вследствие недостаточно точного закрепления законодателем оснований применения меры пресечения ни правоприменители, ни теоретики не всегда понимают, что служит основанием для применения меры пресечения, что, безусловно, является проблемой уголовного судопроизводства. Приведенные выше обстоятельства обуславливают необходимость четкого установления, тех обстоятельств, которые необходимо определить при применении домашнего ареста как меры пресечения. Одним из таких оснований является наличие обоснованного подозрения.

Поскольку понятие «обоснованное подозрение» (в международной практике встречается также понятие «разумное подозрение») не только не закреплено в российском законодательстве, но и недостаточно разработано в отечественной уголовно-процессуальной литературе, обратимся к международной судебной практике.

Так, Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) в своем Постановлении по делу «Фокс, Кэмпбелл и Харли против Соединенного Королевства» еще в 1990 году указал, что обоснованное подозрение заранее предполагает наличие сведений, которые способны убедить объективного наблюдателя в том, что подозреваемый мог совершить это преступление. Обоснованность зависит от всей совокупности обстоятельств [5]. Данная позиция ЕСПЧ не изменилась и в настоящее время. Так, в Постановлении от 23 октября 2012 года по делу «Пичугин против РФ» ЕСПЧ еще раз повторил свою позицию, дополнительно отметив, что факты, которые вызывают подозрение, могут и не обладать той степенью убедительности, которая необходима для обоснования обвинительного приговора,

поскольку подтвердить или опровергнуть подозрение — цель расследования уголовного дела [6].

Некоторые отечественные ученые критикуют такой подход ЕСПЧ. Так, А. С. Барабаш, разделяя доказательственный процесс на основной (процесс, в рамках которого устанавливаются обстоятельства, значимые для уголовно-правовой квалификации) и вспомогательный (процесс, служащий для того, чтобы исключить препятствия для осуществления основного), отмечает, что судьи, привыкшие в основном доказательственном процессе устанавливать достаточную совокупность доказательств для решения вопроса о виновности лица в совершении преступления, переносят это и во вспомогательный процесс. Разрешив вопрос о виновности и сформировав негативную установку, судья с ней входит в судебное разбирательство [7]. Такая критика, на наш взгляд, представляется необоснованной, поскольку ЕСПЧ в своих решениях не говорит о необходимости установления виновности лица в совершении преступления, а наоборот указывает, что нет необходимости в том, чтобы суд располагал доказательствами, достаточными для установления вины в момент избрания меры пресечения [8]. Более того суд на этапе избрания меры пресечения в отношении обвиняемого (подозреваемого) не должен решать вопрос о виновности лица, поскольку до вступления в силу обвинительного приговора в отношении него действует презумпция невиновности в соответствии со статьей 49 Конституции РФ, но обязан проверить именно обоснованность подозрения лица в совершении преступления. Так, согласно пункту 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», проверяя обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица. Несмотря на разъяснения Пленума Верховного Суда в судебных решениях об избрании меры пресечения встречаются указания на виновность лица. Такие решения не соответствуют презумпции невиновности и при апелляционном обжаловании изменяются [9].

С необходимостью установления обоснованного подозрения согласны не все ученые. Так, по мнению В. В. Кониной суд, принимая решения об избрании меры пресечения не вправе вникать в обоснованность выдвинутого подозрения [10]. Представляется более правильной противоположная точка зрения, согласно которой суд, принимая решение об избрании меры пресечения на основе доказательств должен установить, что обвиняемый (подозреваемый) мог совершить данное преступление [11], поскольку иное противоречило бы пункту «с» части 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которому никто не может быть лишен свободы, иначе как в случае законного задержания или заключения под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения и в порядке, установленном законом. Такого же мнения придерживаются Конституционный и Верховные Суды РФ.

Так, Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 22 марта 2018 года № 12-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой С. А. Костромина» указал, что согласно части третьей статьи 107 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации домашний арест избирается в порядке, установленном статьей 108 данного Кодекса, в которой, в свою очередь, установлено требование для должностного лица органа предварительного расследования обосновать и мотивировать в постановлении о возбуждении соответствующего ходатайства перед судом необходимость заключения под стражу и невозможность избрания иной более мягкой меры пресечения, а также приложить материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства. Это означает, что на должное лицо законодатель возложил обязанность представить убедительные доказательства, подтверждающие наличие события преступления, его квалификацию, причастность обвиняемого (подозреваемого) к совершению преступления [12].

Согласно пункту 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению.

Необходимо обратить внимание на соотношение таких мер пресечения как домашний арест и заключение под стражу. Так, Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 6 декабря 2011 года № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина» указал, что и домашний арест, и заключение под стражу, в действующей системе правового регулирования связаны с принудительным пребыванием подозреваемого, обвиняемого в ограниченном пространстве, с изоляцией от общества, невозможностью свободного передвижения и общения с неопределенным кругом лиц, то есть с непосредственным ограничением права на свободу и личную неприкосновенность. В силу этого применение таких мер пресечения должно осуществляться с соблюдением конституционных гарантий обеспечения права, схожих между собой по своим сущностным характеристикам [13]. ЕСПЧ при толковании статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод отметил, что лишение свободы может приобретать разнообразные формы и не всегда предполагает тюремное заключение. Таким образом, положения статьи 5 названной Конвенции, касающиеся заключения под стражу, вполне применимы и к домашнему аресту. Вместе с тем, следует учитывать, что домашний арест является более гуманной мерой пресечения по отношению к заключению под стражу, поскольку лицо содержится в жилом помещении, в котором проживает, не изолируется от лиц, которые совместно с ним проживают, а также суд может наложить на обвиняемого (подозреваемого) запреты и ограничения, предусмотренные УПК РФ, как полностью, так и частично, поэтому условия применения домашнего ареста и заключения под стражу не совпадают, так, например, домашний арест может, по общему правилу, может приме-

няться и к преступлениям небольшой тяжести, в отличие от заключения под стражу [12]. Такого же мнения придерживаются научные исследователи в своих работах (например, О. В. Качалова [14]).

Анализ российской судебной практики показал, что суды не всегда учитывают названные положения Конституционного и Верховного Судов РФ. Так, Краснодарский краевой суд в апелляционном постановлении, рассматривая жалобу о незаконности избрания домашнего ареста, на доводы обвиняемого о том, что судом первой инстанции не проверена обоснованность его подозрения в совершении преступления указал, что по смыслу пункта 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» проверка обоснован-

ности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению осуществляется судом при избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу [15]. Такой вывод суда представляется неверным, поскольку ранее указывалось, что домашний арест, как и заключение под стражу представляет собой лишение свободы

Разрешить данную проблему возможно путем внесения изменения в пункт 2 названного Постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъяснив, что домашний арест, как и заключение под стражу представляет собой ограничение конституционных прав на свободу и личную неприкосновенность, поэтому избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу или домашнего ареста допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению.

Литература:

1. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2007 год. Режим доступа URL: <http://www.cdep.ru/>;
2. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2008 год. Режим доступа URL: <http://www.cdep.ru/>;
3. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2013 год. Режим доступа URL: <http://www.cdep.ru/>;
4. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2017 год. Режим доступа URL: <http://www.cdep.ru/>;
5. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Фокс, Кэмпбелл и Харли против Соединенного Королевства» (Fox, Campbell and Hartley v. United Kingdom) от 30 августа 1990, Serie A, No 182;
6. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Пичугин против Российской Федерации» (Pichugin v. Russia), от 23 октября 2012, No 38623/03 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Спецвыпуск. Российская хроника ЕС. № 4/2014;
7. Барабаш А. С. Основания для избрания заключения под стражу, домашнего ареста, залога и их доказывание // Российский юридический журнал. 2016. № 4;
8. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Гусинский против Российской Федерации» (Gusinsky v. Russia) от 19 мая 2004, No 70276/01;
9. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Калмыкия № 22К-118/2018 от 25 апреля 2018 г. по делу № 22К-118/2018. Режим доступа URL: <https://sudact.ru/>;
10. Конин В. В. Проблемные вопросы доказывания при избрании строгих мер пресечения // Адвокат. 2016. № 8.
11. Скабелин С. И. Совокупность данных, являющаяся достаточной для избрания меры пресечения в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2016. № 8;
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2018 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Костромина» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2018. № 4;
13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 06 декабря 2011 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2012. № 1;
14. Качалова О. В. Как разграничить основания для применения заключения под стражу и домашнего ареста // Уголовный процесс. 2017. № 5 (149) — с. 9.; Олейник В. В. Домашний арест как мера пресечения на современном этапе // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3;
15. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда № 22–6049/2017 от 20 сентября 2017 г. по делу № 22–6049/2017. Режим доступа URL: <https://sudact.ru/>.

Проблемы правового регулирования инвестиционных договоров

Дамаскин Владимир Владимирович, студент магистратуры
Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко (г. Тирасполь, Молдова)

В статье автор определяет проблемы правового регулирования инвестиционных договоров и пытается предложить пути решения возникших проблем.

Ключевые слова: инвестиционный договор, инвестиционная деятельность, правовое регулирование, правовая природа, договор, контракт, предмет, проблема.

Основу возникновения проблем с определением правового статуса и природы инвестиционного договора составляет отсутствие четкого определения данного термина на уровне законодательства. При этом на уровне отдельных субъектов существует огромное количество нормативно-правовых актов, устанавливающих правовое определение, структуру, классификацию и конструкции инвестиционных договоров (контрактов). Активное законотворчество в области правового регулирования инвестиционной деятельности на местах связано в первую очередь с желанием властей в привлечении инвестиций в экономику и развитие территорий.

Особую проблему составляет обоснованность самостоятельности инвестиционного договора. Данная проблема обусловлена тем, что те принципы, которые определяют конструкцию инвестиционного контракта имеют скорее экономический, чем юридический характер. С этой точки зрения правовое регулирование данной категории соглашений затрудняется. В частности, в определениях и описании основных элементов инвестиционного договора не содержится признаков, отличающих предмет соглашения по инвестиционной деятельности от других предметов гражданских правоотношений. Отсутствие специфических правовых признаков инвестиционной деятельности не позволяют выделить особенности инвестиционного договора, определяющие специфические права и обязанности сторон.

Таким образом, фактически конструкция и содержание инвестиционных договоров полностью соответствует нормам гражданского договорного права, что в свою очередь вызывает вопрос о целесообразности выделения таких контрактов в отдельную группу.

Дополнительной проблемой правового определения конструкции инвестиционных договоров является определение предмета. Дело в том, что определение предмета через инвестиционную деятельность вызывает сомнения.

В юридической традиции под предметом договора понимают элемент соглашения, отражающий объект правоотношения и особенности предмета исполнения. Именно на основании предмета различаются различные категории договоров.

При определении предмета инвестиционного контракта возможно через материальный и юридический объекты. Однако такое решение в отличие от большинства видов гражданских договоров затрудняется тем, что содержание экономических отношений, правовой формой которых является соглашение, не может определить его правовую природу.

Большинство квалифицирующих признаков инвестиционного договора, в том числе долгосрочный характер договорных

отношений, коммерческая заинтересованность, целевое использование средств соглашения по своему содержанию не являются юридическими, а скорее отражают экономическую сущность соглашения.

При составлении правовой характеристики обязательств, возникающих на основании заключения инвестиционного договора, неясным остается принципиальное различие между теми обязательствами, которые возникают у сторон, вступающих в договорные отношения в сфере инвестирования, и обязательствами, возникающими в других областях договорного права, в частности в договорах строительного подряда, генерального подряда в строительстве, оказания услуг и др.

Предложенное некоторыми авторами различие обязательств по признаку целевого использования средств с юридической точки зрения представляется неубедительным, поскольку носит сугубо экономический характер.

Попыткой решения проблемы обособления инвестиционного договора от других категорий договоров является выделение прав-гарантий инвестора, в частности гласности в обсуждении инвестиционных проектов, права обжалования в судебном порядке, стабильности прав субъектов инвестиционной деятельности и др. аналогично рассматриваются так называемые права-принципы, например, право на самостоятельное определение объемов и направлений капитальных вложений. Однако такое решение с правовой точки зрения не может быть принято как убедительное, поскольку все указанные права должны следовать из правовой природы инвестиционного договора, которые неопределенны. Кроме того, содержание указанных прав не раскрыто в должной мере, а взаимосвязь с юридическими признаками инвестиционного обязательства прослеживается слабо.

Исходя из выше сказанного, неясность правовой природы и квалифицирующих признаков инвестиционного договора обуславливает необходимость применения другого подхода к его определению. В частности, на основании экономического подхода возможно рассматривать такой договор как самостоятельную правовую конструкцию.

Помимо описанных проблем, возникающих при разрешении споров по условиям инвестиционных договоров, существуют и другие. Общим для данного типа проблем правового регулирования инвестиционных контрактов является то, что основной их объем формируется вследствие наличия значительных пробелов в законодательстве. Однако, в части установления существенных условий инвестиционных контрактов такие пробелы успешно восполняются обширной судебной практикой.

Подводя итоги, можно выделить следующие основные проблемы, возникающие при определении правовой природы и содержания инвестиционных договоров:

- 1) недостаточное правовое регулирование предмета, конструкции и основных положений инвестиционных договоров (контрактов);
- 2) споры относительно принадлежности инвестиционных договоров к сфере гражданско-правовых, публичных и иных отношений;
- 3) отсутствие объективных юридических признаков, выделяющих инвестиционный договор в самостоятельную категорию договоров;
- 4) отсутствие четко определенного перечня существенных условий инвестиционного договора;
- 5) наличие значительного количества противоречивых норм и правил, устанавливаемых на региональном и муниципальном уровнях.

Решение представленных проблем предполагает в первую очередь разработку законодательного определения инвестиционного договора для обеспечения единого подхода к опреде-

лению данной категории договоров в системе гражданско-правовых отношений на всех законодательных уровнях.

Насущной необходимостью является определение перечня основных положений и существенных условий инвестиционного договора. Одним из основных источников для формирования такой нормы может служить судебная практика разрешения инвестиционных споров.

Важным моментом является поиск юридических признаков, отличающих инвестиционный договор от других видов договорных отношений. Для этого необходимо более глубокое изучение юридической природы инвестиционных отношений и специфики условий заключения инвестиционного контракта.

Таким образом, на сегодняшний день совершенствование системы правового регулирования инвестиционных договоров предполагает параллельное развитие нескольких направлений и проведение глубоких

Научные горизонты исследований правовой природы, специфики предмета и содержания инвестиционных контрактов с опорой на изучение материалов судебной практики.

Литература:

1. Басыров И. И. Понятие и признаки инвестиционного договора (контракта) // Юрист. 2008. N2. С. 15–17.
2. Басыров И. И. Природа инвестиционного договора (контракта) // Юрист. — М.: Юрист, 2009, № 3. — С. 33–37
3. Еремина А. А. Инвестиционный договор: юридическая природа и место в системе гражданско-правовых договоров // Молодой ученый. — 2017. — № 9. — С. 215–217.
4. Коновалов В. В. Договор в инвестиционной деятельности: особенности судебной защиты прав и интересов инвесторов // Российский судья. — 2012. — № 8. — С. 9–13.
5. Лаптева А. М. Правовая природа инвестиционного договора // Цивилист. — М.: АНО «Юридические программы», 2013, № 2. — С. 64–66
6. Лисица В. Н. Правовое регулирование инвестиционных отношений: теория, законодательство и практика применения. — Новосибирск, 2011–46 с.
7. Майфат А. В. Инвестиционные договоры: есть ли таковые? (продолжение дискуссии) // Российский юридический журнал. 2012. N3. С. 166–172.
8. Особенности договорного регулирования инвестиционной деятельности. — Текст: электронный // Cyberleninka: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-dogovornogo-regulirovaniya-investitsionnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 20.09.2020).

Необходимость разделения заверений об обстоятельствах в российском договорном праве на заверения и гарантии по модели английского договорного права

Кнутова Ирина Юрьевна, студент магистратуры
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В английском договорном праве институт заверений об обстоятельствах подразделяется на две категории — заверения (*representations*) и гарантии (*warranties*). При введении в 2015 году ст. 431.2 Гражданского кодекса Российской Федерации отдельные положения были заимствованы из английского договорного права. При этом законодатель не стал заимствовать гарантии. Однако при анализе ст. 431.2 ГК РФ были выявлены проблемы, устранение которых возможно путем введения в российское законодательство категорию гарантий.

Ключевые слова: заверения об обстоятельствах, заверения и гарантии, деликтная ответственность, договорная ответственность.

Институт заверений об обстоятельствах был введен относительно недавно в Гражданский кодекс Российской Фе-

дерации Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ. В российском законодательстве заверения об обстоятельствах

содержатся в ст. 431.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ). Данный институт был заимствован из английского договорного права. Однако в английском договорном праве данный институт подразделяется на две категории — это заверения (representations) и гарантии (warranties). До сих пор ведется дискуссия относительно необходимости введения разграничения данных категорий по модели английского договорного права. Поскольку при заимствовании данной конструкции законодатель при разработке ст. 431.2 ГК РФ пытался взять самое лучшее из английской правовой системы. В связи с этим необходимо разобраться в эффективности данной конструкции.

В российском договорном праве необходимость введения заверений была обусловлена существовавшими пробелами относительно регулирования предоставления заверений, то есть сведений о фактах, на которые контрагент мог бы безоговорочно полагаться. Тем самым данный контрагент сможет обезопасить себя в случае сокрытия каких-либо сведений или предоставления недостоверной информации другой стороной. Кроме этого, введение данной нормы было оправдано упрощением заключения договоров с иностранными контрагентами путем указания в договоре положений относительно предоставленных заверений.

Таким образом, введение данного института значительно упростило как предпринимательскую деятельность, так и взаимоотношения между сторонами. Но действительно ли данная норма эффективна в применении?

Для того чтобы лучше разобраться в данном вопросе, необходимо обратиться к английскому праву. Как уже было ранее отмечено, заверения об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ) были заимствованы из английского договорного права, в котором данный институт подразделяется на заверения (representations) и гарантии (warranties). Под заверениями в английском договорном праве согласно научной литературе понимаются «утверждения о фактах, имевших место в прошлом или имеющих место в настоящем, обычно имеющие целью побудить другое лицо к совершению тех или иных действий, например к заключению договора» [8]. Гарантии же являются утверждениями о фактах, которые могут предоставляться, в том числе, относительно будущих фактов. Так, в сравнении с данными категориями можно отметить, что заверения об обстоятельствах по ст. 431.2 ГК РФ могут быть предоставлены только в отношении фактов, имеющих место в прошлом, либо настоящем, то есть заверения по российскому праву в отношении будущих юридических фактов не охватываются статьей 431.2 ГК, о чем также свидетельствует соответствующая судебная практика [7]. Однако какие-либо нормы, которые регулировали бы предоставление утверждений на будущее, в российском законодательстве отсутствуют.

Кроме того, заверения (representations) и гарантии (warranties) в английском праве различаются ответственностью. Так, в случае нарушения гарантий, сторона, чаще всего, сама не может заведомо знать, случатся ли обстоятельства, в отношении которых были предоставлены гарантии или нет. Примером гарантии может являться утверждение продавца при продаже автомобиля, что тот не сломается в течение года. Од-

нако сам продавец не может знать точно, сломается или нет, при этом подразумевается, что учитывая характеристики и способы предыдущей эксплуатации автомобиля, продавец может гарантировать достоверность данной информации. При недостоверности гарантии к продавцу будет применяться договорная ответственность. В тех случаях, когда сторона предоставляет заверения, она знает о достоверности такой информации. Примером заверений могут являться сведения о том, что автомобиль не попадал в ДТП. При этом в случае предоставления недостоверных заверений будет применяться деликтная ответственность. Подобный вид ответственности позволяет признать недействительным не весь договор целиком, а непосредственно взыскать убытки за предоставление недостоверных заверений. Таким образом, в первом случае, а именно при наступлении договорной ответственности будет защищаться позитивный интерес стороны (как если бы договор был исполнен надлежащим образом), а в случае наступления деликтной ответственности — негативный интерес (как если бы деликт не был совершен).

Проанализировав английскую модель заверений об обстоятельствах, следует обратиться к российской модели заверений об обстоятельствах. В данном случае встает вопрос о необходимости введения в российское законодательство гарантий по модели английского договорного права. В доктринальной литературе имеются различные подходы к подобному нововведению. Так, Карапетов А.Г. высказывал позицию относительно отсутствия необходимости деления заверений и гарантий и искать параллели между российским и английским договорным правом [10]. Кроме того, он также высказывал свою позицию, в которой заявлял о полноценности той роли заверений об обстоятельствах, которая им отведена [11]. Также Томсинов А.В. высказывался относительно отсутствия необходимости выделения отдельно заверений (автор называет их утверждениями, чтобы не было смешения понятий) и гарантий: «не было никакой необходимости, скажем, отдельно выделять гарантии и утверждения и ставить вопрос о том, является ли утверждение условием договора» [9]. Однако противоположной точки зрения придерживается Будылин С.Л., который считает необходимым доработать нормы, и ввести гарантии, поскольку на данный момент в российском законодательстве происходит смешение норм. Необходимо отметить, что впоследствии Карапетов А.Г., что заверения об обстоятельствах следует поделить на «заверения-заявления» и «заверения-обязательства» [12].

Для того чтобы определиться с позицией относительно введения новых положений в Гражданский кодекс Российской Федерации, необходимо рассмотреть непосредственно статью 431.2 ГК РФ.

При анализе данной статьи можно увидеть следующее: в первом пункте указывается на ответственность за предоставление недостоверных заверений, а также взыскание убытков. Данная модель соответствует наступлению деликтной ответственности, которая похожа по конструкции на предоставление недостоверных заверений по английской модели (misrepresentation). Однако в конце данного пункта законодатель предоставляет альтернативу взысканию убытков в виде взыскания

неустойки, что является необычным в рамках рассмотрения деликтной ответственности за предоставление недостоверных заверений.

При анализе на п. 2 можно отметить явное несоответствие подобного положения наступлению деликтной ответственности. В данном пункте прослеживается не деликтная ответственность, а договорная, что соответствует английской модели нарушения гарантий (warranties). Стороне предоставляется право отказаться от договора. Данное положение можно сравнить с положениями договора купли-продажи в результате «существенного нарушения требований к качеству товара» [6, п. 2 ст. 475]. При этом в контексте ст. 431.2 ГК РФ речь идет о любом договоре, который может быть заключен, а не только для договора купли-продажи. Подобные договоры попадают под действие ст. 450 ГК РФ о расторжении договоров [5, Ст. 450].

Согласно пункту 3 ст. 431.2 ГК стороне предоставляется право признать договор недействительным в случае введения в заблуждение, обмана и иных последствий (ст. 178 и 179 ГК РФ) «вместо отказа от договора» [5, Ст.ст. 178, 179].

В п. 4 данной статьи указывается на безвинную ответственность за предоставление недостоверных заверений лицами, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Однако в ст. 431.2 ГК РФ ничего не говорится о других субъектах. Кроме того, если рассматривать данный пункт применительно к п. 2, в результате нарушения которого возникает договорная ответственность, но неправильно будет являться рассматривать данный пункт применительно к п. 1. Ведь в таком случае к деликтной ответственности можно привлечь сторону в отсутствие вины. Однако, как указывает Конституционный суд Российской Федерации, вина входит в совокупность условий привлечения к деликтной ответственности [1, 2, 3, 4]. Соответственно, из данных положений прослеживается противоречие деликтным правилам, действующим в Российской Федерации.

Таким образом, проанализировав положения английского договорного права, российское законодательство, в том числе ст. 431.2 Гражданского кодекса Российской Федерации, судебную практику, необходимо отметить, что на данный момент при настоящей редакции ст. 431.2 ГК РФ существуют проблемы в ее применении. Данную проблему возможно решить путем введения новой для российского права категории «гарантий», а также разграничения категорий заверений и гарантий по модели английского договорного права, поскольку подобное разграничение в английском договорном праве доказало свою эффективность и востребованность.

Литература:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.04.2015 № 7-П
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.2009 № 13-П
3. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1655-О
4. Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1580-О
5. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020)
6. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020)
7. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 января 2019 г. по делу № А53–14046/2018
8. Будылин С. Л. «Заверения и гарантии. Компаративное исследование» — М.: Инфотропик Медиа, 2017. — с. 160
9. Томсинов А. В. «Мера убытков за недостоверные заверения в праве Англии и США» // Вестник гражданского права. 2015. № 5. С. 105.
10. Комментарии от 03.07.2015 г. к блогу: Будылин С. Заверения об обстоятельствах: Representations или Warranties? // Zakon.ru 03.07.2015 (https://zakon.ru/blog/2015/7/3/zavereniya_ob_obstoyatelstvax_representations_ili_warranties)
11. Тезисы к научному круглому столу «Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь в новой редакции ГК РФ» (https://m-logos.ru/img/Tezis_AKarapetov_02072015.pdf)
12. Карапетов А. Г. Комментарии от 11.01.2016 и 12.01.2016 к блогу: Будылин С. Заверения и гарантии в России. Смешать, но не взбалтывать // Zakon.ru 11.01.2016 (https://zakon.ru/blog/2016/01/11/zavereniya_i_garantii_v_rossii_smeshat_no_ne_vzbaltivat#comment_258590)

Совершенствование деятельности службы судебных приставов

Львова Кристина Александровна, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

В статье рассматривается Деятельность Федеральной службы судебных приставов. Обозначен круг проблем, характерных для большинства территориальных органов Федеральной службы судебных приставов. Рекомендованы мероприятия с учетом приоритетных направлений деятельности территориальных органов ФССП России.

Ключевые слова: исполнительное производство, судебный пристав, исполнение, Федеральная служба судебных приставов.

Improving the activities of the bailiff service

The article deals with the activities of the Federal bailiff service. The circle of problems typical for the majority of territorial bodies of the Federal bailiff service is outlined. The measures are recommended taking into account the priority areas of activity of the territorial bodies of the FSSP of Russia.

Keywords: enforcement proceedings, the bailiff, the execution, The Federal service of court bailiffs.

По данным Министерства экономического развития Российской Федерации одним из ключевых факторов успешного процветания России является качество государственного управления, направленного на достижения стратегических целей и предотвращения экономических угроз. Поэтому деятельность органов Федеральной службы судебных приставов как органа исполнительной власти, призванного обеспечивать установленный порядок деятельности судов на территории РФ, в том числе на территории Ростовской области, подвергается оценке ее эффективности.

Вместе с тем конкретные результаты деятельности ФССП России свидетельствуют том, что предпринимаемые меры заметно отстают от общественных реалий и до сих пор имеется множество недостатков научных разработок, посвященных обоснованности выполнения конкретными государственными органами возложенных на них задач и функций. В этой связи имеется необходимость создания единой системы оценки эффективности деятельности в сфере исполнительного производства [1].

По данным ФССП, в 2018 г. на исполнении находилось около 34,6 млн актов судов и других органов на общую сумму взысканий свыше 5,6 трлн руб. как в пользу госорганов и государственных внебюджетных фондов (68,7% от общего количества производств, или 15,1% от общей суммы, подлежащей взысканию), так и в пользу юридических (24,4% и 70,1% соответственно) и физических (5,1% и 12,5% соответственно) лиц [2].

В рамках проведенного исследования можно определить ряд проблем, характерных для большинства территориальных органов Федеральной службы судебных приставов:

- высокая нагрузка на одного судебного пристава-исполнителя;
- не достигаются установленные показатели по таким направлениям деятельности, как «взыскание исполнительского сбора», «исполнение производств, возбужденных на основании судебных актов», «исполнение производств, возбужденных на основании судебных актов о взыскании административных штрафов» в связи с отсутствием сведений о месте работы или счетах должника, запрашиваемых через АИС «ФССП России»;
- нехватка судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов;
- проживание должников, уклоняющихся от исполнения решения суда, не по месту регистрации приводит к осуществлению дополнительных исполнительных действий с целью установления их местонахождения, что существенно влияет на показатели эффективности деятельности должностных лиц.

В целях обеспечения выполнения в 2019 году и последующих отчетных периодах установленных показателей в сфере

исполнения судебных решений рекомендованы следующие мероприятия с учетом приоритетных направлений деятельности территориальных органов ФССП России:

- контроль обращения взыскания на денежные средства должников, находящиеся на счетах в банках, как применение первоочередной меры принудительного исполнения [4];
- работа по расширению перечня банков и кредитных учреждений, с которыми взаимодействие осуществляется в электронном виде через АИС «ФССП России»;
- работа по дальнейшему совершенствованию регионального электронного взаимодействия с государственными и иными регистрирующими органами с помощью СМЭВ в целях выявления должников, проходящих по учетам соответствующих органов;
- работа по распространению информации о возможностях Единого портала государственных и муниципальных услуг, Банка данных исполнительных производств и оплаты задолженности с помощью платежных терминалов и интернет-сервисов (онлайн-банкинга, электронных кошельков) с целью повышения информированности населения и повышения результативности принудительного исполнения судебных решений.

С 1 июня 2020 года вступят в силу поправки в закон об исполнительном производстве, возлагающий на банки и иные кредитные организации обязанности по соблюдению иммунитетов от взыскания на некоторые виды дохода должника (статья 101 Закона об исполнительном производстве).

Статьей 101 Закона об исполнительном производстве установлено, что нельзя обращать взыскание на социально значимые доходы граждан (возмещение вреда, причиненного здоровью пособие по потере кормильца и т.п.). В настоящее время точно не установлено, кто должен контролировать соблюдение данного запрета. Судебному приставу-исполнителю не может быть известна природа поступивших и поступающих денежных средств на счет должника. В то же время, банки, несмотря на то, что эта информация оперативно сконцентрирована в их руках, не торопились исполнять запреты, ссылаясь на то, что за все должен отвечать судебный пристав-исполнитель. Суды при рассмотрении споров, чаще занимали сторону банков, хотя непонятно как судебный пристав-исполнитель может эффективно контролировать источник поступления денежных средств на счет должника.

Перспективным направлением в работе по распространению биометрических данных должников в СМИ является установление контактов с телеканалами, сетевыми изданиями, печатными газетами или журналами. Решение законодателем вопроса о безвозмездном содействии СМИ принудительному

исполнению судебных актов также сможет повысить эффективность осуществления розыска должников.

Сегодня нагрузка на одного судебного пристава составляет порядка 3,6 тыс. исполнительных производств. В этой связи назрела необходимость оптимизировать работу ФССП. Одним из вариантов повышения ее эффективности может стать создание института частных судебных исполнителей. Мера поможет не только сократить нагрузку на судебных приставов-исполнителей без увеличения их численности, но и высвободить бюджетные ассигнования, которые можно направить на увеличение оплаты труда сотрудников ФССП, их технического оснащения, в т.ч. на внедрение новых электронных систем документооборота и оповещения должников. Создание института частных приставов подразумевает обязательное лицензирование такой деятельности, а контроль должен быть как со стороны Минюста, так и со стороны регуляторов — ФСПП.

Для сторон исполнительного производства (должника и взыскателя) разница между государственными и частными исполнителями, с формальной точки зрения, заключается в тех

категориях дел, которые частный исполнитель не вправе выполнять. Это так называемые «социально чувствительные» категории, решения, по которым должником или взыскателем является государство и государственные органы, а также некоторые другие категории.

Фундаментальная разница между государственными и частными исполнителями заключается именно в источнике финансирования их деятельности.

Заключение

Исходя из вышесказанного, исполнение судебных решений является очень длительной процедурой и требует значительных доработок на законодательном уровне.

С практической точки зрения для сторон производства исполнение решения частным судебным приставом означает облегченную коммуникацию. Для взыскателя — это возможность контролировать ход выполнения, а для должника особенно важно, когда после выполнения решения необходимо быстро снять имеющиеся обременения.

Литература:

1. Баранова А. С. Проблемы исполнения судебных решений в РФ / А. С. Баранова, В. И. Ругина // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее. — 2019. — № 1. — С. 124–126.
2. Доклад о результатах деятельности Управления Федеральной службы судебных приставов по Ростовской области в 2018 году [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://r61.fssprus.ru/doklad_o_rezultatakh_deyatelnosti_upravlenija_federalnoj_sluzhby_sudebnykh_prstavov_po_rostovskoj_oblasti_v_2018_godu/
3. Наумова А. С. Некоторые показатели эффективности деятельности территориальных органов Федеральной службы судебных приставов в сфере исполнительного производства / А. С. Наумов // Инновационно-технологическое развитие науки: материалы международной научно-практической конференции. — Волгоград: Изд-во ООО «Аэтерна», 2017. — С. 206–208.
4. Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 30.01.2020) [Электронный ресурс] // СПС Консультант. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76999/78cbe82b36cf6e7915c9d935c5d0b23b9223d9e5/#dst100072

К вопросу о соучастии в убийстве матерью новорожденного ребенка

Малышева Елена Витальевна, студент магистратуры

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

В статье рассматривается проблема соучастия в убийстве матерью новорожденного ребенка.

Ключевые слова: убийство, мать, новорожденный ребенок, соучастие.

В литературе достаточно подробно анализируется проблема соучастия в убийстве матерью новорожденного ребенка. Вместе с тем, по некоторым вопросам исследователи до настоящего времени не пришли к единой позиции. Как отмечает А. В. Бриллиантов, юридически соучастия в данном преступлении быть не может. Указанная позиция представляется верной, поскольку привилегированный состав убийства, предусмотренный статьей 106 УК РФ, введен в российское уголовное законодательство специально для того, чтобы учесть

особое психофизическое состояние женщины-роеницы. Субъект рассматриваемого преступления специальный, то есть мать новорожденного ребенка. Соучастники же детоубийства юридически не должны рассматриваться как таковые, поскольку они не обладают теми признаками, которые положены в основу выделения состава преступления со смягчающими обстоятельствами. Фактические соучастники детоубийства совершают более тяжкое преступление, а именно убийство малолетнего ребенка, то есть деяние, предусмотренное п. «в» ч. 2 ст. 105

УК РФ. В данном случае действия соучастников не обусловлены изменениями в психике, гормональном фоне на фоне беременности и родов, а также не связаны с болезненной процедурой рождения ребенка, поэтому действия соучастников не подпадают под статью 106 УК РФ.

В.П. Карлов считает, что поскольку объектом посягательства в данном деянии является жизнь человека как общепризнанное и защищаемое благо, нет институциональной специфики субъекта преступления (то есть специфика субъекта не определяется его должностным или служебным положением), то ответственность соучастников должна наступать на общих основаниях. Мать, совершая преступление в соучастии с другим лицом, «утрачивает признаки специального субъекта, обусловленные ее статусом, и становится лицом, совершившим преступление с отягчающим наказанием обстоятельством, предусмотренным как квалифицирующий признак ч. 2 ст. 105 УК РФ» [1, с. 19]. Представляется, что указанная позиция не отвечает требованиям уголовного законодательства, поскольку ст. 106 УК РФ не предусматривает смягчение ответственности для женщины-детоубийцы только лишь в случае совершения ею преступления без соучастников. На наш взгляд, в вышеуказанной ситуации для назначения матери-детоубийце справедливого наказания необходимо дополнить статью 106 УК РФ частью 2, в которой будут содержаться квалифицирующие признаки, в том числе убийство в составе группы лиц или группы лиц по предварительному сговору.

Согласно норме, содержащейся в ч. 4 ст. 34 УК РФ, в том случае, когда статья Особенной части УК РФ предусматривает специального субъекта преступления, лица, участвовавшие в совершении преступления, должны нести уголовную ответственность за его совершение в качестве организаторов, подстрекателей или пособников. То есть лица, не обладающие признаками специального субъекта, не могут быть исполнителями и соисполнителями в данном преступлении.

Исходя из вышеприведенной нормы уголовного закона, некоторые исследователи считают, что при соучастии в совершении убийства матерью новорожденного ребенка лица, выполняющие организаторские, пособнические или подстрекательские действия, должны нести ответственность по ст. 106 УК РФ со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ. Такой позиции придерживается, например, Н. Г. Иванов [2, с. 51]. Рассматривая ситуацию, в которой женщина, сильно любившая мужчину, сразу после родов убивает своего ребенка, поскольку данный мужчина угрожал еще беременной женщине расстаться с ней в случае рождения их общего ребенка, Н. Г. Иванов отмечает, что указанные действия мужчины следует рассматривать как подстрекательство к совершению детоубийства и квалифицировать по ч. 4 ст. 33, ст. 106 УК РФ. При этом Н. Г. Иванов отмечает, что квалифицировать деяние указанного мужчины по ст. 105 УК РФ в связи с тем, что он не обладает признаками специального субъекта детоубийства, значит нарушить принцип вины, в соответствии с которым ответственность наступает лишь за те деяния, за которые установлена вина субъекта. Однако Н. Г. Иванов согласен с тем, что соисполнительство в преступлениях со специальным субъектом невозможно, поэтому ответственность соучастника, не обладающего призна-

ками специального субъекта, должна наступать по той статье УК РФ, в которой такой соучастник будет являться субъектом преступления. В случае с соисполнительством при совершении убийства матерью новорожденного ребенка ответственность соисполнителя, не являющегося матерью, будет наступать по ст. 105 УК РФ.

В ситуации, когда функции организатора, подстрекателя или пособника выполняет мать новорожденного ребенка, а исполнителем убийства выступает иное лицо, ответственность матери должна наступать по ст. 106 УК РФ со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ.

Е. И. Грубова отмечает, что проблемы при квалификации возникают в том случае, когда убийство своего новорожденного ребенка совершает мать, не достигшая возраста 16 лет, в соучастии или соисполнительстве с лицом или лицами, достигшими возраста 14 лет. То есть мать-детоубийца не будет подлежать уголовной ответственности по ст. 106 УК РФ в связи с недостижением возраста привлечения к уголовной ответственности, а соучастники в возрасте от 14 до 16 лет будут привлекаться к уголовной ответственности за соучастие в убийстве матерью новорожденного ребенка по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а это, как справедливо отмечает Е. И. Грубова, особо тяжкое преступление в отличие от убийства матерью новорожденного ребенка, которое является преступлением средней тяжести. «Таким образом, если соисполнителем и исполнителем преступления являются лица, достигшие 14-, но не достигшие 16-летнего возраста, то первый отвечает за совершение особо тяжкого преступления» [3, с. 20], а мать-исполнитель не будет подлежать уголовной ответственности, так как по ст. 106 УК РФ она наступает с 16 лет, что, конечно, несправедливо. На наш взгляд, необходимо понизить возраст привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, до 14 лет.

Дискуссионным является также вопрос о том, нужно ли вменять фактическому соисполнителю детоубийства такой квалифицирующий признак, как убийство группой лиц. В соответствии с ч. 1 ст. 35 УК РФ для признания преступления совершенным группой лиц необходимо, чтобы в его совершении участвовали два и более исполнителя. Исходя из положений ст. 33, 34 УК РФ, можно сделать вывод, что соисполнительство в преступлениях со специальным субъектом невозможно, а значит, фактическому соисполнителю нельзя вменять квалифицирующий признак «совершение преступления группой лиц». Однако, по мнению Ю. Е. Пудовочкина [4], в том случае, когда действия соисполнителей квалифицируются самостоятельно по нормам об ответственности со специальным субъектом и с общим субъектом, квалификация их действий с учетом признака «совершение преступления группой лиц» в большей степени отвечает требованиям закона. Данная позиция подтверждается и судебной практикой. Так, Верховный Суд РФ указал, что по смыслу статьи 35 УК РФ «убийство признается совершенным группой лиц в том случае, когда два и более лица, действуя совместно, с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие [5]». Таким образом, считаем, что следует согласиться с позицией Ю. Е. Пудовочкина и квалифицировать действия соисполни-

теля в детоубийстве по п.п. «в», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Что касается женщины, совершившей убийство своего новорожденного ребенка совместно с другим лицом, выполнявшим исполнительские функции, то при назначении ей наказания признак «совершение преступления группой лиц» необходимо учитывать в качестве отягчающего обстоятельства.

Литература:

1. Карлов В. П. Проблемы квалификации при убийстве матерью новорожденного ребенка, совершенном в соучастии с другим лицом // Российский следователь. — 2011. — № 7. — С. 19–22.
2. Иванов Н. Г. Соучастие со специальным субъектом // Российская юстиция. — 2001. — № 3. — С. 51.
3. Грубова Е. И. Нормы об убийстве матерью новорожденного ребенка // Российский следователь. — 2008. — № 12. — С. 20–21.
4. Пудовочкин Ю. Е. Соучастие в преступлении со специальным субъектом: некоторые проблемы уголовно-правовой оценки [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/04/07/2020/>
5. Пудовочкин Ю. Е. Судебная практика квалификации преступлений, совершенных в соучастии [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/04/07/2020/>

Таким образом, вышеизложенные проблемы указывают на несовершенство существующей нормы статьи 106 УК РФ. На наш взгляд, данная норма права нуждается в изменении в части снижения возраста привлечения к уголовной ответственности за детоубийство, а также в части повышения уголовной ответственности при совершении преступления в соучастии.

Некоторые актуальные аспекты квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств

Мальцева Светлана Андреевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

При квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, могут возникать сложности при квалификации.

По мнению Н. Ф. Кузнецовой, проблемы квалификации обусловлены двумя причинами:

- законодательной;
- правоприменительной.

Законодательная причина трудностей квалификации напрямую связана с наличием пробелов и неточностей в законодательстве, в тот момент как правоприменительная причина является результатом наличия недостатков деятельности правоприменительных органов [1].

Необходимо проанализировать трудности квалификации, возникающие на практике, и определить их основные причины.

Наркотические средства и вещества, которые находятся в незаконном обороте, зачастую являются смесями, состоящими из разных видов наркотиков и нейтральных веществ.

При определении размера наркотика, находящегося в смеси, правоохранительные органы могут сталкиваться с трудностями.

Размеры наркотических средств и психотропных веществ, а также размеры растений, в которых содержатся наркотические средства и психотропные вещества, определяются на основании Постановления Правительства Российской Федерации от 01.10.2012 № 1002 [2].

Суды, рассматривая дела, связанные с оборотом наркотических средств, делают выводы о размере наркотических средств на основании заключения эксперта [3].

Необходимо рассмотреть пример из практики Верховного Суда Российской Федерации. Осужденная была признана ви-

новной в связи с совершением покушения на незаконный сбыт и хранение наркотика в крупном размере. Осужденная подала надзорную жалобу, мотивируя ее тем, что вес наркотика был определен неверно. Верховный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что размер наркотического средства определен правильно, поскольку размер наркотического средства, входящего в смесь, должен определяться на основании веса всей смеси [4].

Решая вопрос о наличии значительного, крупного или особо крупного размера наркотических средств или психотропных веществ, необходимо руководствоваться уже упомянутым Постановлением № 1002, в котором соответствующие категории размеров устанавливаются для каждого наркотического средства и психотропного вещества отдельно.

Постановление № 1022 делит все наркотические средства и психотропные вещества на три списка в зависимости от степени общественной опасности. К наркотическим средствам и психотропным веществам, которые отнесены к списку I, следует относить вне смеси, содержащие в своем составе наркотические средства и психотропные вещества, которые указаны в данном списке. При этом количество наркотического средства и психотропного вещества в общем количестве смеси не имеет значения.

Если наркотическое либо психотропное вещество, что содержащиеся в списке II и списке III, смешаны с веществом нейтрального характера, размер наркотического средства или психотропного вещества определяется, не принимая во внимание нейтральное вещество, содержащееся в смеси (абз. 2 п. 4 Постановления № 14).

Следуя указанному разъяснению, размер наркотического либо психотропного вещества, которое находится в смеси с нейтральным веществом (наполнителем), определяется по чистому весу наркотического (вес нейтрального вещества в смеси не принимается во внимание).

Указанное правило используется для того, чтобы определить размер лишь тех наркотических и психотропных веществ, что содержатся в списках II и III, за исключением карфентанила, кокаина, тропаккоина и гаммабутиролактона, поскольку они выделяются сноской. Оно также не используется для того, чтобы определить размер наркотических и психотропных веществ из списка I.

Когда наркотическое либо психотропное вещество, которые содержатся в списке I (либо II и III, когда выделены сноской), входит в состав смеси (препарата), что содержит только одно наркотическое средство либо психотропное вещество, его размер определяется на основании веса всей смеси.

То есть, очевидно, что размер наркотического средства или психотропного вещества определяется исходя из веса всей смеси в отношении всех средств и веществ, включенных в первый список. При этом важно, что определять размер подобным образом можно только в том случае, если смесь применяется для немедицинского использования.

Смесь таким образом должна являться способной на оказание на человека воздействия, которое является характерным для наркотического средства либо психотропного вещества, что в него входит [5]; целиком смесь может использоваться как наркотик либо психотропное вещество.

Некоторые авторы критикуют указанные правила и считают, что размер наркотического средства или психотропного вещества не должен определяться общей массой смеси, так как общественная опасность такой смеси определяется только чи-

стым весом наркотического средства или психотропного вещества [6].

Однако позиция Конституционного Суда Российской Федерации сводится к тому, что в рассматриваемом случае размер наркотического средства должен определяться общей массой его смеси с нейтральным веществом. Суд признал, что это правило является законным и обоснованным, так как оно основывается «на полном запрете оборота в нашей стране наркотических веществ, которые входят в список I как наибольшим образом опасные для здоровья и благополучия» [7].

Следует отметить, что позиция Конституционного Суда Российской Федерации соотносится с положениями Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года.

Смеси, которые содержат наркотик, входящий в первый список, подлежат тем же мерам контроля, что и содержащиеся в них наркотические средства, и должны контролироваться не менее строго, чем наркотик, которые входят в состав смеси.

Подводя итог, необходимо отметить, что размер наркотического средства либо психотропного вещества, который находится в смеси с нейтральным веществом, определяется:

- 1) чистым весом наркотического вещества, когда смесь:
 - включает в себя наркотическое средство или психотропное вещество, которое входит в список II или список III, установленные Постановлением Правительства № 1002;
 - может использоваться только для медицинского потребления.
- 2) весом всей смеси, если смесь:
 - включает наркотическое средство или психотропное вещество из списка I либо выделенное сноской из списка II или из списка III;
 - может быть использована для немедицинского потребления.

Литература:

1. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М., 2007. С. 33.
2. Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред. от 13.03.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2012. № 41. — Ст. 5624.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 года) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 10.
4. Определение Верховного Суда РФ от 05.09.2011 № 56-Д11-45 // СПС Консультант Плюс
5. Ведищев Н. П., Гладышев Д. Ю. Судебно-химическая экспертиза — краугольный камень научной основы всех уголовных дел по наркотикам // Адвокат. 2015. № 8. С. 540.
6. Иванова Е. В. Вопросы регламентации наркотических средств и психотропных веществ в нормативных актах Российской Федерации и международных конвенциях // Наркоконтроль. 2013. № 2. С. 35.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 24.03.2015 № 456-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пермякова Ивана Васильевича на нарушение его конституционных прав положением Постановления Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2006 года № 76 «Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс»

К вопросу об объективных признаках преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ

Мальцева Светлана Андреевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

По смыслу главы 25 УК РФ, преступлениями в сфере незаконного оборота наркотических средств являются преступления, предусмотренные статьями 228–234.1 УК РФ. Все они устанавливают ответственность за преступления, в которых фигурируют наркотические средства.

Необходимо отметить, что в 2012 году законодатель пополнил ряды данных преступлений, введя статьи 228.3 и 228.4 и внося изменения в статьи 228, 228.1, 228.2, и дополнение в статью 229 УК РФ, ввел статьи 230.1 и 230.2 УК РФ [13].

Объективные признаки преступления характеризуют одну из сторон состава преступления в целом и состоят из объекта и объективной стороны преступления.

В объект преступления по общему правилу входят предмет, непосредственно объект преступления и потерпевший. По данной категории преступлений, видовым объектом являются общественные отношения по охране здоровья населения.

С. В. Чирков не согласен с позицией некоторых исследователей [3] о том, что необходимо выделить самостоятельный родовой объект незаконного оборота наркотических средств как общественные отношения, направленные на обеспечение здоровья населения или безопасность здоровья населения.

На уровне законодательства понятие безопасности первый раз раскрывалось в ст. 1 ФЗ «О безопасности» от 15 марта 1992 г. № 2446-ФЗ (в настоящее время утратил законную силу), в котором под безопасностью понималось состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Подобные жизненно важные интересы в свою очередь рассматривались в нем как потребности, чье удовлетворение надежным образом обеспечивало существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства. Статья 1 этого Закона к объектам безопасности личности закрепляет ее права и свободы, общества — материальные и духовные ценности, государства — его конституционный строй, суверенитет и территориальную целостность.

На сегодняшний день аналогичный по названию закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. понятия «безопасность» не раскрывает, а к объектам безопасности относятся государство, общество, личность и экологию [14]. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации используется понятие «национальная безопасность» [12].

Национальная безопасность представляет собой состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое дает возможность обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие России, оборону и безопасность государства.

Состояние защищенности общества, которое обеспечивает беспрепятственное осуществление его жизненно важных интересов, и состояние общественных отношений, которое формируется в процессе жизнедеятельности личности, общества и государства выступают в качестве индикатора безопасности и, думается, представляют собой сущность общественной безопасности.

Поддержание безопасности на социально приемлемом уровне в свою очередь выступает в качестве одного из условий благополучного существования государства и общества. Отсюда вытекает, что под преступлениями против общественной безопасности понимаются умышленные либо неосторожные общественно опасные деяния (действие либо бездействие), которые совершены в нарушение уголовного законодательства и сопряжены с нарушениями правил, которыми обеспечивается общественная безопасность, и которым причиняют им существенный вред либо создают угрозу причинения подобного вреда.

В том случае, когда понятие общественная безопасность мы будем рассматривать на основании требований уголовного законодательства, то оно объединяет большую группу общественных отношений, которыми обеспечивается не только общественная безопасность в узком смысле, но и общественный порядок, здоровье населения, общественная нравственность, экологическая безопасность, безопасность движения и эксплуатации транспорта [15].

Следует полагать, что с позицией указанного автора не следует соглашаться, поскольку неоправданно широкий подход к пониманию общественной безопасности и порядка приводит к тому, что любое преступление, закрепленное в Особенной части УК РФ, так или иначе посягает на общественную безопасность и порядок.

Позиция автора способна привести к тому, что система построения особенной части УК РФ будет попросту разрушена, а смысла выделения самостоятельных родовых объектов отпадет, ведь все они посягают на общественную безопасность и порядок. В связи с этим, предложение о переименовании Главы IX УК РФ в главу «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка, нравственности и здоровья населения» имеет смысл и в полной мере оправдано.

Исследовав объект преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, необходимо перейти к анализу его предмета.

Из судебной практики явственно следует, что для установления наличия предмета данных преступлений следует в обязательном порядке проводить химическую (биологическую) экспертизу [8].

Так, например, при изъятии предполагаемого предмета преступления указывается, что «с места проведения следственного

действия для исследования изъято 90 растений, похожих на коноплю». И только эксперт может установить, действительно ли имеется предмет преступления: «По заключению эксперта <...> от 09 июня 2017 года, вышеуказанные растения являются растениями конопли, содержащими наркотическое средство — тетрагидроканнабинол. Общая масса 90 растений конопли в высушенном виде составила 64,9 грамма» [4].

Характеристикой предмета преступления также является размер данных средств, входящих в предмет. Необходимо отметить, что по этому поводу в 2012 году также произошли изменения [10].

Согласно примечаниям 2 и 3 к статье 228 УК РФ, значительный, крупный и особо крупный размеры наркотических средств и психотропных веществ, а также значительный, крупный и особо крупный размеры для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей настоящей статьи, статей 228.1, 229 и 229.1 УК РФ утверждаются Правительством Российской Федерации. Значительный, крупный и особо крупный размеры аналогов наркотических средств и психотропных веществ соответствуют значительному, крупному и особо крупному размерам наркотических средств и психотропных веществ, аналогами которых они являются [11].

В Постановлении Правительства Российской Федерации содержатся конкретные наименования наркотических средств с указанием их веса в граммах, который относится к значительному, крупному и особо крупному размеру. Так, например, значительным размером героина является свыше 0,5 грамм, крупный размер начинается от 2,5 грамм, особо крупный — 1000 грамм и выше.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.06.1998 № 681 утвержден Перечень, отражающий юридический признак наркотических средств и психотропных веществ и характеризующий закреплённость видов наркотических средств и психотропных веществ в специальных нормативных правовых актах. Перечень содержит четыре списка, образованных в соответствии с Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 г. (с поправками 1972 г.), Конвенцией о психотропных веществах от 1971 года, Конвенцией о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 1988 года и рядом других международных нормативных актов.

В Списки I и II вошли более 200 различных наркотических средств — веществ синтетического или естественного происхождения, препаратов, растений, которые можно разделить на три группы. Наиболее распространенными являются наркотические средства растительного происхождения, относимые к первой группе. Во вторую группу включены синтетические наркотики, в третью — полусинтетические наркотические средства. Следует отметить, что подобное деление довольно условно, так как многие наркотические средства растительного происхождения (например, морфин, кодеин, кокаин) можно получить и химическим путем.

В Списки I, II и III Перечня внесены психотропные вещества синтетического или естественного происхождения, препараты,

природные материалы. Сюда относятся вещества, способные вызывать патологическое привыкание, оказывать стимулирующие или депрессивное воздействие на центральную нервную систему, вызывать галлюцинации или нарушения моторной функции мышления, поведения, восприятия действительности, менять настроение.

Так, в списки включены барбитураты — производные барбитуровой кислоты. Они являются веществами седативного (снотворного) действия, т.е. по характеру воздействия напоминают алкоголь.

Психотропными и сильнодействующими веществами, обладающими успокаивающим (транквилизирующим) действием, являются бензодиазепины. Они широко используются в качестве лекарственных средств, обладая большей широтой терапевтического воздействия.

Перечень наркотических средств и психотропных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен в соответствии с законодательством и международными договорами России, содержится, как правило, в Списке I.

Список II устанавливает перечень наркотических средств и психотропных веществ, оборот которых в Российской Федерации ограничен и в отношении которых устанавливаются меры контроля в соответствии с законодательством и международными договорами РФ.

Психотропные вещества, оборот которых ограничен и в отношении которых допускается исключение некоторых мер контроля в соответствии с законодательством и международными договорами, закреплены в Списке III. При производстве, изготовлении, переработке наркотических средств и психотропных веществ используются их прекурсоры. Помимо юридического признака, законодатель дает и качественный критерий таких веществ, как прекурсоры. Он заключается в частоте их использования, что придает социальную значимость их применению. В международных документах прекурсоры присутствуют косвенно при определении понятия «изготовление».

Это свидетельствует о том, что все процессы, при помощи которых могут быть получены наркотические средства, в том числе рафинирование, а также превращение наркотических средств в другие наркотические средства, требуют специальных материалов. Они поставлены под особый контроль в соответствии со Списком IV [2].

Характеризуя объективную сторону преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, необходимо отметить, что она состоит из обязательных и факультативных признаков. Обязательными признаками являются:

- для материальных составов: деяние, последствие, причинно-следственная связь;
- для формальных составов: деяние, независимо от последствий.

Факультативные признаки (место, время, орудие, обстановка, способы совершения преступления) являются не обязательными и не влияют на квалификацию, если они напрямую не указаны в конкретной статье УК РФ, тогда они приобретают силу обязательных признаков. В любом случае, факультативные признаки подлежат установлению при расследовании преступлений [1].

Преступления в сфере незаконного оборота наркотиков выражаются, как правило, в форме действия.

Так, ст. 228 УК РФ прямо говорит о приобретении, хранении, перевозке, изготовлении, переработке наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Статья 228.1 говорит о производстве, сбыте и пересылке наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Статья 228.2 УК РФ — о нарушении правил оборота наркотических средств или психотропных веществ. Статья 228.3 УК РФ — также о приобретении, хранении, перевозке и т.п.

В форме бездействия, пожалуй, может быть совершено лишь преступление, предусмотренное статьей 237 УК РФ — сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни и здоровья, однако, лишь в том случае, если происходит путем сокрытия информации. Искажение информации предполагает действие — сообщение лицу информации, однако неполной, фальсифицированной [5].

Как правило, объективная сторона данных преступлений характеризуется альтернативными действиями. То есть для наличия состава необходимо совершить одно из перечисленных в статье действий, например, только изготовление или только сбыт наркотических средств.

Большинство составов, относящихся к преступлениям против незаконного оборота наркотиков, являются формальными. То есть для того, чтобы преступление можно было считать оконченным, не обязательно наличие каких-либо общественно-опасных последствий. Само по себе действие уже является общественно опасным. Например, по смыслу ст. 231 УК РФ достаточно незаконного культивирования в крупном размере растений, которые содержат наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры. Наличие каких-либо последствий от их последующей продажи или реализации статья не предусматривает.

Однако, ст. 235 УК РФ выделяется и для ответственности требует наличия вреда здоровью человека или причинение смерти. Соответственно, преступление будет считаться оконченным при наступлении данных последствий. Вред здоровью человека как следствие преступления охватывает причинение тяжкого вреда.

Помимо этого, ч. 2 ст. 228.2 УК РФ также предусматривает причинение вреда здоровью или иные тяжкие последствия в качестве квалифицирующего деяния признака.

Рассмотрим объективные признаки некоторых наиболее распространенных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Так, рассмотрим объективную сторону ст. 228.1 УК РФ.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 12 Постановления от 15 июня 2006 г. № 14 разъяснил, что «под незаконным производством наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (статья 228.1 УК РФ) следует понимать совершенные в нарушение законодательства Российской Федерации умышленные действия, направленные на серийное получение таких средств или веществ из растений, химических и иных веществ (например, с использованием специального химического или иного оборудования, производство наркотических средств или психотропных веществ в приспособленном для этих целей помещении, изготовление наркотика партиями,

в расфасованном виде). При этом для квалификации действий лиц по части 1 статьи 228.1 УК РФ как оконченного преступления не имеет значения размер фактически полученного наркотического средства или психотропного вещества» [9].

Незаконный сбыт наркотиков являются наиболее общественно опасной формой их распространения, в силу чего влечет применение самых жестких уголовно-правовых санкций.

В пункте 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 поясняется, что «под незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, следует понимать любые способы их возмездной либо безвозмездной передачи другим лицам (продажу, дарение, обмен, уплату долга, дачу взаймы и т.д.), а также иные способы реализации, например путем введения инъекций.

При этом не может квалифицироваться как незаконный сбыт введение одним лицом другому лицу инъекций наркотического средства или психотропного вещества, если указанное средство или вещество принадлежит самому потребителю и инъекция вводится по его просьбе либо совместно приобретено потребителем и лицом, производящим инъекцию, для совместного потребления, либо наркотическое средство или психотропное вещество вводится в соответствии с медицинскими показаниями.

Ответственность лица за сбыт наркотиков, психотропных веществ либо их аналогов, растений, в которых содержатся наркотические средства либо психотропные вещества, либо их частей, что таковые содержат, по части 1 статьи 228.1 УК РФ наступает вне зависимости от размера. По поводу наличия умысла на сбыт данных средств говорят их приобретение, изготовление, переработка, хранение, перевозка лицом, самим их не употребляющим, их количество (объем), размещение в удобной для сбыта расфасовке либо наличие соответствующей договоренности с потребителями и т.п.

Действия посредника в сбыте или приобретении наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, следует квалифицировать как соучастие в сбыте или в приобретении наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества в зависимости от того, в чьих интересах (сбытчика или приобретателя) действует посредник» [9].

Не является сбытом обмен наркотического средства (психотропного вещества) на другой их вид. Поскольку объектом указанного преступления является здоровье населения, не является преступлением введение таких веществ (к примеру, кетамина, кетамина гидрохлорида) животным в целях их лечения, а равно их приобретение и хранение в этих целях [7].

Пересылку образуют действия лица, направленные на перемещение наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений (их частей) адресату (например, в почтовых отправлениях, посылках, багаже с исполь-

зованием средств почтовой связи, воздушного или другого вида транспорта, а также с нарочным при отсутствии осведомленности последнего о реально перемещаемом объекте или его сговора с отправителем), когда эти действия по перемещению осуществляются без непосредственного участия отправителя.

Пересылка может осуществляться в почтовых отправлениях, в тайниках транспортных средств, с нарочным как осведомленным, так и неосведомленным о характере пересылаемого груза. Преступление считается оконченным с момента отправления независимо от получения адресатом пересылаемых средств и веществ [6].

В пункте 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 разъяснено, что «если лицо незаконно приобретает, хранит, перевозит, изготавливает или перерабатывает наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, в целях последующего сбыта этих средств или веществ, но умысел не доводит до конца по независящим от него обстоятельствам, содеянное при наличии к тому оснований подлежит квалификации по части 1 статьи 30 УК РФ и соответствующей части статьи 228.1 УК РФ как приготовление к незаконному сбыту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» [9].

Таким образом, фактически, данные действия не получают надлежащей правовой оценки и могут быть квалифицированы только как приготовление к сбыту, что, на наш взгляд, недопустимо. Таким образом, мы считаем, что необходимо данные действия, которые предшествуют непосредственно сбыту, пе-

ресылке или производству, закрепить в ст. 228.1 УК РФ, чтобы не нарушался принцип системности уголовного законодательства. Преступление окончено с момента совершения одного из указанных в законе действий, независимо от наступления последствий. Таким образом, состав преступления является формальным, то есть для того, чтобы лицо понесло за него ответственность, необходимо только совершение определенных действий, независимо от того, наступили ли какие-либо преступные последствия.

Таким образом, объективные признаки данного преступления вполне очевидны. Преступление имеет формальный состав, что оправдано для преступлений, наркотической направленности, поскольку они представляют серьезную опасность в долгосрочной перспективе и вред выражается в медленном отравлении организма, в привыкании, приучении наркоманов к приему наркотика, «подсаживании» на иглу и пр. На наш взгляд, не бывает преступлений, которые бы не нанесли вред общественным отношениям, однако, чтобы подчеркнуть особую значимость защищаемых отношений, законодатель разрешил ответственность, даже если вред как таковой не наступил. Согласно этому, если в результате преступления причинен вред, думается, он должен квалифицироваться отдельно (например, диспозиция статьи не включает в себя смертельный исход, либо причинение тяжкого вреда здоровью, повреждение имущества лица и т.п.).

Таким образом, подводя итог анализу объективных признаков данных преступлений необходимо отметить, что, как правило, в большинстве своем они образуют формальный состав, поскольку само действие (а именно в форме действия совершаются большинство преступлений указанной категории) уже обладает высокой степенью опасности и должно быть уголовно наказуемо.

Литература:

1. Бушуев И. В. Проблемные вопросы квалификации сбыта наркотических средств // Юрист — Правовед. 2018. № 56. С. 10–21.
2. Гирько С. И., Воронин М. Ю., Драган Г. Н. Постатейный комментарий к ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». М., 2017. С. 25.
3. Иванов В. Д. Уголовное законодательство Российской Федерации: в 3-х Т. Ростов-на-Дону, 1997. Т. 3.
4. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 28.03.2017 № 12–017–2 «Приговор по делу о сбыте наркотических средств, покушении на сбыт наркотических средств изменен: исключено из приговора указание о конфискации изъятых у осужденных мобильных телефонов, имущество возвращено осужденным» // СПС КонсультантПлюс
5. Комментарий к Уголовному кодексу РФ // под ред. А. И. Рарога. — М.: Проспект, 2017. С. 198.
6. Курченко В. Н. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты. Санкт-Петербург, 2003. С. 192.
7. Научно-практический комментарий УК РФ // Под ред. В. И. Радченко. М., 2015. С. 452.
8. Определение Верховного Суда РФ от 17.04.2017 № 18–Д17–29 // СПС КонсультантПлюс
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 № 31) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред. от 13.03.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2012. № 41. — Ст. 5624.

11. Темботова М. А. Потенциально опасные психотропные вещества. Вопросы дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности // Государственная служба и кадры. 2020. № 1. С. 35–40.
12. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2016. № 1. — Ст. 212.
13. Федеральный закон от 01.03.2012 № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. — 2012. № 10. — Ст. 1166.
14. Федеральный закон от 28.12.2010 N390-ФЗ «О безопасности» (ред. от 06.02.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2011. № 1. — Ст. 2.
15. Чирков С. В. Понятие и виды объектов преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотиков // Вектор науки Тольяттинского государственного университета, 2014. № 1 (27). С. 183

Понятие и виды представительства

Масликова Кристина Александровна, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Анализируется понятие и виды представительства, актуальность, история происхождения представительства в гражданском праве.

Ключевые слова: понятие представительства, виды представительства.

Concept and types of representation

The article analyzes the concept and types of representation, relevance, and history of the origin of representation in civil law.

Keywords: the concept of representation, types of representation.

Интерес к учреждению гражданского представительства в современной России обусловлен прежде всего целями и функциями рассматриваемого правового явления в механизме реализации гражданских прав и обязанностей, эффективность которых во многом зависит от средств, используемых субъектами для поддержания (удовлетворения) своих материальных потребностей. Другими словами, институт представительства — это уникальный правовой инструмент, позволяющий субъектам одновременно участвовать в самых разных правоотношениях и тем самым расширять сферу своей юридической деятельности. Все это определяет актуальность рассматриваемой темы.

Существование института представительства является особенностью развития правовых и экономических отношений в обществе. Даже в Древнем Риме почти не существовало свободного договорного представительства, но представительство по закону уже было известно древним римлянам. Правда, она основывалась на довольно сырой, недемократической основе, так как использовалась только во властных отношениях, например, между хозяином и рабом, домохозяином и сыном — хозяин был вынужденным представителем своих рабов, а домохозяин — своей жены и детей. Позднее, однако, появились «начала» свободного представления в древнеримском праве, в котором такая идея вовсе не очевидна.

Представительство означает, что лицо или представитель в рамках своих полномочий осуществляет транзакции и другие судебные иски от имени и в интересах другого представлен-

ного лица. В соответствии со статьей 182 Гражданского кодекса сделка представителя на основе его полномочий непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представителя [10].

Представительство — это осуществление гражданских прав и обязанностей не лицом, к которому они принадлежат (уполномоченным или обязанным лицом), а представителями. Первоначальный метод гражданско-правовых отношений был личностным, и вступление в эти отношения промежуточных органов, индивидов и организаций значительно усложняет отношения и делает их менее определенными [11].

Учреждение представительства имеет широкий диапазон применения в гражданском транспорте. Необходимость в ней возникает не только в случае, если законодательством представляемого лица (например, из-за отсутствия дееспособности) или конкретных жизненных обстоятельств (например из-за болезни, командировки, занятости и т.д.) не могут осуществлять свои права и обязанности лично. Во многих случаях представители используются для использования специальных знаний и опыта представителя, экономии времени, денег и так далее. Деятельность юридических лиц в целом ручка без постоянного или хотя бы эпизодического прибегнуть к представительству

Представительство создается договором, законом, законом о юридических лицах и по другим основаниям гражданско-правовыми актами. Поэтому причинами установления представительских отношений являются следующие юриди-

ческие факты: договор, закон, действие юридического лица и другие основания.

Существует два основных типа представительства: юридическое (обязательное) и добровольное.

Первый вид представительства возникает, когда лицо полностью лишено правоспособности, и представительство стремится восполнить этот недостаток. Такое представительство защищает, прежде всего, интересы несовершеннолетних и людей с психическими заболеваниями. Такие представители не имеют права назначать или определять полномочия представителей, так же как они не имеют права аннулировать полномочия представителей в действиях [4].

Добровольное представительство осуществляется по воле представленного лица. Главной особенностью такого представления является то, что личность и полномочия представителей определяются самими представителями. Стандартный способ установления полномочий — выдать доверенность. Представители имеют право влиять на деятельность своего представителя и могут прекратить ее в любое время путем аннулирования доверенности [12].

Несмотря на существующие исследования представительства, многие вопросы, на наш взгляд, по-прежнему остаются спорными: правовая природа представительства и полномочия представителя; особенности, характеризующие гражданско-правовой институт представительства; проблемы определения

функций, места и роли учреждения представительства в системе гражданского права. Указывается также на неоднозначность терминологии, используемой законодателем, то есть не был разработан адекватный концептуальный аппарат, способствующий построению системы правовых категорий и надлежащему осуществлению гражданских прав и обязанностей. Все это определяет необходимость повторного решения этой темы.

Правила представительства должны соответствовать текущим тенденциям в развитии российской правовой системы, и это возможно только при выявлении и дальнейшем совершенствовании проблем с правоохранительными органами. Существующие пробелы в законодательстве не способствуют формированию единой юридической практики и влияют на эффективность осуществления ее гражданских прав и обязанностей. Быстро развивающийся гражданский оборот требует разработки новых подходов, соответствующих уровню и тенденциям общественного развития.

Таким образом, изучение института представительства от его истоков до наших дней позволяет нам понять его характер и сущность, его связь с судебной деятельностью, выявить типы предметов, причин и форм представительства в гражданских процессах, сделать их более эффективными в правоохранительной практике и широко использовать их для защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 251-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — ст. 3301.
2. Актуальные проблемы гражданского права. — М.: Юнити-Дана, 2018. — 432 с.
3. Гришаев, С. П. Гражданское право в вопросах и ответах / С. П. Гришаев. — М.: ЮРИСТЪ, 2017. — 144 с.
4. Грудцына, Л. Ю. Гражданское право России / Л. Ю. Грудцына. — М.: Юстицинформ, 2016. — 178 с.
5. Гуев, А. Н. Гражданское право. Том I / А. Н. Гуев. — М.: ИНФРА-М, 2018. — 460 с.
6. Данкварт, В. П. Гражданское право общественная экономика / В. П. Данкварт. — М.: Книга по Требованию, 2017. — 240 с.
7. Добрачев, Д. В. Взыскание основного денежного долга и убытков в гражданском праве России / Д. В. Добрачев. — М., 2015. — 184 с.
8. Доробец, Н. Officium Judicis. Компетенция присяжного судьи в римском гражданском праве первых столетий императорской эпохи / Н. Доробец. — М.: Книга по Требованию, 2017. — 406 с.
9. Зенин, И. А. Гражданское право / И. А. Зенин. — М.: Юрайт, 2013. — 784 с.
10. Ивакин, В. Н. Гражданское право. Особенная часть. Краткий курс лекций / В. Н. Ивакин. — М.: Юрайт, 2013. — 230 с.
11. Иванова, Е. В. Гражданское право России. Полный курс / Е. В. Иванова. — М.: Книжный мир, 2018. — 816 с.
12. Иоффе, О. С. Гражданское право. Избранные труды / О. С. Иоффе. — М.: Статут, 2016. — 784 с.
13. Кодолов, В. А. Гражданское право. Курс-минимум / В. А. Кодолов. — М.: Магистр, 2018. — 224 с.
14. Мардалиев, Р. Т. Гражданское право / Р. Т. Мардалиев. — М.: Питер, 2018. — 256 с.

TikTok и защита интеллектуальной собственности

Михайлова Дария Андреевна, студент
Тюменский государственный университет

Сейчас все большую популярность по всему миру набирает китайская социальная сеть TikTok. Авторы контента делятся там результатами интеллектуальной деятельности: виде-

оконтентом, музыкальными произведениями, текстовыми сообщениями и многим другим. Как много из всех пользователей читали пользовательское соглашение TikTok? И скрывается ли

там что-то выходящее за рамки действующего международного и российского законодательства? Попытаемся разобраться в этом вопросе в статье.

Актуальность темы заключается в популяризации распространения авторского контента в телекоммуникационной сети Интернет, и использования для этого различных площадок, пользовательские соглашения которых могут ограничивать права авторов. Так как культуры знакомиться с документами на таких сайтах в большинстве случаев у людей нет, то многие могут и не подозревать, что их исключительное право на произведение может им больше не принадлежать или, что их авторские права нарушаются.

В данной статье будет проанализировано пользовательское соглашение социальной сети TikTok именно в части защиты интеллектуальной собственности.

Согласно разделу 6 Пользовательского соглашения для пользователей социальной сети установлено правило, согласно которому хостинг вправе удалять аккаунты, которые нарушают право интеллектуальной собственности других участников. [1] Такой метод защиты права соответствует Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее — ГК РФ). Согласно подпункту 2 пункта 1 статьи 1252 ГК РФ одним из способов защиты права является пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения. [2] Автор может написать в техническую поддержку приложения о существующем нарушении, и модераторы удалять такого пользователя.

Информация касательно использования контента, выгруженного в TikTok, отображена в разделе 7 Пользовательского соглашения. К пользовательскому контенту социальная сеть относится следующее: любой текст, фотографии, пользовательские видео, звуковые записи и музыкальные произведения, воплощенные в них, включая видео, которые включают локально сохраненные звуковые записи из личной музыкальной библиотеки и окружающий шум. [1]

Выдержка из первого абзаца гласит: «Пользователи услуг могут также извлекать все или любую часть пользовательского контента, созданного другим пользователем, для создания дополнительного пользовательского контента». [1] Согласно части 1 статьи 6 bis Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 года (далее — Бернская конвенция) автор может противодействовать всякому искажению и изменению своего произведения. [3]

Более привычная для нас норма содержится в пункте 1 статьи 1266 ГК РФ: «Не допускается без согласия автора внесение в его произведение изменений, сокращений и дополнений, снабжение произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями (право на неприкосновенность произведения)». [2]

Следуя указанным нормам, можно сделать вывод, что пользователи TikTok не вправе использовать чужой результат интеллектуальной деятельности без согласия автора, чтобы создать свой контент. Право на неприкосновенность произведения относится к личным неимущественным правам автора, а значит, независимо от отчуждения автором исключительного права,

оно продолжает действовать до смерти автора и 75 лет после его смерти.

Согласно пункту 87 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. №10 (далее — ПП ВС РФ от 23.04.2019 г. № 10), неприкосновенность произведения — это такое изменение результата интеллектуальной деятельности, которое не связано с созданием нового произведения. То есть, если лицо по фотографии создает картину — это создание нового произведения, и принцип неприкосновенности на данный случай не распространяется. А если лицо использует фотографию и добавляет на нее надпись, то здесь уже действует указанный принцип.

Согласно тому же пункту ПП ВС РФ от 23.04.2019 г. № 10: «<...> Соответствующие изменения допускаются с согласия автора (или иного лица в случае, предусмотренном абзацем вторым пункта 1 статьи 1266 ГК РФ), которое должно быть определенно выражено. При отсутствии доказательств того, что согласие было определенно выражено, оно не считается полученным». [4]

Из приведенных выше норм можно сделать вывод, что без прямого письменного согласия автора внесение в произведение изменений незаконно. Поэтому норма в Пользовательском соглашении TikTok нарушает права авторов.

Далее следует такая формулировка: «Размещая пользовательский контент посредством использования наших услуг, вы даете нам безусловное, безотзывное, неисключительное, безвозмездное, оборотоспособное, бессрочное право, действие которого не ограничивается территориальными пределами, изменять, адаптировать, воспроизводить, создавать производные произведения, публикации и/или передавать, и/или распространять <...>

Вы также предоставляете нам безвозмездную лицензию на использование вашего имени пользователя, изображения, голоса, чтобы идентифицировать вас как источник любого вашего пользовательского контента».

Так как правообладателем исключительного права могут быть юридические лица, данная формулировка не соответствует пункту 3.1 статьи 1234 ГК РФ, где сказано, что результат интеллектуальной деятельности не может быть передан безвозмездно в отношениях между коммерческими организациями. [2]

Далее в Пользовательском соглашении существенно ограничили права правообладателей музыкальных произведений. Здесь речь идет о том, что право на воспроизведение и публичное исполнение звуковых записей предоставляется авторами на безвозмездной основе.

Согласно статье 13 Бернской конвенции Договаривающиеся государства могут предусмотреть оговорки по поводу исключительного права на музыкальные произведения, в том числе право на свободное воспроизведение этих произведений, при этом такие условия не могут лишать автора права на выплату вознаграждения. [3]

Согласно пункту 3 статьи 1263 ГК РФ при публичном исполнении аудиовизуального произведения авторы музыкального произведения имеют право на выплату вознаграждения. [2]

Пункт 93 ПП ВС РФ от 23.04.2019 г. № 10 гласит, что к публичному исполнению можно отнести случаи, когда доступ к произведению может получить неограниченный круг лиц, вы-

ходящий обычного круга семьи. Осуществлять публичное исполнение могут как физические, так и юридические лица. [4]

Так как доступ к произведениям в TikTok имеет любой человек, даже не зарегистрированный в социальной сети, можно сделать вывод, что воспроизведение музыкальных произведений относится к публичному исполнению, следовательно, авторы имеют право на вознаграждение.

Основываясь на всем вышесказанном, можно сделать вывод, что некоторые положения Пользовательского соглашения TikTok нарушают личные неимущественные и исключительные права авторов и правообладателей. Причиной тому может являться консервативное законодательство в области защиты интеллектуальной собственности. Как писал в своей на-

учной работе В. О. Калятин в эпоху развития передачи информации посредством сети Интернет есть необходимость в более гибком законодательстве, которое мобилизовало бы заключение сделок по передаче исключительного права и дало бы пользователям больше возможностей для использования произведений, созданных другими людьми. [5]

В реальности сейчас сложно представить, чтобы каждый человек, создающий результат интеллектуальной деятельности в сети Интернет, во-первых, знал свои права и обязанности, а во-вторых, использовал грамотно права и добросовестно исполнял обязанности. Для того чтобы наглядно объяснить людям, какие права они имеют, я предлагаю систематизировать нормы по авторскому праву в памятку (Таблица 1).

Таблица 1. Памятка по авторскому праву

Как действовать, если	
Вы автор произведения	Вы обычный пользователь
Ставьте © — знак авторства, свое имя и год первого опубликования (помните о презумпции авторства). Сообщайте в местах опубликования, разрешаете/запрещаете ли Вы использовать свое произведение (делается простой форме) При обнаружении нарушения, Вы можете воспользоваться: внесудебной защитой — направление нарушителю претензии о прекращении противоправных действий, восстановление права; возможно, заключение лицензионного договора и др. (этот вид защиты сильно зависит от добросовестности другой стороны и желания идти на встречу); судебной защитой. Иск может быть подан в защиту личных неимущественных прав (признания права, компенсации морального вреда и др.), в защиту исключительного права (возмещение убытков, изъятие материального носителя и др.). Также вместо возмещения убытков можно требовать денежную компенсацию от 10 тыс. до 5 млн рублей.	Пользуйтесь легальными сервисами по просмотру фильмов, прослушиванию музыки и т.д. (они платят правообладателям). Всегда указывайте автора произведения. Если Вы хотите использовать произведение для целей, не указанных в законе в качестве свободного использования, то необходимо спросить разрешение автора в соответствии с законом. Помните, что входит в круг свободного использования произведения: в личных целях (только для себя и своей семьи) в информационных, научных, учебных и культурных целях (обязательное указание правообладателя) произведения (фотография или картина), постоянно находящегося в месте, открытом для свободного посещения (за искл., если оно является основным объектом использования или оно используется в целях извлечения прибыли) публичное исполнение правомерно обнародованного музыкального произведения (во время официальной или религиозной церемонии либо похорон в объеме, оправданном характером такой церемонии) для целей правоприменения (в ходе административного производства по делу, предварительного следствия, осуществления судопроизводства)

Литература:

1. Пользовательское соглашение / [Электронный ресурс] — URL: <https://www.tiktok.com/legal/terms-of-use?lang=ru> (дата обращения: 16.09.2020).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N230-ФЗ по сост. на 26.07.2019 // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, N52 (1 ч.), ст. 5496.
3. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886, заключенная в Берне с изменениями на 28 сентября 1979 года // Международная конвенция об авторском праве. М., 1982.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=323470&fld=134&dst=100295,0&rnd=0.25125498496358367#0313371762133023> (дата обращения: 16.09.2020).
5. Калятин О. В. Законодательство об интеллектуальной собственности XXI века: тенденции развития // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelstvo-ob-intellektualnoy-sobstvennosti-xxi-veka-tendentsii-razvitiya> (дата обращения: 16.09.2020). [С. 55–66]

Субъекты правоотношений по осуществлению бюджетных расходов

Мухортикова Елизавета Сергеевна, студент магистратуры
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Актуальность исследования продиктована наличием недостатков законодательства, не позволяющих государству в достаточной мере удовлетворить ожидания общества в реализации его интересов за счет бюджетных расходов. Данные недостатки рассматриваются с позиции их воздействия на осуществление правоотношений по расходованию бюджетных средств субъектами этих отношений. Целью статьи является научный поиск правовых средств устранения недостатков законодательства или снижения их негативного влияния на деятельность субъектов указанных правоотношений. Исследование проведено с помощью анализа, синтеза, сравнения, формально-догматического, системного и исторического методов. В результате работы показана проблема несоответствия миссии государства и дифференцированных задач субъектов, осуществляющих бюджетные расходы, проанализированы текущие итоги реформирования бюджетного процесса и отдельные проблемы его правового обеспечения. Сделаны выводы о том, что Бюджетный кодекс Российской Федерации, иные нормативные правовые акты, программные и проектные документы должны содержать нормы, обеспечивающие взаимосвязь бюджетных расходов и целей государства, а также интересов общества. В том числе требуется установить ответственность за недофинансирование мероприятий по достижению целей государства.

Ключевые слова: субъекты осуществления бюджетных расходов, система субъектов, государственные органы, эффективность, целеполагание, целевые программы, бюджетный процесс, ответственность

Расходы бюджета служат достижению интересов общества в целом. Каждый член общества ожидает от государства как от единого деятельного субъекта удовлетворения своих потребностей. Данные ожидания основываются на правах физических и юридических лиц и обязанностях государства, установленных законодательством. Фактически для общества не имеет значения, каким образом ему будут оказаны государственные (муниципальные) услуги, выполнены работы, предоставлены те или иные экономические блага за счет бюджетных средств. Между тем на внутригосударственном уровне государство выполняет свои обязательства не напрямую, а через государственные органы, вступающие для этой цели в правоотношения по осуществлению бюджетных расходов (в противоположность международному уровню, где государство выступает как единый субъект). В свою очередь, за указанными органами закреплены дифференцированные по сферам ведения цели, задачи, функции и полномочия. Данная дифференциация во многом происходит бюрократически (механически), а сами органы стремятся ограничить меру своей ответственности, стараясь дистанцироваться от решения тех проблем общества, которые не делегированы им напрямую. Без дифференциации сфер ведения, естественно, не обойтись. Тем временем, удовлетворение основных интересов общества, как правило, требует комплексного подхода — на это должна работать вся система государственных органов, государство в целом. Однако вследствие дифференциации сфер ведения в том виде, который сложился на текущий момент, между государственными органами необходимого синергического взаимодействия, в том числе по поводу осуществления бюджетных расходов, не происходит. Из этого взаимодействия фактически исключается само государство как целостный субъект с его наиболее общими целями, определяемыми в соответствии с интересами общества. В таких обстоятельствах страдают интересы общества, что актуализирует задачу обеспечения достаточных правовых оснований для достижения государством конечных общественно

полезных результатов, выраженных в количественных и качественных показателях.

В научной литературе проблемы, связанные с функционированием государственных органов как субъектов правоотношений по осуществлению бюджетных расходов, зачастую рассматриваются отдельно от вопроса системной связи данных органов между собой. Характерно, что о системе этих органов говорят лишь для демонстрации полной картины предмета познания и ограничиваются простым описанием ее элементов, а далее проводится исследование каких-либо бюджетных процедур и их правового обеспечения уже абстрагировано от указанной системы. Хотя в действительности данные бюджетные процедуры представляют собой связи между элементами системы уполномоченных государственных органов, осуществляющих расходы бюджета (в данном случае эти органы и являются элементами системы).

В связи с этим представляется целесообразным произвести попытку поиска недостатков в деятельности государственных органов как субъектов осуществления бюджетных расходов, выявить негативные эффекты, обусловленные этими недостатками, и найти правовые средства исправления, сложившегося состояния дел. Логичным было бы в рамках правовой науки исследовать, составляют ли указанные субъекты систему, имеет ли она целостность, способность к реализации ее функционального назначения, эффективен ли порядок взаимодействия ее элементов, поскольку любая система представляет собой «определенный порядок, основанный на планомерном расположении и взаимной связи частей чего-либо» [6. С. 1189], то есть содержит некие объекты и связи между ними.

Осуществление расходов бюджета, как и любая деятельность какого-либо субъекта, носит целенаправленный характер. Начальным моментом процедуры расходования бюджетных средств является постановка ее цели, после чего данная процедура подчиняется достижению этой цели. В качестве цели бюджетных расходов, исходя из норм Бюджетного кодекса Россий-

ской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (далее — БК РФ), закреплено выполнение задач и функций государства и муниципальных образований такая цель отличает бюджетные расходы от иных присутствующих в экономической сфере видов расходов: расходов физических лиц, семьи, коммерческих организаций и др. Между тем, бюджетным законодательством перед субъектами, осуществляющими бюджетные расходы, ставится цель прикладного характера — соблюдение законности процедуры планирования и использования бюджетных средств. Иными словами, происходит подмена цели осуществления расходов бюджета, что ведет к нерезультативному и неэффективному расходованию бюджетных средств. В конечном счете потребности общества остаются обеспеченными далеко не в полной мере.

Причиной проблемы оторванности этапа первоначального целеполагания от содержания деятельности субъектов, осуществляющих бюджетные расходы, в первую очередь, представляется то, что БК РФ не предусмотрено включение государства как целостного явления в состав указанных субъектов. Тем временем, согласно ряду статей Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ), именно государство как единое публично-правовое образование должно обеспечивать достойную жизнь, свободное развитие людей, получение каждым человеком некоторого набора общественных благ, соответствующих гарантированным правам человека, в числе которых права на социальное обеспечение, охрану здоровья, благоприятную экологию, образование и т.д. Естественно, данные общественные блага создаются за счет использования бюджетных средств. Однако адекватного отражения целей государства, следующих из положений Конституции Российской Федерации, в нормах бюджетного права не происходит.

Существующее правовое обеспечение осуществления расходов бюджета не решает общие задачи удовлетворения интересов общества, целеполагания на общегосударственном уровне, результативности и эффективности расходов. Нормы бюджетного права регулируют только деятельность представителей государства и публично-правовых образований. От данного подхода законодателя к правовому обеспечению бюджетных отношений страдает функционирование всей бюджетной системы. В ней не учитывается взаимосвязь бюджетов. Содержание межбюджетных отношений сведено в основном к способам «перераспределения бюджетных средств из вышестоящего бюджета в нижестоящий» [7. С. 46–47]. В результате возникает разорванность между действиями публично-правовых образований, которая лишь «маскируется» межбюджетными трансфертами. Тем временем межбюджетный трансферт по своей сути должен служить, скорее, способом последовательного деления между публично-правовыми образованиями, во-первых, публично-правовых обязанностей, во-вторых, бюджетных доходов и, в-третьих, бюджетных расходов.

При таких обстоятельствах бюджетная система существует лишь в форме суммативной системы, что является одной из причин «неполного использования потенциала бюджета для развития общества» [8. С. 20–21]. Представляется, было бы более продуктивным определить бюджетную систему как «совокупность бюджетных и иных отношений, складывающихся между Российской Федерацией, ее субъектами и муниципальными образованиями по поводу функционирования федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов, а также бюджетов государственных внебюджетных фондов и базирующихся на принципах бюджетного федерализма, автономии местных бюджетов и нормах права» [7. С. 36].

Что касается представителей государства и публично-правовых образований, то их можно рассматривать как суммативную систему, включающую Президента Российской Федерации, высших должностных лиц публично-правовых образований, законодательные (представительные) органы, исполнительные органы, Банк России, главных распорядителей, распорядителей и получателей бюджетных средств. При этом реализация правоотношений по осуществлению бюджетных расходов с участием перечисленных субъектов неразрывно связана с деятельностью главных администраторов (администраторов) доходов и источников финансирования дефицита бюджета, а также финансово-контрольных органов. Часто один и тот же государственный орган совмещает функции двух и более из указанных субъектов. Все эти субъекты в БК РФ собирательно названы участниками бюджетного процесса, и для каждого из них закреплены бюджетные полномочия, то есть права и обязанности, связанные с осуществлением бюджетного процесса. В целом такая система за ряд лет зарекомендовала себя достаточно работоспособной и устойчивой, в том числе в условиях неоднократных реорганизаций, когда создавались и упразднялись различные органы исполнительной власти. Кроме того, за счет имеющихся возможностей административного усмотрения и даже, можно сказать, «ручного управления» (хотя эти возможности представляются автору чрезмерными) она способна тонко подстраиваться под меняющиеся потребности рассматриваемых органов. Поэтому исследуемая система органов в немедленном корректирующем правовом воздействии не нуждается.

Однако данная система органов, описанная в БК РФ как круг участников бюджетного процесса с их правами и обязанностями, не является полной. На самом деле она должна быть намного шире и с точки зрения субъектного состава, то есть включать бюджетные и автономные учреждения, уполномоченные банки, субъектов бюджетного планирования (здесь требуется отдельное исследование), и в плане конкретизации правового регулирования взаимодействия субъектов. В первую очередь, необходимо отметить проблемы отсутствия процедуры определения общего объема бюджетных расходов на достижение интересов общества и ответственности за недофинансирование обязательств государства.

Действительно, в нормативных правовых актах, регулирующих бюджетные отношения, закреплена процедура передачи денежных средств бюджета на заданные цели. Данная

процедура включает в себя стадии прогнозирования, планирования, составления, рассмотрения, утверждения, исполнения бюджета, ведения учета, составления отчетности, контроля над всеми этими стадиями, реализации результатов контроля, в том числе привлечения должностных лиц и организаций к ответственности за нарушение правовых норм. Основными являются стадиями планирования и исполнения бюджета. На стадии планирования происходит постановка целей осуществления бюджетных расходов, при исполнении бюджета создается результат деятельности государства или публично-правового образования. В процессе планирования общий объем бюджетных расходов делится на части, для каждой из которых определяется ее цель. При этом в условиях закрепления за субъектами, уполномоченными осуществлять бюджетные расходы, большого количества функций, данные цели сильно дифференцированы, в связи с чем формируется множество мелких раздробленных целей бюджетных расходов. Здесь и возникает проблема, состоящая в том, что в процессе постановки таких целей практически теряется связь направленности бюджетных денег с достижением интересов общества. В таких обстоятельствах возникают огромные возможности использования бюджетных денег на цели, вообще никак не связанные с интересами общества, чем и пользуются недобросовестные представители российского чиновничества. В конечном итоге исполнение бюджета не приносит ощутимой и должной пользы для общества, заметны лишь мелкие точечные несистемные улучшения, быстро теряющиеся под валом нерешенных более крупных проблем и новых запросов общества. Представляется, что исправлению сложившейся ситуации могло бы способствовать определение на стадии планирования бюджета общего объема направленности бюджетных денег на достижение интересов общества. Эту информацию следовало бы включить в состав приложений, утверждаемых законом (решением) о бюджете на очередной финансовый год.

Еще одним элементом стадии планирования бюджета, требующим совершенствования, является порядок принятия решений о выделении бюджетных ассигнований, в том числе дополнительных, на различные цели. Данный порядок, главным образом, включает в себя централизованный сбор финансовым органом предложений государственных органов, уполномоченных осуществлять расходы бюджета, о выделении бюджетных ассигнований на выполнение их функций, реализацию программ, проектов и т.п. Фактически речь идет о распределении бюджетных денег на выполнение обязательств государства и публично-правовых образований перед обществом через своих представителей. Указанные предложения можно подразделить на два типа: по базовому финансированию и по дополнительному финансированию. Оба эти типа предложений в установленном порядке обосновываются нормативными правовыми актами, на исполнение которых предполагается направить соответствующие бюджетные ассигнования. Как правило, включение в проект бюджета предложений по выделению базового финансирования — это лишь вопрос их надлежащего оформления. Однако финансовые органы стремятся от года к году сократить общий объем базового финансирования в целях экономии и, соответственно, доводят до главных

распорядителей бюджетных средств все меньшие и меньшие объемы финансирования. Между тем, российская инфляция не только ведет к постоянному удорожанию всех видов экономических благ, но и регулярно превышает официальные прогнозные показатели. Эти две разнонаправленные тенденции ведут к возникновению проблемы недофинансирования различных потребностей, что означает недоисполнение обязательств государства или публично-правового образования перед обществом.

В то же время вопрос включения в проект бюджета каждого конкретного предложения по выделению дополнительных бюджетных ассигнований решается в индивидуальном порядке. Среди представленных предложений проводится некий отбор, ограниченный объемом бюджетных денег, оставшимся нераспределенным после формирования общего объема базового финансирования. В итоге часть данных предложений отсеивается. При этом не установлен ни детальный регламент такого отбора, ни критерии предпочтения одного предложения по выделению дополнительного финансирования перед другим, не предусмотрено раскрытие информации о ходе и результатах этапа планирования бюджета перед общественностью. Следует, однако, иметь в виду, что за указанными предложениями, не включенными в проект бюджета, скрываются все те же потребности и интересы общества, которые в данных условиях остаются неудовлетворенными, а определить конкретных ответственных за это крайне затруднительно.

Аналогичная ситуация недофинансирования складывается на этапе исполнения бюджета, когда возникают непредвиденные расходы или стоимость оказания государственных (муниципальных) услуг, выполнения работ, реализации инвестиционных проектов по объективным и обоснованным причинам превышает запланированную.

Тем самым содержание законодательства и разрыв между миссией государства и характером реализации полномочий субъектов, осуществляющих бюджетные расходы, приводит к их низкой ответственности за достижение публичных интересов, связанных с потребностями общества в получении достаточной социальной поддержки, решения иных социальных проблем. Какой-либо вид прямой ответственности работников государственных органов за включение надлежащего количества бюджетных денег в проект бюджета на стадии его планирования и их передачу организациям, непосредственно реализующим цели, задачи, функции государства и публично-правового образования и интересы общества, на стадии исполнения бюджета российским законодательством не предусмотрен. Представляется, что введение такой ответственности необходимо, оно приведет к повышению удовлетворенности интересов общества и эффективности бюджетных расходов. Это должна быть личная ответственность руководителей указанных органов за недостижение конечных общественно полезных результатов, выраженных в количественных и качественных показателях, предполагающая обязательное увольнение с должности, даже несмотря на отсутствие нарушения процедуры осуществления бюджетных расходов. Что касается данной процедуры, то ее одновременно можно было бы смягчить, предоставив участникам этой процедуры несколько

больше свободы действовать, исходя из обстоятельств. Одновременно следовало бы обеспечить объективный контроль преимущественно за результативностью и эффективностью бюджетных расходов с точки зрения выполнения миссии государства, а не за соблюдением процедурных правил.

Кроме того, есть точечные проблемы правового обеспечения осуществления бюджетных расходов, которые также оказывают негативное влияние на реализацию бюджетных полномочий финансовых органов, главных распорядителей, распорядителей бюджетных средств и иных субъектов с точки зрения эффективности бюджетных расходов, в том числе поиска и использования имеющихся резервов ее повышения. Например, существуют законодательные нормы, находящиеся вне бюджетного законодательства, и, тем не менее, регулирующие бюджетные отношения [9. С. 62]. Представляется, что бюджетно-правовые нормы «непрофильных» законов необходимо переносить в БК РФ, а содержание самих этих норм подчинить принципам универсальности (в противоположность казуальности) и стабильности. Отдельно следует отметить неединообразие региональных законов, регулирующих бюджетные отношения, которая вызывает большое удивление, учитывая, что данные отношения фактически складываются под действием объективных всеобщих экономических закономерностей и не могут сколько-нибудь заметно варьироваться в зависимости от территориального расположения. В данном случае было бы также уместным рассмотреть возможность универсализации правового обеспечения региональных бюджетных отношений, однако это требует дополнительного изучения.

Таким образом, в ходе исследования выявлено, что в научной литературе, как правило, рассматриваются лишь отдельные проблемы бюджетных расходов абстрагированно от системы субъектов, осуществляющих расходы бюджета. Поэтому в значительной степени затрудняется возможность комплексного подхода к поиску путей совершенствования правовых норм, регулирующих деятельность указанных субъектов, государства в целом. Однако сравнительно небольшим количеством научных методов удалось раскрыть недостаточно освещенные в литературе проблемные стороны бюджетной деятельности государственных органов с той точки зрения, что данные органы должны составлять единую систему. Такой подход позволил выработать рекомендации, касающиеся общего состояния этой системы, а не просто по отдельным недостаткам правового обеспечения указанной деятельности.

Показана проблема подмены целей государства целями субъектов правоотношений по осуществлению бюджетных расходов, в результате которой возникает разорванность процесса целеполагания в цепочке от интересов общества к целям государства и затем к содержанию деятельности государственных органов. Дана оценка сложившихся на текущий момент итогов реформирования бюджетного процесса, которые не привели к должному состоянию бюджетной деятельности государства, результативности и эффективности бюджетных расходов. Потенциал повышения эффективности системы субъектов осуществления бюджетных расходов, как представляется, ограничен такими обстоятельствами, как отсутствие государства как единого целого в составе этих субъектов, отсутствие процедуры определения общего объема бюджетных расходов на достижение интересов общества и ответственности за недофинансирование обязательств государства.

В связи с этим в целях эффективного удовлетворения интересов общества за счет осуществления расходов бюджета уполномоченными субъектами требуется, во-первых, включить в БК РФ положения, обеспечивающие отражение в законах (решениях) о бюджете взаимосвязь объемов бюджетных ассигнований и целей государства, определяемых нормами Конституции Российской Федерации. Во-вторых, БК РФ следует предусмотреть, что законом (решением) о бюджете на очередной финансовый год должно утверждаться отдельное приложение, содержащее информацию об общем объеме направленности бюджетных денег на достижение интересов общества. В-третьих, в состав участников процесса осуществления бюджетных расходов необходимо включить государство как единый субъект, обязанный совершать расходы в целях создания нормальных условий функционирования общества. В-четвертых, бюджетные полномочия участников бюджетного процесса, нормативные правовые акты, устанавливающие расходные обязательства государства, программные и проектные документы должны предусмотреть зависимость содержания и смысла деятельности субъектов правоотношений по расходованию бюджетных средств от целей государства. В-пятых, требуется определить составы ответственности работников государственных органов, уполномоченных осуществлять бюджетные расходы, за планирование и передачу ненадлежащего количества бюджетных денег для реализации целей, задач, функций государства и публично-правового образования, направленных на реализацию интересов общества.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ)// Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N31, ст. 4398.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N145-ФЗ (ред. от 27.12.2019)// Собрание законодательства РФ, 03.08.1998, № 31, ст. 3823.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N146-ФЗ (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020)// «Собрание законодательства РФ», N31, 03.08.1998, ст. 3824.
4. Колесников Ю. А. Конституционно-правовые основы бюджетного федерализма в России (вопросы теории и практики): Дис... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2000. 172 с.
5. Смирникова Ю. Л. Финансово-правовой статус субъектов Российской Федерации: Дис... канд. юрид. наук. М., 2002. 206 с.

6. Комягин Д. Л. Бюджетное право: Учебник для вузов / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИД Высшей школы экономики, 2017. 590 с.
7. Управление бюджетными ресурсами и доходами (правовые вопросы): Монография / Под ред. С. В. Запольского; рук. авт. коллектива Х. В. Пешкова. М.: Прометей, 2017. 392 с.
8. Ильин А. В. Расходы бюджета в конституционном государстве: Дис... д-ра юрид. наук. СПб., 2016. 358 с.
9. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
10. Селюков А. Д. Правовое обеспечение оптимизации межбюджетных отношений в Российской Федерации: Дис... д-ра юрид. наук. М., 2003. 387 с.
11. Селюков А. Д. Принцип системности в бюджетном праве // Финансовое право. 2002. № 6. С. 19–23.
12. Васянина Е. Л. Правовые вопросы финансового обеспечения расходных обязательств // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 6. С. 60–63.

Бюджетные правоотношения с участием муниципальных образований

Мухортикова Елизавета Сергеевна, студент магистратуры
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Муниципальные образования вступают в бюджетные правоотношения, прежде всего, для обеспечения финансовой основы своего функционирования. Обращаясь к исследованию бюджетных правоотношений с участием муниципальных образований, представляется целесообразным рассмотреть, хотя бы в самом общем виде, что понимается под бюджетными правоотношениями.

В соответствии со ст. 1 БК РФ к бюджетным правоотношениям относятся отношения, возникающие между субъектами бюджетных правоотношений в процессе:

- 1) формирования доходов и осуществления расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, осуществления государственных и муниципальных заимствований, регулирования государственного и муниципального долга;
- 2) составления и рассмотрения проектов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, утверждения и исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, контроля за их исполнением, осуществления бюджетного учета, составления, рассмотрения и утверждения бюджетной отчетности.

Таким образом, законодатель ограничился перечислением бюджетных правоотношений, не давая при этом определения названному термину. Вместе с тем в науке финансового права предлагаются следующие определения бюджетных правоотношений.

Так, Х. В. Пешкова определяет бюджетные правоотношения как «правоотношения, возникающие в рамках бюджетной деятельности государства и муниципальных образований, направленные на формирование, распределение и использование централизованных денежных фондов — бюджетов, входящих в состав бюджетной системы государства» [7].

В. А. Фомин отмечает, что «бюджетные правоотношения можно рассматривать как урегулированные нормами бюджетного права общественные отношения, участники которых выступают носителями юридических прав и обязанностей, реализующими содержащиеся в этих нормах предписания по образованию, распределению и использованию централизованных государственных и муниципальных денежных фондов» [8].

В научной литературе существуют и более широкие определения бюджетных правоотношений. Например, А. А. Лежебокова предлагает следующее определение бюджетных правоотношений: «урегулированные нормами бюджетного законодательства общественные отношения сложносоставного характера, возникающие, развивающиеся и изменяющиеся в рамках бюджетного процесса, участники которых реализуют представленные им полномочия по формированию доходов и осуществлению расходов бюджетов бюджетной системы, осуществлению государственных и муниципальных заимствований, регулированию государственного и муниципального долга, составлению, рассмотрению, утверждению и исполнению проектов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, осуществлению бюджетного учета, составлению, рассмотрению и утверждению бюджетной отчетности, а также в процессе осуществления финансового контроля на всех стадиях бюджетного процесса» [5].

Проанализировав предложенные авторские определения, а также положения ст. 1 БК РФ представляется возможным выделить следующие особенности бюджетных правоотношений, раскрывая их сквозь призму функционального назначения, субъектного состава, а также самостоятельной законодательной базы.

Соглашаясь с Х. В. Пешковой, все признаки, присущие бюджетным правоотношениям, можно условно подразделить на три группы:

- 1) признаки, присущие любым общественным отношениям, урегулированным нормами права;
- 2) признаки бюджетных правоотношений как разновидности финансовых правоотношений;
- 3) признаки, определяющие специфику бюджетных правоотношений в сравнении с иными финансовыми правоотношениями [6].

Рассматривая признаки, присущие любым правоотношениям, следует отметить, что бюджетное правоотношение — общественное отношение, урегулированное нормами бюджетного

права, возникающее между участниками бюджетного процесса, наделенных взаимными правами и обязанностями; обеспечивается силой государственного принуждения, т.е. гарантируется и охраняется государством.

Бюджетные правоотношения как разновидность финансовых правоотношений отличаются тем, что они: 1) возникают в процессе бюджетной деятельности; 2) одним из субъектов в этих правоотношениях всегда является управомоченный орган государства (финансовый орган, кредитная организация) или высший, а также местный орган государственной власти; 3) они почти всегда возникают по поводу денег — денежного платежа в доход государства, публичных расходов и т.п.

В связи с тем, что бюджетная деятельность муниципальных образований как и всего государства в целом складывается из трех основных групп бюджетных правоотношений: отношений формирования, отношений распределения и отношений использования централизованных денежных фондов — бюджетов, представляется возможным выделить соответствующие основные виды бюджетных правоотношений. Вместе с тем следует отметить, что далеко не все бюджетные правоотношения можно отнести к одному из вышеперечисленных видов. Все иные бюджетные правоотношения в рамках бюджетной деятельности (контрольные правоотношения и другие) выполняют вспомогательную роль для обеспечения правоотношений указанных групп.

К признакам, определяющим специфику бюджетных правоотношений в сравнении с иными финансовыми правоотношениями, можно отнести следующие:

1. Более узкий круг субъектов по сравнению с иными финансовыми правоотношениями. Среди бюджетных правоотношений муниципальных образований И.В. Петрова выделяет: межбюджетные отношения муниципальных образований с Российской Федерацией и ее субъектами; бюджетные правоотношения, которые возникают между муниципальными образованиями разных уровней: внутримunicipальные бюджетные правоотношения муниципальных образований и межмуниципальные бюджетные правоотношения; бюджетные правоотношения, возникающие между одноуровневыми муниципальными образованиями.

2. Наличие специфических объектов бюджетных правоотношений, таких как проект бюджета, правовые акты о бюджете, бюджетные росписи, составленные на основе правового акта о бюджете; правовые акты об утверждении отчета об исполнении бюджета; различные документы бюджетной отчетности.

3. Для большинства бюджетных правоотношений характерен циклический повторяющийся характер.

Подводя итоги, можно предложить следующее определение бюджетных правоотношений муниципального образования — это урегулированные нормами бюджетного законодательства общественные отношения, возникающие на уровне муниципального района, городского округа, поселения, участники которых реализуют представленные им бюджетные полномочия в рамках бюджетного процесса либо с целью его обеспечения для обеспечения финансовой основы функционирования муниципальных образований.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ)// Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N31, ст. 4398.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N146-ФЗ (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020)// «Собрание законодательства РФ», N31, 03.08.1998, ст. 3824.
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N145-ФЗ (ред. от 27.12.2019)// «Собрание законодательства РФ», 03.08.1998, N31, ст. 3823.
4. Федеральный закон от 05.04.2013 N41-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О Счетной палате Российской Федерации»// «Собрание законодательства РФ», 08.04.2013, N14, ст. 1649.
5. Лежебокова А. А. Некоторые особенности бюджетных правоотношений // Финансовое право. 2007. № 10. С. 6.
6. Пешкова Х. В. Бюджетное устройство России. М., 2014. С. 69.
7. Пешкова Х. В. Понятие и природа отношений, развивающихся в связи с функционированием бюджетного устройства государства // Российский юридический журнал. 2011. № 4. С. 211.
8. Фомин В. А. Финансовые и бюджетные правоотношения в системе правовых категорий // Финансовое право. 2004. № 4. С. 9.

Методы противодействия рецидивной преступности в России на примере зарубежных стран

Некрутов Андрей Олегович, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье автором рассматривается проблема роста рецидивной преступности в России на основе статистических данных, рассматриваются негативные последствия рецидива, изучается зарубежный опыт в борьбе с рецидивной преступностью, определяются пути борьбы с рецидивной преступностью в России.

Проблема противодействия рецидивной преступности становится все более актуальной. Согласно статистике, в России за 2016 год было совершено 56,7% рецидивных преступлений, из общего числа преступлений [1], в 2017 году 58,2% из общего количества совершенных преступлений [2], в 2018 году количество таких преступлений выросло на 0,5% и составило 58,7% [3]. Тенденцию роста рецидивных преступлений говорит об ухудшении криминологической обстановки в стране. Причин такого роста множество, но одна из основных не благоприятная социально-экономическая обстановка

Если рассматривать полный перечень негативных последствий рецидивизма, то в данный перечень входят: убытки общества, понесенные в результате преступлений, совершенных рецидивистами, следует учитывать, что этот перечень является весьма объемным и включает не только прямые экономические убытки в каждом «повторяющемся» уголовном деле (материальные потери, судебные издержки, расходы свидетелей, жертвы, присяжные заседатели), консультанты, частичная или полная инвалидность жертвы, расходы семьи преступника и т.д.), а также физические и психические страдания, причиненные жертвам и их родственникам способна привести к росту социальной напряженности среди населения страх перед преступностью (физиологическая реакция населения на приступную угрозу) и другие.

Причины рецидивизма преступности множественны — экономический кризис, безработица, признание обществ, а также, отсутствия специализированного учреждения социальной помощи для людей, освобожденных из мест лишения свободы, так как большинство из них испытывают непреодолимые трудности при поиске работы, приобретении материального источника существования.

Актуальным и новым для России стает вопрос о предупреждении рецидива преступлений, особенно остро стоит вопрос со стороны лиц, отбывших сверх длительных сроков лишения свободы, освобожденных условно-досрочно от пожизненного лишения свободы. Изучение рецидивной преступности, объединение усилий государств в противостоянии ему — одна из насущных задач стран мирового сообщества. Сказанным и обуславливается необходимость изучения законодательства зарубежных стран. Учитывая особую актуальность создания службы пробации в России и отсутствие опыта по ее реализации в России, особый практический интерес вызывает изучение этого опыта в странах дальнего зарубежья. В большинстве этих стран данная служба получила устойчивое развитие [4, с. 79].

Пробация (от англ. probation — испытание) в уголовном праве США, Англии и ряда других стран — это вид условного осуждения, при котором осужденный помещается на время установленного судом испытательного срока под надзор специальных органов. В некоторых странах, например, таких как Швеция, Финляндия пробация применяется и в отношении лиц, которые досрочно освободились из — мест лишения свободы [5, с. 905]. Сегодня служба пробации является важнейшим институтом сферы уголовного правосудия и предупреждения преступлений во многих странах мира таких как США, Англии, Германии, Дании, Латвии, Финляндии, Франции, Швейцарии, Швеции, Эстонии и т.д. Опыт отдельных зарубежных стран показывает, что исполнение альтернативных видов наказаний, а именно такого как ограничение свободы, как правило, возлагается на специальную государственную службу — службу пробации. Так — например, в Латвии создана специальная самостоятельная государственная служба пробации, в Чехии сотрудники пробации состоят в штате суда, в США осуществление пробации возложено на службу контроля за лицами, переданными на испытательный срок, в Сингапуре специализированная служба пробации находится под управлением Министрства общественного развития и спорта.

Практически во всех европейских странах, Канаде и США в штатах службы пробации — имеются сотрудники, специализирующиеся на осуществлении уголовного надзора за несовершеннолетними, а также психологи, оказывающие необходимую консультационную помощь персоналу службы пробации [5, с. 905].

Положительный опыт зарубежных стран показывает, что наличие службы пробации позволит снизить затраты на содержание пенитенциарной системы, снизить рецидивизм.

В российском законодательстве отсутствует юридическое подтверждение обязанностей участия осужденных в воспитательной и социально-реабилитационной деятельности, организуемой уголовно-исполнительные проверки, и их участия в психологической деятельности лиц, осужденных за насильственные преступления, склонны употреблять наркотики и психотропные вещества, а также алкоголь. В соответствии с уголовным законодательством воспитательная работа предусмотрена только для осужденных к ограничению свободы, лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и исправительными работами. Проведение воспитательной работы с осужденными к обязательным работам, а также условно осужденных, предусмотренных действующим законодательством.

В российское уголовное законодательство необходимо внести ряд новых норм в Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодексы с целью правового регулирования назначения и исполнения наказания в виде ограничения свободы, в том случае, если условно определяется как отдельный уголовно-правовой меры.

Также необходимо определить правовое регулирование в Уголовном Кодексе; деятельность сотрудников службы пробации в досудебном производстве и на стадии судебного разбирательства, и на стадии исполнения приговора. Также определить правовой статус сотрудников службы пробации (вид государственной службы, права, обязанности, ответственность, социальные гарантии и т.д.) [5, с. 905].

Таким образом, анализируя зарубежный опыт, выявляются положительные аспекты исполнения пробации и ограничения свободы, такие как применение пробации. В Российской уголовно-исполнительной системе рекомендуется ввести этот механизм, закон, обеспечивающий применение этой меры как основного и дополнительного наказания, в том числе в отношении несовершеннолетних. То есть законодательно обязать осужденных выполнять определенную деятельность, которая необходима для работы осужденных.

С введением этого мероприятия будут снижены затраты на содержание уголовно-исполнительной системы России, эти деньги

могут быть направлены в другие социальные сферы страны. Этот опыт широко используется во всех европейских странах.

Таким образом, с учетом изученного материала, что содержание лиц, приговоренных к лишению свободы, что в США, в Европе были схожи, они использовали комплексно тюрьмы разных типов. Следует сказать, что ни одна Европейская страна, не использовавшая форму содержания под стражей для осужденных к лишению свободы, таких как отрядная форма.

В уголовную систему Российского государства необходимо ввести механизм наказания, такой как — пробацию. Суть данного механизма состоит в том, чтобы законодательно обязать осужденных на выполнение определенной деятельности, то есть обязать работать осужденных.

От введения данного мероприятия будут сокращены расходы на содержание органа уголовно-исполнительной системы России, данные деньги можно будет направить на другие социальные сферы жизнедеятельности страны. Данный опыт широко используется во всех европейских странах.

Тем самым восстановится социальная справедливость, со стороны родственников пострадавших и самих пострадавших, так как им не надо будет отчислять налоги на содержание своих «обидчиков». А преступники будут зарабатывать себе на жизнь в заключении.

Литература:

1. Состояние преступности январь — декабрь 2016 года [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/9338947/> (дата обращения 14.08.2019)
2. Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2017 года [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/12167987/> (дата обращения 14.08.2019)
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2018 года [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/16053092/> (дата обращения 14.08.2019)
4. Наумов, Е. В. Предупреждение рецидива преступлений средствами контроля и надзора по законодательству стран дальнего зарубежья // Уголовно-исполнительное право. — 2013. — № 2. — С. 79–80. года [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-retsidiva-prestupleniy-sredstvami-kontrolya-i-nadzora-po-zakonodatelstvu-stran-dalnego-zarubezhya> (дата обращения 14.08.2019)
5. Ходжалиев, С. А. Некоторые особенности применения наказания в виде ограничения свободы за рубежом // Молодой ученый. — 2016. — № 9. — С. 905. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/113/29298/> (дата обращения: 24.08.2019)

Процессуальные и тактические аспекты поддержания прокурором государственного обвинения в суде первой инстанции

Пеканова Евгения Эдуардовна, студент магистратуры
Научный руководитель: Давыдов Сергей Иванович, доктор юридических наук, профессор
Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета

В статье обосновывается вывод о необходимости использования прокурором тактических приемов при поддержании государственного обвинения в суде первой инстанции.

Ключевые слова: государственное обвинение, прокурор, уголовный процесс, тактика, законность.

Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью повышения эффективности деятельности органов

прокуратуры в рамках поддержания государственного обвинения. Данный институт обеспечивает достижение постав-

ленных перед прокуратурой Российской Федерации целей в сфере защиты законности, охраны правопорядка. Также поддержание государственного обвинения является одним из важнейших направлений деятельности прокуратуры Российской Федерации. Необходимость обеспечения правосудия, а также эффективности деятельности судебной системы обеспечивается качеством выносимых решений, их обоснованностью, недопущением ошибок и злоупотреблений, что требует профессионализма от всех участников процесса.

Деятельность прокуроров по поддержанию государственного обвинения в суде первой инстанции ставит своей целью разоблачение преступника, донесение до суда и общественности всех обстоятельств дела, которые обеспечат вынесение справедливого приговора, что в условиях состязательности уголовного процесса требует не только тщательного ознакомления с материалами дела, но и профессиональных навыков, а также особой подготовки и индивидуальных качеств, позволяющих вести дебаты с такими же профессионалами. Помимо личных качеств и профессионализма важную роль в состязательном процессе играет методическое обеспечение (в рамках которого прорабатываются тактические приемы, особенности поведения и аргументации прокурора), а также нормативно-правовые основы, определявшие процессуальное положение прокурора, его возможности.

Соответственно, процессуальные и тактические аспекты занимают важное место в механизме поддержания прокурором государственного обвинения и требуют дополнительного изучения, что и определило цели настоящей статьи.

Согласно части 3 статьи 37 УПК РФ, прокурор является участником уголовного процесса, и «в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность» [3].

Сегодня можно отметить наличие относительно статуса прокурора в уголовном процессе, соотношения роли прокурора и государственного обвинителя (которым может быть не только прокурор, но и другие лица) [9, с. 69], а также функций и роли прокурора в уголовном процессе в принципе. По нашему мнению, необходимость участия государственного обвинителя обеспечивает публичность уголовного права, которая подразумевает уголовное преследование преступника именно государством, равно как и вынесение справедливого приговора. Цель уголовного преследования — изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, соответственно определен и статус прокурора (статья 37 УПК РФ), именно эту функцию выполняет прокурор при поддержке государственного обвинения.

Можно согласиться с Т.Н. Коршуновой, которая отмечает, что «правовой статус прокурора в суде как представителя государства, т.е. носителя публичных интересов, не стоит низводить до процессуального положения стороны. Взаимосвязанные положения ч. 3 и 4 ст. 15, а также ст. 6, ч. 3 ст. 37 и ст. 246 УПК РФ свидетельствуют о том, что процессуальное равноправие сторон по существу означает не фактическое процессуальное равенство (равенство прав и обязанностей), а лишь равные возможности в отстаивании своей позиции и оспаривании позиции другой стороны» [10, с. 66].

Процессуальное положение прокурора в уголовном процессе определяется, соответственно, не только его правами и обязанностями, но и своего рода «миссией» по отстаиванию, в отличие от адвоката, не частных, а государственных интересов, выступая в качестве представителя государства. Уголовное преследование на судебных стадиях уголовного процесса, таким образом, отвечает публичным интересам, как и отказ от уголовного преследования невиновных.

Таким образом, процессуальный статус прокурора в уголовном процессе определяет его права, обязанности, ответственность, причем последняя может быть охарактеризована не только как юридическая, но и как моральная, которая «касается отношений между людьми, человеком и группой лиц, обществом и способствует формированию чувства долга, чувства ответственности» [11].

Высокая степень ответственности прокурора при поддержании государственного обвинения предполагает наличие, помимо нормативно-правового обеспечения (которое подразумевает равные права как обвинения, так и защиты в уголовном процессе) определенного инструментария, позволяющего достигать поставленных целей, в том числе тактических приемов, основанных на достижениях психологии, криминалистики, риторики, криминологии и других наук.

Общие рекомендации по осуществлению деятельности прокурора по поддержанию государственного обвинения содержатся в Приказе Генпрокуратуры России от 25.12.2012 № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», в котором содержится порядок действий органов прокуратуры, их руководства и сотрудников при поддержке государственного обвинения на судебных стадиях уголовного процесса. Показательным и подчеркивающим важность участия прокурора в процессе является то, что органам прокуратуры предписывается постоянно совершенствоваться в данной сфере.

Рассматриваемый приказ определяет основные направления деятельности прокурора, при этом оставляет открытым вопросы применения отдельных приемов, тактических действий. В целом, исходя из определения тактики как таковой, а также понимания особенностей прокурорской деятельности, прокурорскую тактику можно определить как совокупность научно обоснованных приемов и средств реализации полномочий прокурора, поддерживающего государственное обвинение на судебной стадии уголовного процесса.

Соответственно, тактика прокурора будет характеризоваться системой приемов и методов, которые тот будет использовать в процессе выполнения своих обязанностей.

Все тактические приемы можно разделить на три большие группы:

- 1) приемы и действие, осуществляемые при участии прокурора в стадии подготовки к судебному заседанию (процессуальные и организационные вопросы). На данном этапе важно применять как приемы изучения текста, приемы анализа, общенаучные методы исследования так и методы запоминания, системного подхода, ключевая цель данного этапа — это максимально полно ознакомиться с материалами уголовного дела, изучить его лучше следователя и адвоката;

2) тактические действия прокурора в исследовании доказательств на судебном следствии; на данном этапе важно использовать специальные знания, в том числе, в области криминалистики. Важность специальных знаний отмечают многие авторы, практически все исследователи тактики поддержки государственного обвинения сходятся в том, что «важным фактором успеха в деле выступает наличие у прокурора определенных специальных познаний, умений и навыков. Речь здесь идет прежде всего о процессуальных и экспертно-криминалистических познаниях» [12].

3) тактические действия и приемы, которые применяются при участии прокурора в судебных прениях. Здесь важно применение навыков и приемов дебатов, аргументации, ораторского мастерства, а также понимания аудитории, обстановки, сложившейся на слушании, что требует знаний в сфере социальной психологии, поведенческих наук.

В современных условиях гуманизации уголовного наказания, преваширования освобождения от уголовной ответственности и смягчения наказания, выиграть дела для прокуроров становится достаточно так же сложно, как и дела об убийствах. Сегодня участие в уголовном процессе требует рассмотрения самых различных видов доказательств, включая свидетельские показания, документальные и другие вещественные доказательства, свидетельские показания непрофессионалов, научные доказательства, показания экспертов и почти бесконечное количество сложных вопросов. Прокуроры должны быть знакомы с этими различными типами доказательств и правилами, регулируемыми их допуск в суд. Помимо этого прокурор должен научиться увлекать свою аудиторию (жюри) и представлять свою позицию убедительно, так, чтобы и суд и присяжные (при необходимости) могли понять и понять.

Каждый адвокат и каждое дело уникальны. Существует очень мало жестких и быстрых техник и стратегий в зале суда. Важно разработать свой собственный стиль и адаптировать свою стратегию к каждому отдельному делу.

Таким образом, анализ процессуальных и тактических аспектов деятельности прокурора по поддержанию государственного обвинения в суде первой инстанции позволил сделать ряд выводов:

1) необходимость формирования тактических инструментов поддержки государственного обвинения обусловлена процессуальным статусом прокурора, целями и решаемыми задачами. Разоблачение преступника перед общественностью и судом — ключевая цель тактических мероприятий, реализуемых прокурором;

2) особенность процессуального статуса прокурора заключается в том, что он выступает от имени государства, отстаивает его интересы как поддерживая государственное обвинение, так и отказываясь полностью или частично от уголовного преследования. Подобная ситуация накладывает на прокурора дополнительную ответственность, повышая требования к его профессионализму и личностным качествам;

3) представлено определение прокурорской тактики, которая может быть охарактеризована как совокупность научно обоснованных приемов и средств реализации полномочий прокурора, поддерживающего государственное обвинение на судебной стадии уголовного процесса;

4) тактические приемы могут быть распределены по направлениям: подготовка к судебному заседанию, здесь используются методы, предусмотренные нормами процессуального права (подача ходатайств, определение допустимости доказательств и т.д.); участие прокурора в исследовании доказательств (необходимы специальные (экспертные знания и навыки)); участие прокурора в судебных прениях (важны приемы ведения споров, аргументации, речевого воздействия);

5) для прокурора важно выработать индивидуальный стиль ведения дела, основанный на совокупности знаний, навыков и умений, выраженных в применении определенных тактических приемов в нужный момент для достижения поставленных целей.

Соответственно, можно определить пути повышения эффективности участия прокурора при поддержке государственного обвинения, которые будут заключаться в повышении трудового потенциала органов прокуратуры, усилении подготовки сотрудников, а также разработке методических указаний, рекомендаций различной сложности для возможности изучения тактических приемов и общего стиля ведения дел в судах.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // «СР РФ», 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — ст. 2954,
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020, с изм. от 09.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — ст. 4921,
4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 О прокуратуре Российской Федерации (ред. от 06.02.2020) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472
5. Приказ Генпрокуратуры России от 25.12.2012 N465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» / СПС Консультант Плюс. — (дата обращения 21.06.2020)
6. Волчецкая Т. С. Криминалистические приемы и методы поддержания государственного обвинения / Т. С. Волчецкая, М. В. Авакьян // Законность. — 2016. — № 6. — С. 35–38.
7. Кисленко С. Л. Роль криминалистической классификации и типизации подсудимых в формировании криминалистических рекомендаций по поддержанию государственного обвинения в суде / С. Л. Кисленко // Lex russica. — 2020. — № 4. — С. 69–83.

8. Комаров И. М. Общие положения тактики поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции /И. М. Комаров // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право.— 2010.— № 2 (73).— С. 120–124
9. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики / В. А. Давыдов, В. В. Дорошков, Н. А. Колоколов и др.; под ред. В. М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп.— М.: Юрайт, 2013.— 824 с.
10. Средства прокурорской деятельности: проблемы теории и практики: монография / О. Н. Коршунова, В. В. Лавров, Е. Л. Никитин и др. Москва: РУСАЙНС, 2019. 268 с.
11. Иванников А. И. Моральная и юридическая ответственность» /А.И. Иванников // Северо-Кавказский юридический вестник.— 2017.— № 3.— С. 49–54.
12. Есина А. С. Теоретические и прикладные аспекты деятельности прокурора по поддержанию государственного обвинения в суде первой инстанции /А.С. Есина, М. Э. Семенов //Подготовлен для системы КонсультантПлюс.— 2008

Преступления коррупционной направленности: современные проблемы

Поляков Серафим Александрович, студент магистратуры
Юго-Западный государственный университет (г. Курск)

В данной статье раскрываются проблемы коррупционных преступлений, новые виды преступлений, проблемы квалификации преступлений против интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, заведомо ложный донос, модернизация.

Ключевые слова: коррупция, преступление, взяточничество, модернизация.

1. Новый вид коррупционного мошенничества: постановка проблемы. В следственной и судебной практике всё чаще возникают вопросы квалификации по ст. 159 УК случаев написания гражданином, не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, научных работ и хищения путём обмана или злоупотреблением доверием. В ракурсе обсуждавшегося практикующей общественностью и принятого впоследствии единого мнения содержалась следующая точка зрения: такие деяния, следует при наличии к тому оснований, квалифицировать по статье 171 УК. Подобные взгляды учёных на сей счёт уже были подвергнуты критическому рассмотрению в ряде моих работ. Поскольку, однако, эти учёные настаивают на их обоснованность, о чём свидетельствуют их научные взгляды, считаю правильным продолжить научную дискуссию. Юристы, хотя и не без колебаний, отнесли факт оказания подобных услуг к противоправным деяниям: эти мнения появлялись у них в числе важных проблем, то исчезали. Неопределённую позицию они занимали и в вопросе о том, что такое коррупционное мошенничество, как оно соотносится с предпринимательскими и договорными отношениями и каковы их признаки.

К сожалению, последующие публикации юристов только запутали вопрос, какое содержание вкладывают авторы в понятие «коррупционное мошенничество» и что они понимают под этим противоправным деянием. Если обратиться к истокам общественного мнения, то можно сделать вывод, что под коррупционным законодательством юристы понимают не всё законодательство о коррупции, но лишь уголовное коррупционное право, а взяточничество рассматривают как отдельный институт. Подобный ход рассуждений вызывает вопросов

больше, чем ответов. Выходит, что мошенничество не относится даже ко всем коррупционным преступлениям, не говоря уже о том, что оно не относится к экономическим преступлениям, в том числе и в сфере экономической деятельности. Ну а как быть в таком случае со сферой оказания услуг (написание научных работ за деньги)? Выходит, сфера её регламентации тоже ограничивается лишь «экономикой» и не распространяется ни на коррупционные отношения, ни на торгово-учебные отношения, например, написание научных работ для целей их дальнейшей перепродажи, не охватывается составом мошенничества (ст. 159 УК РФ).

Как быть теперь с писательской деятельностью: складываются ли в них коррупционные отношения или нет и, если складываются, в чём их особенность. Юристы,— если я правильно их понял, а это далеко не просто, поскольку мысли практиков высказаны вразброс — предлагают втиснуть в рамки УК едва ли не всё, что касается подделки интеллектуального труда. В результате, полагают юристы, удастся избежать противоречий, с которыми постоянно приходится сталкиваться, между УК и ГК. Навязчивой для них по-прежнему остаётся идея о том, что эффективно могут выступать в коррупционном обороте только те преступления, которые лично мотивированы. Отсюда негативное отношение юристов к таким формам обособления коррупции, как незаконные учебные услуги, которые достались нам в наследство от незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ). В этом случае они становятся на крайне опасный путь обезличивания закона и общества, выдают свои представления о том, каким они хотели бы видеть закон, за тонкой вуалью публичных интересов (в том числе, частных).

Для читателей, возможно, представит интерес как бы небольшое отступление от темы, которое нам хотелось бы позволить себе. Во — первых, порадовала меня и вполне оправданная тревога юристов за нынешнее состояние уголовного законодательства. Мы её полностью разделяем. Позиция отечественных юристов заслуживает тем большого уважения, поскольку они, в отличие от меня, не были отлучены от работы по специальности и принимали в ней самое непосредственное участие. Такая оценка со стороны наших юристов — это, бесспорно, поступок, свидетельствующий о великом русском духе, о том, что им далеко не безразличны нравы нашего общества. Ведь и им, и нам давно пора, взявшись за руки, с чистым сердцем, решать судьбу российского народа (общества).

Симптоматичной тенденцией в развитии современных антикоррупционных взглядов является их стремление к точности, объективному выражению изучаемых характеристик коррупции и одновременно обращение к таким сторонам её изучения, которые традиционно игнорировались ими как якобы исключающие точный объективный анализ. Одной из таких сторон является «класс», к которому стали проявлять интерес самые разные политические партии, причём первой его проявила наиболее авторитетная и возрастная из них — Коммунистическая партия России, в которой сложилась основа классовой борьбы. В наше время общество в России финансово и идеологически коррумпировано ничуть не меньше, чем советское. Коррупция во многом переворачивает традиционную логику экономических классов и подклассов, делая акцент на экономике и через неё оценивая качество людского субстрата, а коррупция рассматривается в обществе — как инструмент создания «комфорта». Возникновение и распространение коррупции также было спровоцировано глобальной трансформацией ментальности, которая началась в 90-е годы во многих городах России, что постепенно привело к «разложению общества»; произошёл сдвиг от героев социализма к криминальным авторитетам, чьи судьбы были впервые рассказаны во всех средствах массовой информации.

Важно отметить и то, что стремление части рабочего класса ощущать и рекламировать себя как в первую очередь или даже исключительно «успешным». Стремление к идентификации себя как «успешного» находит разное выражение в различных социальных классах современной России. Представители низших экономических классов, включая бедную часть населения, думают, что становятся «успешными», начиная носить одежду иностранных брендов, покупая не имеющие ничего общего со своими потребностями технические устройства, делая иностранные стрижки и т.п. Вероятно, данный факт связан с ростом потребностей: если раньше люди мечтали о поездках за границу, то сейчас им нужна полноценная жизнь в Европе. Любой гражданин по-своему ощущает, идентифицирует свой экономический класс, с одной стороны, чужой и вышестоящий класс, с другой.

2. Вымогательство взятки в виде денег: актуальная проблема. Взятничество относится к числу преступлений против государственной власти. Оно, в отличие от других деяний, связано не с посягательством на естественные права человека, а с нарушением интересов публичной власти.

Согласно п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» к предмету взяточничества по смыслу ст. 290 УК РФ относятся, в частности, наличные и безналичные денежные средства.

В случае, когда предметом взяточничества являются деньги, как правило, взяткополучатель точно указывает потерпевшему сумму взятки. Причём требование передачи денег становится вымогательством, лишь когда оно подкреплено, сопровождается угрозами совершения действия либо реализация бездействия со стороны взяткополучателя. Можно столкнуться с ситуацией, когда при выдвижении требования о даче взятки, до сведения потерпевшего не доводится сумма денег. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 ответа на данный вопрос не содержится. В литературе этой проблеме также не уделяется внимание, вместе с тем констатируется, что вопросы квалификации взяточничества как самостоятельной разновидности преступлений против государственной власти традиционно вызывают сложности в исследованиях.

На основе анализа информации, содержащейся в учебной литературе и научных публикациях, можно сделать вывод, что требование передачи денег в виде взятки представляет собой незаконное указание потерпевшему или его представителям дать вознаграждение, оно направлено на безвозмездную передачу адресату получения или указываемым им лицам денежных средств находящихся во владении потерпевшего, может состоять в выраженном, как правило, в устной форме, требовании предать деньги другого лица и, при этом, быть как прямым получателем, так и посредником между такими лицами.

Следует учитывать, что на квалификацию по ст.ст. 290 и 291.2 УК РФ, без учёта квалификации признаков в значительном, крупном и особо крупном размере в любом случае не влияет размер предмета. Кроме того, согласно разъяснениям высшей судебной инстанции, содержащимся в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 взяточничество окончено с момента принятия должностным лицом, хотя бы части передаваемых ему ценностей (в нашем случае, денежных средств).

3. Заведомо ложный донос о факте коррупции: актуальная проблема.

На продолжении длительного времени ст. ст. 290 и 291 УК РФ оставались мёртвыми нормами, их применение было минимальным. Однако в последнее время наблюдается устойчивый рост числа коррупционных преступлений, а точнее, числа рассматриваемых судом дел, в которых подсудимому инкриминируется взяточничество. Статья 291, которая раньше считалась чем-то вроде формальности, стала работать на полную «катушку». Однако необходимо понимать, что возрастающие статистические данные не являются результатом действительно увеличившегося количества фактов коррупции, а происходят по причине изменения отношения в органах следствия к лжесвидетельству. Иными словами, если раньше следователи подходили к работе должным образом

в части разрешения вопроса о наличии или отсутствии признаков коррупции и не закрывали глаза на ложные доносы, то теперь вопрос о возбуждении уголовного дела является составной частью профессионального формализма и пониженного уровня учебных знаний.

Необходимость исследования различных аспектов сообщения о факте коррупции объясняется рядом причин. Данное преступление посягает на интересы публичной власти, службы в органах государственной власти и местного самоуправления и так далее. В судебно — следственной практике зачастую допускаются ошибки при квалификации преступлений. При правовой оценке коррупции возникают вопросы, получающие неоднозначную трактовку практикующими юристами. Нет по данным вопросам и единого мнения научного сообщества России в сфере уголовного права и процесса.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации [Текст]: офиц. текст. — Москва: Проспект, 2018—32 с.
2. Уголовный Кодекс Российской Федерации [Текст].офиц. текст — Москва: Проспект, 2019. — 320 с.
3. О системе государственной службы Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон: [принят 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ: по состоянию на 23 мая 2016 г.] / Доступ из справ.— правовой системы СПС «КонсультантПлюс» (дата обновления: 12.12.2019).
4. О государственной гражданской службе Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон: [принят 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ: по состоянию на 16 декабря 2019 г.] / Доступ из справ.— правовой системы СПС «КонсультантПлюс» (дата обновления: 12.12.2019).
5. О муниципальной службе Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон: [принят 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ: по состоянию на 16 декабря 2019 г.] / Доступ из справ.— правовой системы СПС «КонсультантПлюс» (дата обновления: 12.12.2019).
6. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий [Электронный ресурс]: пост. Пленума Верховного Суда РФ [принято 16 октября 2009 г. № 19]. / СПС «КонсультантПлюс»: поиск по реквизитам.
7. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях [Электронный ресурс]: пост. Пленума Верховного Суда РФ [принято 9 июля 2013 г. № 24]. / СПС «КонсультантПлюс»: поиск по реквизитам.

Проблемы квалификации преступлений против личных прав человека

Полякова Жанна Владимировна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

Автор рассматривает проблемы квалификации преступлений против личных прав человека, определяет проблемы, которые возникают при квалификации преступлений против личных прав человека, определяет мероприятия по совершенствованию нормативной базы квалификации преступлений против личных прав человека.

Проблемы квалификации правонарушений по делам о преступлениях против личных прав человека весьма актуальны в связи с совершенствованием правоприменительной практики. Таким образом, различные аспекты обоснованности преступлений против личности привлекают внимание юридической науки.

Следует отметить, что одной из важнейших исследовательских проблем в этой области является правильное толкование понятия обоснованности преступлений против личности. В от-

Часто ложные доносы якобы о факте коррупции представляют собой способ сокрытия реального факта правовой действительности. Это объясняется тем, что в таких случаях донос сопряжён с противоправными действиями заявителя. Для более наглядного объяснения данного видения проблемы целесообразно смоделировать одну типичных ситуаций. Так, декан экономического факультета А., высказал своему окружению опасения о том, что учёный совет может не переизбрать его на новый срок. Его заместители решили повысить рейтинг декана своеобразным способом — подготовили историю о факте коррупции. 15 февраля житель г. Курска Олег Мартынов заявил в следственный комитет о факте коррупции, пояснил, что, работая деканом факультета, он столкнулся с ситуацией, когда к нему обратился студент за помощью по учёбе (поставить зачёт за денежное вознаграждение).

еественной юридической литературе существуют различные подходы к этому вопросу.

Так Г.П. Новоселов утверждает, что квалификация преступлений против личных прав человека полностью соответствует статье УК РФ, которая содержит его правовой запрет и устанавливает уголовные наказания [2, с. 287]. Такую точку зрения поддерживает и В.С. Савельев, по мнению которого квалификация преступления содержится в четком указании уголовной статьи [4, с. 473]. Эта интерпретация вполне логична, но ее

нельзя считать всесторонний. Так как она включает в себя квалификацию любого деяния, которое запрещено УК РФ.

Законодательные основы защиты личных прав человека заложены в главе 19 Конституции РФ и являются правовой основой правоохранительной деятельности, направленной на защиту законных прав и интересов личности [5, с. 96].

УК РФ создает правовую базу, которая проводит разграничение между преступлениями против личных прав человека и другими видами преступлений. Однако, некоторые ученые, такие как В.И. Толмосов утверждают, что в содержании Уголовного кодекса РФ, должны быть включены конкретные противоправные действия, которые направлены на нарушение основных прав против личных прав человека [3, с. 288].

Следовательно, успешность процедуры квалификации правонарушений во многом определяется уровнем правовых знаний и профессиональной компетентностью сотрудников правоохранительных органов. К сожалению, в социальной реальности сотрудники не всегда отличаются высоким профессионализмом, что приводит к неизбежным ошибкам в этом процессе.

Таким образом, можно определить две основные проблемы квалификации преступлений против личных прав человека, связанных с недостатками правовой базы, а также правоприменительной практики. Внимание научного сообщества должно быть сосредоточено прежде всего на первой проблеме.

Одной из наиболее острых проблем обоснованности преступлений против личных прав человека является конкуренция уголовных норм. Так одно противоправное деяние в отношении против личных прав человека подлежит юрисдикции сразу нескольких статей главы 19 УК РФ. Основные виды конкуренции, связанных с уголовным правом: конкуренция общих и специальных норм и конкуренция части и целого и по признакам объективной стороны. В первом случае деяние виновного подпадает одновременно под действие общих и специальных норм, что затрудняет определение состава преступления. Другой вид конкуренции в уголовном праве относится к ситуации, когда существует несколько норм, содержащих различные характеристики противоправных деяний. В то же время одна норма охватывает совершенное деяние в целом, а другая — лишь отдельные его части [5, с. 99].

Так при квалификации деяния, совершенного в нарушение личных прав человека, необходимо проводить различие между похищением человека и незаконным лишением свободы, например, рабство. В этом случае совершенные противоправные действия приравниваются к признакам двух видов преступлений, предусмотренных УК РФ. При квалификации правоприменения он должен учитывать все текущие обстоятельства, ссылаясь на то преступление, которое ему наиболее соответствует.

Гарантией правильной квалификации преступления против личности в конкурентном уголовном праве является тщательное расследование всех обстоятельств его совершения, что

подразумевает качественную профессиональную работу правоохранительных органов в каждой конкретной ситуации.

При всех видах преступлений против личности наиболее существенными проблемами являются обоснованность действий, предусмотренных статьями 105 УК РФ [1, ст. 105]. Этот тезис основан на том, что они подвергаются максимально возможному риску, то есть направлены на самую значимую социальную ценность, которая бесценна — жизнь человека.

Так как в данной статье определена важность квалификации конвекционных преступлений против прав человека, составим данную квалификацию наиболее актуальную на данный момент.

Фундаментом личных прав человека является свобода, поэтому преступления, связанные с лишением свободы, носят острый характер, и мероприятия, направленные на их предотвращение, должны поощряться всем мировым сообществом. В первую очередь следует отметить преступления, которые лишают человека свободы — рабство (статья 127.2 УК РФ).

Рабство во многих случаях влечет за собой и другое преступление — это торговля людьми (статья 127.1 УК РФ). Торговля людьми предполагает не только использование рабского труда, а также многообразных форм сексуальной эксплуатации (статья 241 УК РФ).

Рабство, торговля людьми, сексуальная эксплуатация предполагают жестокие действия по отношению к человеку: во многих случаях это пытки и бесчеловечные действия по отношению к личности (статья 117 УК РФ).

Данные преступления находятся в тесной взаимосвязи между собой, одно преступление влечет другое, тем самым их необходимо различать.

Важность правильной классификации преступлений против личных прав человека приводит к необходимости исправления имеющихся недостатков. Одним из наиболее перспективных направлений развития такой деятельности является специальный раздел УК РФ, включающий в себя теоретические обоснования норм квалификаций преступлений, совершенствование данного раздела позволит минимизировать субъективные аспекты. Для достижения этой цели необходимо будет продолжить исследования в этой области.

По моему мнению квалификация конвекционных преступлений против личных прав человека, должна выглядеть следующим образом:

1. Рабство и работорговля.
2. Торговля людьми.
3. Сексуальная эксплуатация.
4. Пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания.

Таким образом, для правильной квалификации преступлений против личных прав человека необходимо провести тщательный анализ всех обстоятельств совершенного преступления. Успех такой деятельности во многом зависит от компетенций человека, ее осуществляющего.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 18.02.2020)

2. Багмет, А. М. Квалификация преступлений против личности. Учебник для студентов вузов. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник» / А. М. Багмет. — М.: Юнити-Дана, 2015. — 968 с.
3. Боженко, С. А. Квалификация преступлений против личности. Учебное пособие / С. А. Боженко. — М.: Проспект, 2015. — 847 с.
4. Борзенков, Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья. Гриф УМО МО РФ / Г. Н. Борзенков. — М.: Зерцало, 2014. — 903 с.
5. Тасаков, С. В. Нравственные основы норм уголовного права о преступлениях против личности / С. В. Тасаков. — М.: Юридический центр Пресс, 2016. — 507 с.

Правовые последствия нарушения законодательства о рекламе субъектами предпринимательских отношений

Репетева Олеся Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент;
Малиночка Денис Владимирович, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

Работа выполнена с целью соответствующего анализа правовой сущности рекламы, рассмотрения правовых особенностей. Для достижения указанной цели исследованы понятие и признаки рекламы; проанализированы общие и специальные законодательные требования к рекламе; рассмотрено правовой сущности рекламы; а так же соотношение рекламы; рассмотрена ответственность за нарушение законодательства о рекламе. Научная новизна работы заключается в том, что большое внимание уделяется существующим особенностям правового регулирования рекламы в международном сотрудничестве. Практическая значимость исследования проявляется в том, что сделанные в работе выводы могут быть использованы при решении вопроса о разработке нормативно-правового акта по регулированию и запрета рекламы. Рекламный рынок Российской Федерации молод и несмотря на это, у большинства людей уже сформировался негативный образ рекламы. Это подтверждено статистическими анализами, направленными на изучение данной темы. Российский рынок сегодня стал более разборчивым к рекламе, что приводит к повышению соответствующего уровня в отношении рекламы.

Ключевые слова: право, реклама, нарушение законодательства, закон, последствия, исследования, выводы.

Legal consequences of violations of advertising legislation by business entities

Repeteva Olesja Evgen'evna, candidate of legal sciences, associate professor;
Malinochka Denis Vladimirovich, student master's degree programs
Togliatti State University

The work was performed for the purpose of appropriate analysis of the legal nature of advertising, consideration of legal features. To achieve this goal, the concept and features of advertising are studied; General and special legal requirements for advertising are analyzed; the legal nature of advertising is considered; as well as the ratio of advertising; responsibility for violation of advertising legislation is considered. The scientific novelty of the work is that much attention is paid to the existing features of the legal regulation of advertising in international cooperation. The practical significance of the research is shown in the fact that the conclusions made in this work can be used in deciding on the development of a regulatory act on the regulation and prohibition of advertising. The advertising market of the Russian Federation is young and despite this, most people have already formed a negative image of advertising. This is confirmed by statistical analyses aimed at studying this topic. The Russian market today has become more discriminating to advertising, which leads to an increase in the corresponding level in relation to advertising.

Keywords: law, advertising, violation of the law, the law, the implications of the research findings.

ВВЕДЕНИЕ

Переход к рыночной экономике привел к большим изменениям в организации рекламной деятельности в Российской Федерации. Централизованная рекламная служба министерств и ведомств развивалась — рекламные организации, и предприятия были преобразованы в рекламно-информационные агентства и рекламные фирмы, с преимуществом акционерными формами собственности.

Рыночная экономика внесла значительные коррективы в формы и содержания маркетинговой деятельности. Маркетинговая активность является связующим звеном между гражданином и государством.

Легализация рыночных отношений, введение института частной собственности, существенное расширение товарного предложения и обострения конкурентной борьбы обусловили развитие рекламных услуг. Без рекламы — важнейшего способа продвижения товаров, работы и услуг невозможна эффек-

тивная конкуренция. Поэтому она является неотъемлемой частью конкуретного права.

МЕТОДОЛОГИЯ

Нарушение физическими или юридическими лицами нормативных актов РФ о рекламе влечет соответствующую ответственность с законами РФ.

При этом закон о рекламе состоит из соответствующих статей.

Определенные условия, возникающие в процессе производства, размещения рекламы могут использоваться иными федеральными законами и нормативными правовыми актами

Нарушение и ответственность, является правовой, последствия для нарушителя имеют вид лишения права или возложения обязанности. Для такой ответственности свойственен характер — основанием для причинение вреда, ущерба правовых отношений ии возмещение ущерба.

В результате нарушения прав возможны:

- моральные и нравственные страдания человека, которые связаны с нарушением неимущественных прав и благ. В итоге они подлежат восстановлению нарушенного права, предусмотренным гражданским законодательством, пострадавшему может быть выплачены денежная компенсация;
- физический ущерб организма его расстройство и вред жизни;
- имущественные убытки согласно гражданского кодекса.

Согласно п. 2 статьи 38 Закона РФ в случае, если нарушены права и интересы, гражданин вправе обращаться в суд с иском о возмещении убытков, включая упущенную выгоду, о возмещении вреда, причиненного здоровью физических лиц и (или) имуществу физических или юридических лиц о компенсации морального вреда.

Обращение в суд предполагает соблюдение определенных требований, при обращении в судебную инстанцию необходимо соблюдать федеральные законы и иные требования РФ. В случае нарушений рекламных споров срок исковой давности составляет три года.

Нарушение о рекламе влечет за собой ответственность в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях.

Штрафные санкции предусматриваются законодательством Российской Федерации. Штрафы, предусмотренные за нарушение рекламного законодательства, подлежат уплате.

Суммы штрафов зачисляются в бюджеты РФ:

- в федеральный бюджет составляет — 40%;
- в бюджет субъекта РФ, юридическое лицо или индивидуальный предприниматель составляет 60%.

Уплата штрафа не освобождает от исполнения законодательства и о прекращении нарушения законодательства о рекламе РФ.

Предупреждение или наложение административного штрафа согласно статье 13.11 КоАП нарушение установленного законом порядка хранения и распространение информации составляет штраф:

- на граждан от 300 до 500 рублей;
- на должностных лиц составляет от 500 до 1000 рублей;

- на юридических лиц составляет от 5000 до 10000 рублей.

Доступ к информации, ограниченной федеральным законом, а так же лицом, получившим доступ в связи с исполнением служебных или обязанностей влечет наложение административного штрафа:

- на граждан в размере от 500 до 1000 рублей;
- на должностных лиц — от 4000 до 5000 рублей.

Согласно статье 13.15 КоАП распространение информации, содержащей скрытые вставки, воздействующие на подсознание людей и оказывающие влияние на их здоровье, влечет наложение штрафа:

- на граждан от 2000 до 2500 рублей с конфискацией предмета;
- на должностных лиц — от 4000 до 5000 рублей с конфискацией предмета правонарушения;
- на юридических лиц — от 40000 до 50000 рублей также с конфискацией правового предмета.

Нарушение предусмотренных законодательством о референдумах и выборах и референдумах условий рекламы предпринимательской и иной деятельности кандидатов наложение административного штрафа:

- на граждан в размере от 1000 до 1500 рублей;
- на должностных лиц — от 2000 до 3000 рублей;
- на юридических лиц — от 20000 до 30000 рублей.

Нарушение рекламного законодательства допускает возможность применения иных мер наказания, нежели предусмотренные законом.

В то же время, согласно п. 5 статьи 38 Закона ограничивает возможность установления иных мер ответственности только федеральным нормотворчеством. Подзаконные и другие акты не могут вводить новые основания ответственности. К таким законным мерам могут относиться и уголовные.

Так, например, в случае обнаружения и распространения рекламы признаков преступления разглашение государственной тайны и иные составы, дело может рассматриваться в порядке уголовного судопроизводства. Специальных составов о рекламе действующее уголовное законодательство не предусматривает.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Ответственность за нарушение рекламного законодательства реализуется в соответствии с Федеральным законом «О рекламе», Кодексом об Административных правонарушениях РФ и Гражданским кодексом РФ, при этом ответственность за нарушения несут как физические лица, так и юридические и рекламодатели.

Органом, осуществляющим государственный надзор в сфере рекламы, а также обладающим полномочиями по рассмотрению дел по признакам нарушения законодательства о рекламе, является Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации.

По результатам рассмотрения таких дел ФАС выдает обязательные для исполнения предписания. В случае распространения недостоверной рекламы применяются соответствующие наказания.

ФАС вправе обратиться в суд с требованием о рекламе — опровержении распространенной недостоверной рекламной информации. Часто такое опровержение осуществляется в той же форме и таким же способом, что и первоначальная недостоверная реклама.

В заключение стоит отметить, что во многих странах мира скрытая реклама либо запрещена, либо допускается с большими оговорками, предостерегающими производителей товаров о невозможности манипулирования общественным потребительским сознанием через скрытую рекламу. Это представляется правильным.

Социокультурные потребности человека не должны сводиться к потреблению того или иного товара как хочет навязать нам скрытая реклама. Именно поэтому, законодательные органы должны как можно больше ограничивать эту сферу влияния на сознание людей. Только четко сформулированными законами можно добиться грамотного регулирования этой сферы.

В связи со сказанным, предлагается следующее определение. Реклама — это завуалированное, размещение рекламного материала с целью создания соответствующего образа рекламируемых услуг.

Выводы. Таким образом, реклама является мощным инструментом для стимулирования потребления и спроса. Соответственно, распространены попытки недобросовестных лиц — участников рекламных правоотношений за счет создания, распространения или размещения ненадлежащей рекламы предоставить преимущество на рынке производителю тех или иных товаров, работ или услуг.

ВЫВОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ненадлежащая реклама согласно ФЗ «О рекламе» представляет собой рекламу, не соответствующую требованиям законодательства Российской Федерации. В зависимости от того, какое из основных требований, предъявляемых к рекламе, не соблюдается, ненадлежащую рекламу можно определить как недобросовестную или недостоверную.

Несмотря на то, что в законодательстве этот термин не употребляется, по своей сущности он закреплен в качестве разновидности недобросовестной рекламы в п. 2 ст. 5 ФЗ «О рекламе». Недостоверной считается реклама, которая содержит сведения, не соответствующие действительности. Если реклама содержит

ложные сведения и способна ввести в заблуждение потребителя относительно с рекламируемого объекта либо условий его приобретения и результатом своей деятельности.

Согласно Постановления Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 № 58, достоверной должна быть не только абсолютно вся информация об объекте рекламы.

Рекламодатель по всем правилам, несет ответственность правовую ответственность за достоверность сведений, рекламирование, а также всех сведений, связанных с рекламой.

Недобросовестной рекламой считается реклама, которая содержит:

- некорректные сравнения рекламируемого товара с находящимися в обороте товарами недобросовестных изготовителей;
- порочит достоинство и репутацию других лиц;
- представляет собой неразрешенного товара, реклама которого неразрешена, но осуществляется под видом рекламы другого товара, товарный знак или знак обслуживания которого тождествен или сходен до степени смешения с товарным знаком, в отношении рекламы которого установлены ограничения товара.

Так, например, недобросовестной может быть реклама, которая содержит несоответствующие сравнения рекламируемого товара с товарами недобросовестных производителей.

Перспективы рекомендаций в данном направлении. Методы рекламирования достаточно прозрачны: рекламные объявления, размещаемые в общественном транспорте, реклама в средствах массовой информации, наружная, печатная реклама и другое. В долгосрочной перспективе такой переход представляется оправданным.

Обосновывается нецелесообразность использования в России так называемого стандарта защиты среднего потребителя, преобладающего в практике развитых стран мира, по причине неопытности и доверчивости российского потребителя. Правовое регулирование и рекламная деятельность является объектом комплексных правоотношений. Гражданско-правовые отношения и ее субъекты, органы местного самоуправления вправе регулировать аспекты рекламного законодательства. Комплексная отрасль российского законодательства следует рассматривать как складывающуюся составляющую. Рекламная деятельность осуществляет самостоятельную отрасль знаний в науке, изучающей юриспруденцию.

Литература:

1. Алексеев С. В. Правовое регулирование маркетинговой деятельности: учебное пособие для вузов. / С. В. Алексеев — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. — 45с.
2. Авдеев В. В. Антимонopolное право: нарушение законодательства о рекламе / В. В. Авдеев // Бухгалтерский учет в издательстве и полиграфии. М.: — 2018. № 3. — С. 31.
3. Баранова, М. В. Правовая природа и социальная опасность скрытой рекламы / М. В. Баранова // Философия права. — 2009. — № 2. — С. 3.
4. Балахметова, Д. Реклама в Интернете / Д. Балахметова // Юридическая газета. — 2011. — № 14. — С. 6–7.
5. Викентьев, И. Л. Приемы рекламы. / И. Л. Викентьев. — М., 2017. — 219с.

Значение постановлений Пленума Верховного Суда РФ в правоприменительном толковании уголовного закона

Романова Елизавета Дмитриевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассматриваются значение постановлений Пленума Верховного Суда РФ в правоприменительном толковании уголовного закона. Кроме того, в данной работе рассмотрены различные взгляды ученого сообщества на природу Постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: толкование уголовного закона, Постановление Пленума Верховного Суда РФ, законодательный дисбаланс.

The value of the Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in the law enforcement interpretation of the criminal law

The article discusses the significance of the Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in the enforcement interpretation of the criminal law. In addition, in this work, various views of the scientific community on the nature of the Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation are considered.

Keywords: interpretation of the criminal law, Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, legislative imbalance.

В современной юридической науке правовые акты рассматриваются как важнейшее средство не только формирования, но и осуществления правовой политики. Данная позиция сформировалась по причине того, что именно в юридически значимых актах деятельность государства в сфере правового регулирования находит свое выражение.

В настоящее время серьезной для правоприменителя является абстрактность норм права. Регулярное обновление законодательства и систематический рост принимаемых правовых актов нередко приводят к увеличению степени неопределенности содержания конкретных положений закона, что, в свою очередь, делает проблему толкования права еще более значительной.

Невозможно не согласиться с тем, что уголовное законодательство отличается репрессивностью, в ходе применения которого нарушение прав человека, как совершившего преступление, так и иных лиц, может быть наиболее существенным. Зачастую справедливость наказания, назначаемого за преступление, находится в прямой зависимости от сложившейся судебной практики по той или иной категории дел.

Законодательный процесс является длительной и трудоемкой деятельностью, и даже в том случае, если на разработку отдельного законопроекта ушел не один год, что очевидно свидетельствует о намерении законодателя учесть все возможные особенности отношений, подлежащих правовому регулированию, то далеко не всегда удается достичь этого на практике. При этом нельзя забывать о том, что закон должен быть лаконичен по своему содержанию, а, следовательно, правоприменитель неизбежно вынужден обращаться к иным источникам для разъяснения конкретных определений и терминов, закрепленных законодателем.

Данное явление можно охарактеризовать как законодательный дисбаланс, то есть комплексное, многоаспектное яв-

ление, выражающееся в несогласованности образующих его форму и содержание элементов либо в неравновесии используемых им средств [1, с. 25–27]. Законодательный дисбаланс создает препятствия для правореализации, способствует образованию правовых конфликтов на всех стадиях действия права. Классифицируя дисбаланс можно выделить два его вида:

1. отрицательный дисбаланс, представленный такой формой как пробелы в праве;
2. положительный дисбаланс, выражающийся в избыточном правовом регулировании, представленный в форме коллизий и прямых противоречий.

Устранение законодательного дисбаланса с помощью правотворчества представляется возможным не всегда, но даже в тех случаях, когда это возможно, на это требуется длительное время. По этой причине важную роль в борьбе с негативными последствиями данного явления играют акты толкования высших судебных органов, а именно Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — Пленум ВС РФ). Важно заметить, что посредством принятия своих актов, судебные органы преодолевают законодательный дисбаланс, а не устраняют его, так как данную функцию могут реализовывать только правотворческие органы, судебные же органы не обладают подобными полномочиями и не должны подменять их.

Полномочия Верховного Суда Российской Федерации закреплены в статье 126 Конституции РФ [2], в соответствии с которой Верховный Суд РФ является высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам, образованным в соответствии с федеральным конституционным законом, осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью этих судов и дает разъяснения по вопросам судебной практики.

Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации выполняют не правоприменительную, а правоинтерпретационную функцию. В соответствии с пунктом статьи 2 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» Верховный Суд РФ дает судам разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения в целях обеспечения единообразного применения. Данная норма свидетельствует о том, что Постановления Пленума ВС РФ носят основополагающий характер для деятельности судов, способствуют недопущению судебных ошибок и ориентированы на обеспечение стабильности, определенности и единства судебной практики.

Ввиду немалого количества Постановлений Пленума ВС РФ, есть необходимость в их классификации. Так, по признаку направленности их содержания можно выделить три вида постановлений:

- 1) постановления, способствующие преодолению пробелов в законе;
- 2) постановления, направленные на устранения противоречий между нормами права различных правовых актов;
- 3) постановления, раскрывающие содержание правовых предписаний.

Ввиду того, что общеобязательность Постановлений Пленума ВС РФ не закреплена это порождает споры относительно их правовой природы. Чтобы разобраться в данном вопросе, необходимо рассмотреть две наиболее популярные точки зрения на эту проблему.

Первой популярной позицией является рассмотрение постановлений Пленума ВС РФ как результата правоинтерпретационной деятельности. В настоящее время правоведы разным образом трактуют понятие «правоинтерпретационная деятельность». Наиболее справедливым представляется дефиниция, предложенная Е. М. Тереховым: «правоинтерпретационная деятельность — это работа специально уполномоченных субъектов по раскрытию смысла норм права, реализуемая в определенных рамках (пределах), оканчивающаяся изданием интерпретационных актов и вызывающая юридические последствия» [3, с. 65–71]. Необходимо обратить внимания на часть определения, посвященную тому, что деятельность реализуется в определенных пределах, данное уточнение весьма важно и указывает на невозможность создания новой правовой нормы субъектом толкования, а лишь ведение разъяснительной и уточняющей деятельности по отношению к исходной норме права.

Чтобы наиболее подробно понять указанную точку зрения на природу Постановлений Пленума ВС РФ необходимо разобраться в чем проявляется влияние деятельности Верховного Суда Российской Федерации по интерпретации права на правовую политику Российской Федерации.

Прежде всего, правоинтерпретационный процесс способствует обнаружению пробелов в праве с целью их дальнейшего преодоления, кроме того, он способствует разрешению юридических коллизий.

Во-вторых, акты правовой интерпретации в некоторой степени влияют на определенные процессы в политике государ-

ства. Одной из явных проблем российского государства является коррупция. Пленум ВС РФ, давая разъяснения по делам о взяточничестве и другим коррупционным преступлениям, обращает внимание на необходимость при рассмотрении подобных дел выявлять обстоятельства, которые способствовали совершению данных преступлений и обращать внимание компетентных органов на указанные факты нарушения закона, которые в последующем требуют принятия соответствующих мер для их устранения [4].

Третьим фактором, несомненно, оказывающим влияние на правовую политику государства, является такая цель интерпретационной деятельности как стремление к верному и единообразному применению законодательства. Вышеуказанная цель способствует качественной и наиболее полной защите прав и свобод человека и гражданина, а также формированию высокого уровня правовой культуры общества.

Данный фактор находит свое подтверждение в множестве примеров толкования оценочных категорий, которые закреплены законодателем в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ). Редко в нормах УК РФ можно встретить не только декларацию конкретных терминов, но и присвоенные им дефиниции. Так, преобладающее количество оценочных понятий, таких как «незаконная охота» [6], «насилие, опасное для жизни» и многие другие термины «раскрывают» свое содержание непосредственно в Постановлениях Пленума ВС РФ.

Несправедливо было бы не отметить не только вышеуказанные положительные аспекты деятельности Верховного Суда Российской Федерации, но и негативные моменты, связанные с его интерпретационной деятельностью. Одной из проблем является то обстоятельство, что деятельность Верховного Суда Российской Федерации по интерпретации правовых норм берет свое начало уже после вступления в силу закона и начала его применения. Таким образом, до того момента, пока Пленум ВС РФ выпустит очередное Постановление, правоприменители уже успевают допустить ошибки при вынесении ими решений. Думается, что данного негативного явления можно было бы избежать посредством введения предварительного толкования судебным органом вступившего в силу закона.

Как уже было сказано выше, не все научное сообщество придерживается данной позиции относительно правовой природы Постановлений Пленума ВС РФ. В соответствии с другой точкой зрения Постановления Пленума ВС РФ рассматриваются как источники уголовного права ввиду того, что создают новые правовые нормы и неоднократно используются в судебной практике.

Действующий и в настоящее время Закон РСФСР от 08.07.1981 г. «О судостроительстве РСФСР», в той части, в которой он не противоречит Конституции РФ, ранее в статье 56 закреплял обязательность для судов, других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение, а также руководящий характер разъяснений Пленума Верховного Суда РСФСР. Но, как уже было сказано ранее на сегодняшний день ни Конституция РФ, ни Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» не закрепляют обязательность разъяснений постановлений Пленума ВС РФ для правопримени-

телей. Кроме того, закрепление обязательности указанных постановлений нарушали бы принцип независимости судей и их подчинения только Конституции РФ. Но, с данной позицией можно поспорить, ведь указанный принцип был провозглашен и закреплен ранее в статье 167 Конституции РСФСР 1978 года, и данное обстоятельство не создавало противоречий между ним и нормами об обязательности постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР, отраженными в статье 56 Закона РСФСР от 08.07.1981 г. «О судостроительстве РСФСР».

Кроме вышеизложенного, доводом в пользу сложившейся позиции служит присутствие в Постановлениях Пленума ВС РФ расширительного и ограничительного толкования норм уголовного права. Существующие Постановления Пленума ВС РФ включают в себя огромное количество примеров создания новых уголовно-правовых норм, разъясняющих уголовный закон. Такая необходимость является следствием возникновения неопределенности содержания правовых норм, закрепленных в законе. Так, в качестве примера для иллюстрирования данного довода можно обратиться к Постановлению Пленума ВС РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», в котором закреплено понятие структурированной организованной группы, в свою очередь отсутствующее в УК РФ. Данное положение, содержащееся в определении, несомненно, относится к ключевым особенностям соответствующих понятий, которые являются содержанием правовой нормы. М. Б. Кострова высказалась по этому поводу и указала на то, что дефинитивные нормы несут в себе новые признаки в правовую норму и ввиду этого необходимо рассматривать их в качестве новых норм права [5, с. 15–17].

Следующим аргументом в пользу вышеизложенной позиции наличие в постановлениях Пленума ВС РФ положений, которые не содержатся в тексте УК РФ, а иногда и противоречат ему. В некоторых случаях постановления Пленума ВС РФ дополняют правовую норму или даже определяют ее содержание, что свидетельствуют о признаках правотворческой деятельности. В качестве примера данных явлений можно привести Постановление Пленума ВС РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», в котором закреплено, что, как сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом следует квалифицировать убийство в процессе совершения указанных преступлений. Данное преступление квалифицируется пункту «з» части 2 статьи 105 УК РФ в совокупности со статьями УК РФ, которыми предусмотрены санкции за вымогательство, бандитизм и разбой. Указанное положение, в свою очередь, противоречит части 1 статьи 17 УК РФ, в соответствии с которой совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением слу-

чаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. В указанном случае совершение как минимум двух преступлений, например, убийства и разбоя, предусмотрено как отягчающее обстоятельство, которое влечет наиболее строгое наказание, чем если бы было совершено только убийство — вплоть до пожизненного лишения свободы.

Заключительным аргументом, хоть и косвенно, но подтверждающим, вышеизложенное мнение относительно Постановлений Пленума ВС РФ, является особенности их юридической техники. Нельзя не обратить внимание на то, как сформулированы указанные разъяснения. В преимущественном количестве Постановлений Пленум ВС РФ прибегает к императивной, а не рекомендательной форме изложения, в таких выражениях как: «надлежит квалифицировать...», «содержание следует рассматривать...», «обратить внимание судов на...» и другие, полагая их обязательными для нижестоящих судов.

Дискуссия о природе Постановлений Пленума ВС РФ имеет длительную историю и не ограничена только рамками уголовного права, а имеет важное общетеоретическое правовое значение. Думается, что вопрос о возможности признания указанных Постановлений источниками уголовного права может быть решен лишь в том случае, если их обязательность и содержание в них правовых предписаний уголовно-правового характера будут закреплены конституционно.

Таким образом, подводя вывод по поводу роли Постановлений Пленума ВС РФ в правоприменительном толковании уголовного закона, необходимо отметить, что указанные Постановления можно относить к оперативному, но временному способу борьбы с различными формами выражения законодательного дисбаланса, который в свою очередь направлен на его преодоление в конкретных сферах правового регулирования общественных отношений, актуализация которых порождает пробелы в правоприменении. Для того, чтобы избежать сложностей в толковании уголовного закона, законодателью необходимо закреплять дефиниции тех или иных уголовно-правовых терминов непосредственно в нормативных правовых актах. Но, при этом любой закон неизбежно будет увеличиваться в объеме, что будет вызывать трудности в практике его применения. Поэтому, одним из возможных вариантов решения обозначенной проблемы является разработка нормативного правового акта, который будет включать в себя все юридические дефиниции, и подобно словарю будет содержать в себе разъяснение всех возможных уголовно-правовых терминов. Разработка подобного акта позволила бы избежать «отягощения» законодательных актов обилием дефиниций, а также сложностей толкования, возникающих у правоприменителей.

Литература:

1. Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. В 10 ч. Ярославль 1998. Ч. 4 Интерпретационная юридическая практика. С. 23; Кивленок Т. В. Интерпретационные акты и правореализационные элементы в нормативно-правовых актах: Автореф. дисс. канд. юрид. Наук — М. 2004.

2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ)// СПС КонсультантПлюс (дата обращения 02.02.2020).
3. Терехов Е. М. Взаимное влияние правоинтерпретационной и правоприменительной деятельности в условиях развития правовой культуры современного общества. Правовая культура, 2017, № 2 (29), с. 65–71. Россия.
4. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 г. № 24 // Российская газета. 2013. 17 июля.
5. Кострова М. Б. Дефинирование понятий и терминов, используемых, используемых в УК РФ // Журнал российского права. 2003. № 12.
6. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 07.04.2020)// СПС Консультант Плюс (дата обращения 02.02.2020).

Толкование уголовного закона на примере статьи 197 Уголовного кодекса Российской Федерации

Романова Елизавета Дмитриевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассматриваются оценочные понятия статьи 197 УК РФ: «заведомо ложное публичное объявление», «крупный ущерб», проблемы их определения, а также значимость существования. Кроме того, в данной работе рассмотрена проблема взаимодействия органов дознания и предварительного следствия с арбитражными судами, в связи с выявлением признаков состава преступления, предусмотренных в статье 197 УК РФ.

Ключевые слова: толкование уголовного закона, заведомо ложное публичное объявление, крупный ущерб, виды толкования уголовного закона.

Interpretation of the criminal law on the example of Article 197 of the Criminal Code of the Russian Federation

The article considers the evaluation concepts of article 197 of the Criminal Code of the Russian Federation «knowingly false public announcement», major damage, «problems of their definition, as well as the significance of existence. In addition, this work deals with the problem of interaction between the bodies of inquiry and preliminary investigation and the arbitration courts, in connection with the identification of the elements of the offence provided for in article 197 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: interpretation of criminal law, knowingly false public announcement, major damage, types of interpretation of criminal law.

На сегодняшний день с реализацией норм уголовного закона связан ряд трудностей. В качестве причин данного явления можно выделить правовые пробелы, коллизии и недостатки юридические техники, осложняющие понимание содержания той или иной уголовно-правовой нормы. Ввиду этого, субъекты, применяющие уголовный закон, вынуждены оперативно находить способы правильного применения уголовно-правовой нормы. Одним из таких способов является толкование уголовного закона.

Толкование уголовного закона является важным элементом юридической техники. Ввиду отсутствия у правоприменителей полномочий по устранению законодательных коллизий путем внесения изменений в уголовный закон, необходимы иные способы решения существующей проблемы в целях регулирования единообразия практики в правоприменении [1, с. 19–26].

Под толкованием уголовного закона понимается деятельность различных субъектов, которая направлена на уяснение и разъяснение сути и содержания уголовно-правовых норм [2,

с. 89]. Следует отметить, что в современной науке уголовного права произошло значительное расширение объема рассматриваемой дефиниции, прежде всего это связано с включением в него новых субъектов. Кроме государственных органов, субъектами толкования могут быть общественные организации, учёные, граждане и т.д.

Существует система классификаций видов толкований, в данной работе следует обратить внимание на такое классифицирующее основание как субъекты толкования, разъясняющие уголовный закон. По субъекту толкование подразделяется на аутентичное (авторское) толкование — разъяснение уголовно-правовой нормы государственным органом, которым введена в законодательство; легальное толкование осуществляется органом, на которого возложена такая обязанность законом; судебное толкование — уголовно-правовая норма разъяснена, либо в судебных решениях, либо в Постановлениях Пленума Верховного суда Российской Федерации.

В рамках рассматриваемой проблемы представляется возможным обратить внимание на статью 197 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). В указанной статье объективная сторона преступления выражена в заведомо ложном публичном объявлении руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно индивидуальным предпринимателем о своей несостоятельности. Наступление последствий в виде крупного ущерба можно рассматривать как момент окончания преступления.

Необходимо отметить, что законодатель не раскрыл в диспозиции рассматриваемой нормы права, что конкретно нужно понимать под ложным публичным объявлением. Если руководствоваться логикой, то, как правило, публичный характер отдельно взятого объявления заключается в обращении его к неопределенному и достаточно широкому кругу лиц, например, с помощью средств массовой информации.

Таким образом, можно говорить о том, что правовые нормы УК РФ, закрепляющие ответственность за преступления в области банкротства — бланкетные, что подразумевает включение в них основных дефиниций и правовых конструкций, предусмотренных законодателем, но вызывает необходимость обращаться за раскрытием содержания данных терминов к гражданскому праву и законодательству о несостоятельности (банкротстве).

Необходимо отметить, что изучая данный вопрос А. В. Наумов верно заметил, что «нормы иных отраслей права включаются в диспозицию статей уголовного закона, и состав соответствующего преступления конструируется в этих случаях путем включения указанных норм в ткань уголовного закона. В связи с этим неуголовно-правовые нормы превращаются в «клеточку» уголовно-правовой материи [3, с. 37].

Кроме уже отмеченной оценочной категории как «заведомо ложное публичное объявление» в статье 197 УК РФ необходимо обратить внимание также на такое оценочное понятие как «крупный ущерб».

Существование оценочных категорий необходимо в целях «социализации» уголовного закона, отражения объективной действительности в уголовно-правовой норме. Уголовный закон регулирует общественные отношения, возникающие при совершении общественно опасных деяний. Оценочная категория отражает явление, которое в рамках уголовно-правовой системы не требует разъяснения исходя из правил обычного оборота языковых конструкций, однако при правоприменительной деятельности возникает необходимость в уяснении какого-либо понятия, в связи с различным правосознанием правоприменителей. Кроме того, в уголовно-правовой доктрине относительно выражения значимости существования оценочных категорий применена «теорема Гёделя» [4, с. 27–28], согласно которой какое-либо социальное явление обладает такими признаками, истинность и ложность которых невозможно доказать в рамках знаний одной уголовно-правовой системы, необходимо выйти за рамки отрасли права.

Возвращаясь к уже вышеназванной оценочной категории «заведомо ложное публичное объявление», нужно обратить внимание на то, что законодатель не только не предусмотрел

в уголовном законе его дефиницию, но и после внедрения данного оценочного понятия в 1996 году законодателем и правоприменителями не предпринимались попытки толкование данного понятия. В нормативно-правовой базе существуют методические рекомендации [5], которыми предусмотрено разъяснение данного понятия, а именно под «заведомо ложным публичным объявлением» понимается совершенное в публичном месте (например, в средствах массовой информации, в арбитражном суде) сообщение (устное, письменное) о своем банкротстве, которое не соответствует действительности, так как лицо на самом деле является платежеспособным и обладает возможностью в полном объеме удовлетворить требования кредиторов. Сформулированное определение не может являться толкованием, поскольку разъяснение дано Федеральной службой судебных приставов России, не являющимся государственным органом, которого законодатель уполномочил на разъяснительную деятельность уголовного закона. Кроме того, методические рекомендации официально не опубликованы, то есть принять во внимание такой акт толкования правоприменителями, не представляется возможным.

В судебной практике, а именно в приговоре Менделевского районного суда Республики Татарстан от 19.02.2018 [7], судом произведена попытка толкования данного оценочного понятия, однако как таковой дефиниции не сформулировано, понятие раскрыто судом исходя из обстоятельств дела, а именно как умышленная подача генеральным директором общества заявления о признании юридического лица несостоятельным (банкротом) в Арбитражный суд Республики Татарстан (то есть заведомо публичное объявление), однако ввиду того, что активы общества позволяют удовлетворить требования кредиторов в полном объеме данное объявление являлось ложным. Генеральным директором общества передавалось имущество путем совершения безвозмездных сделок с другими компаниями, что и привело общество до банкротства.

В настоящее время существует необходимость дать официальное толкование такому оценочному понятию, как «заведомо ложное публичное объявление» и закрепить изменения в статье 197 УК РФ путем добавления примечания в следующем виде:

«Примечание. Под заведомо ложным публичным объявлением понимается умышленное совершенное в гласном месте (например, в арбитражном суде) сообщение о своей несостоятельности (банкротстве), которое не соответствует действительности. У должника присутствуют признаки платежеспособности и возможности удовлетворить требования кредиторов».

Что касается другой оценочной категории «крупный ущерб» законодателем также не предусмотрено определение в статье 197 УК РФ, ни в форме примечания, ни в форме разъяснения в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации. Казалось бы, данное оценочное понятие нуждается в разъяснении, однако толкование законодателем уже дано в статье 170.2 УК РФ следующим образом: «...крупным размером, крупным ущербом, доходом либо задолженностью в крупном размере признаются стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным — девять миллионов рублей».

Помимо вышеназванных трудностей, возникающих в связи отсутствием закрепленных дефиниций, существуют и другие сложности, возникающие в практике применения статьи 197 УК РФ.

Говоря о деянии, предусмотренном статьей 197 УК РФ необходимо выделить то, что данное деяние выражено в форме действия, а именно проявляется в ложном публичном объявлении о несостоятельности, а кроме того, в последовательном причинении крупного ущерба. Ввиду этого, можно говорить о том, что исключение из этой цепочки одного элемента будет свидетельствовать об отсутствии причинной связи. Таким образом, должник имеет возможность предоставить суду документы, которые будут подтверждать факт того, что требования кредиторов в полном объеме удовлетворить невозможно. Нужно отметить, что сама подача подобного заявления в суд не может рассматриваться как общественно опасное деяние, которое бы отражало объективную сторону ст. 197 УК РФ. Нельзя отходить от заложенной законодателем мысли о том, какие именно преступные действия криминализированы данной статьей. Невверное толкование указанной правовой нормы часто провоцирует появление проблем в правоприменительном процессе, ввиду того, что криминализировано было лишь ложное публичное объявление должника себя несостоятельным. Но представляется ли возможным говорить, что сама подача заявления должника в суд может составлять сторону преступления, предусмотренного статьей 197 УК РФ.

Если обратиться к законодательным актам, закрепляющим ответственность за фиктивное банкротство, то невозможно сформулировать мнение о том, что публичное объявление рассматривается только в официальных источниках. Руководствуясь вышеизложенным, можно говорить о том, что данное объявление может быть совершено и в таких источниках как средства массовой информации. Разумеется, необходимо помнить, что только арбитражный суд способен признать должника несостоятельным. Но, признание должника банкротом и объявление должника о своей несостоятельности не тождественные процессы.

Совершение преступного деяния неразрывно связывают с подачей заявления в суд, ввиду того, что ущерб может быть оценен значительно позже, то на стадии подачи заявления деяние необходимо квалифицировать как покушение на фиктивное банкротство. Такой подход не представляется возможным считать верным. Можно понимать указанный состав преступления как формальный, в связи с тем, что один из квалифицирующих признаков ст. 197 УК РФ — это заведомость, следовательно уже на стадии подачи заявления в арбитражный суд (или любого другого публичного объявления себя банкротом) лицо знало, сознательно допускало общественно опасных последствий

Если обратиться к цели рассматриваемого преступного посягательства, то можно выявить характер действий субъекта. Первая редакция ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» предусматривала возможность должника признать себя несостоятельным, не прибегая к судебному порядку. Именно по этой причине в УК РФ была закреплена норма права, предусматривающая ответственность за фиктивное банкротство, чтобы

должники не использовали положения закона в целях реализации своего преступного умысла. Но, более ранняя редакция статьи 197 УК РФ прямо закрепляла цель, а именно введение в заблуждение кредиторов для получения отсрочки платежей, иных льгот с долгов, а также неуплата долгов (заведомо ложное объявление о несостоятельности, например, для прощения долга). Такая цель достаточным образом отражает характер преступного деяния и позволяет разграничить его со схожим с ним преднамеренным банкротством, где целью является создание реальных признаков банкротства. В существующей на сегодняшний день редакции статьи 197 УК РФ не предусмотрено указание на цель, что позволяет говорить о том, что исчезает такой ключевой признак преступления как общественная опасность.

Также необходимо обратиться к такой актуальной проблеме как взаимодействие органов дознания и предварительного следствия с арбитражными судами, в связи с выявлением признаков состава преступления, предусмотренных в статье 197 УК РФ.

12 ноября 2019 года в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее по тексту — АПК РФ) статью 188.1 [8] законодатель дополнил частью 4, согласно которой при выявлении судом признаков преступления, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, копия частного определения о выявленном составе преступления направляется в орган дознания или предварительного следствия.

Согласно пояснительной записке к проекту федерального закона от 12.11.2019 № 374-ФЗ «Статьей 2 АПК РФ определены задачи судопроизводства в арбитражных судах, к числу которых, в частности, отнесены укрепление законности, предупреждение правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, формирование уважительного отношения к закону и суду. Вместе с тем отсутствие в АПК РФ нормы, регламентирующей действия арбитражных судов в случае обнаружения ими признаков преступлений в действиях лиц, участвующих в судебном разбирательстве, делает невозможным выполнение указанных задач арбитражного судопроизводства в полном объеме» [9].

Таким образом, сущность внесения дополнения в АПК РФ обусловлена задачами судопроизводства. Однако законодатель не предусмотрел категории арбитражных дел, на которых следует особенно обратить внимание при выявлении признаков состава преступления, к примеру, составы преднамеренного и фиктивного банкротства, которые требуют пристального наблюдения со стороны правоприменителя.

Законодатель также не учел способы контроля над соблюдением части 4 статьи 188.1 АПК РФ, каким образом органы дознания и предварительного следствия или иные государственные органы смогут выявить не добросовестный подход к реализации данной нормы.

В решении сложившихся проблем судам следует опираться на свое правосознание, а также на разъяснение Постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации, кроме того, законодателю следует уточнить категории дел, относительно которых следует давать дополнительное заключение о выяв-

лении признаков составов преступлений в форме частных определений, также необходимо разработать эффективную систему взаимодействия арбитражных судов и органов дознания, предварительного следствия.

В заключении необходимо отметить важность выявленных проблем, толкование оценочных категорий «заведомо ложное публичное объявление», «крупный ущерб» необходимо для более правильного, единообразного применения законодательства, для формирования точного судебного языка в вынесении и написании обвинительных или оправдательных при-

говоров и иных судебных актов. Представляется возможным говорить о том, что в настоящий момент статья 197 УК РФ является малоэффективной и «нерабочей», реальное действие рассматриваемой правовой нормы возможно лишь при ее совершенствовании в соответствии с требованиями федерального законодательства, а также четкого определения, закрепленных в ней понятий. Кроме того, в целях достижения эффективных задач судопроизводства необходимо решить проблему взаимодействия органов дознания и предварительного следствия с арбитражными судами.

Литература:

1. Карелина С. А. К вопросу о роли судебной практики в системе источников правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства) // Право и экономика, 2017, № 11, с. 19–26.
2. Бриллиантов А. В. Уголовное право России: части Общая и Особенная: учебник. М.: «Проспект», 2016. С. 89.
3. Наумов А. В. Российское уголовное право: Общая часть. Курс лекций. 2-е изд. М., 1999.
4. Антонян А. Г. Оценочные категории в уголовно-исполнительном праве. Автореф. дис. канд. юрид. Наук. Томск, 2016.
5. «Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства» (утв. ФССП России 15.04.2013 № 04–4) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 02.02.2020).
6. Приговор № 1–1/2017 1–1/2018 1–18/2016 от 19 февраля 2018 г. по делу № 1–1/2017 Менделевского районного суда Республики Татарстан // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 02.02.2020).
7. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменения в статью 188.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» от 08.11.2018 № 5452–1/18–23–0–1 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/589321–7> (дата обращения: 02.02.2020).
8. Федеральный закон «О внесении изменения в статью 188.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» от 12.11.2019 № 374-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, (дата обращения: 02.02.2020).

Анализ изменений требований к составу и содержанию документации по планировке территории с целью размещения линейного объекта

Толкачева Анна Юрьевна, студент магистратуры;
Стефанишина Елизавета Сергеевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

В статье рассмотрены актуальные требования к составу документации по планировке территории с целью размещения линейного объекта. Проанализирована необходимость внесения изменений в действующий нормативно-правовой акт. Произведена критическая оценка каждого из изменений. Представлен анализ внесённых изменений с точки зрения их соответствия требованиям Градостроительного и Земельного кодексов Российской Федерации.

Ключевые слова: документация по планировке территории, проект межевания территории, линейный объект, требования законодательства состав, содержание.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.08.2020 № 1285 (далее — ПП № 1285) «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 12 мая 2017 г. № 564 (далее — ПП № 564) и признании утратившим силу абзаца шестого подпункта «г» пункта 2 изменений, которые вносятся в постановление Правительства Российской Федерации от 12 мая 2017 г. № 564, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 25 апреля 2020 г.

№ 586» внесены изменения к составу и содержанию документации по планировке территории, которые существенно повлияют на процедуру разработки проекта планировки и межевания территории.

В таблице 1 произведен анализ внесённых изменений к составу и содержанию проекта планировки территории с точки зрения их необходимости и соответствию требованиям Градостроительного кодекса (далее — ГК РФ).

Таблица 1. Анализ внесенных изменений относительно состава и содержания проекта планировки территории

Наименование части проекта планировки территории		Требования ПП № 564 до вступления в силу ПП № 1285 [3]	Требования ПП № 564 после вступления в силу ПП № 1285 [4]
Основная часть проекта планировки территории, подлежащая утверждению	Графическая часть	Чертеж красных линий	
		номера характерных точек красных линий	номера характерных точек устанавливаемых красных линий
		Чертеж границ зон планируемого размещения линейных объектов/ линейных объектов, подлежащих реконструкции	
		границы зон с особыми условиями использования территорий, подлежащие установлению в связи с размещением линейных объектов / линейных объектов, подлежащих реконструкции	исключены
	Текстовая часть	Раздел не подлежит изменению	
Материалы по обоснованию проекта планировки территории	Графическая часть	Схема границ зон с особыми условиями использования территорий, особо охраняемых природных территорий, лесничеств подпункт «г» пункта 24	
		границы зон с особыми условиями использования территорий, виды которых предусмотрены статьей 105 Земельного кодекса Российской Федерации	границы зон с особыми условиями использования территорий: установленные в соответствии с законодательством Российской Федерации; подлежащие установлению, изменению в связи с размещением линейных объектов / линейных объектов, подлежащих реконструкции
	Текстовая часть	Раздел не подлежит изменению	

Согласно представленной таблице сведения о границах зон с особыми условиями использования территории были исключены из основной части проекта межевания территории. Данное требование обусловлено тем, что основная часть подлежит утверждению и тем самым отображение на данной схеме охранных зон, санитарно-защитных зон, зон ограничения застройки, минимально допустимых расстояний линейных объектов приводит к утверждению данных зон с особыми условиями использования, что противоречит требованиям действующему законодательству.

В отношении отображения красных линий ключевым изменением является уточнение статуса красных линий — устанавливаемые настоящим проектом планировки территории. Ранее органы, уполномоченные на утверждение документации по планировке территории, выставляли разнообразные требования к данному положению: отображение существующих красных линий, либо же устанавливаемых. Также необходимо отметить, что в связи с изменением в ГК РФ определения понятия красных линий, их установление проектом планировки территории возможно только в отношении линейного объекта, границы которого обозначают границы территорий общего пользования [1, с. 3].

До вступления в силу положений ПП № 1285 требования к проекту межевания территории регламентировались только ГК РФ. В таблице 2 проанализированы изменения к составу и содержанию проекта межевания территории.

Проанализировав изменения в отношении проекта межевания, можно прийти к выводу, что требования ПП № 1258 до-

полнили положения ГК РФ. Необходимо отметить, что внесение изменений в отношении границ земельных участков, которые должны образовываться с учетом утвержденной схемы расположения земельного участка на кадастровом плане территории, позволит исключить невозможность постановки земельных участков на государственный кадастровый учет на основании утвержденной документации по планировке территории. Ввиду того, что срок действия решения об утверждении схемы расположения земельного участка составляет два года [2, с. 15], возникал риск появления в границах планируемого линейного объекта вновь образованных земельных участков, так как ранее проектом межевания не было возможности учесть данные схемы.

Важным положением является то, что в текстовой части проекта межевания (основной и материалов по обоснованию) содержится подробная информация о земельных участках, на которых линейный объект может быть размещен на условиях сервитута, публичного сервитута. Данный факт не позволяет считать проект межевания территории документом, на основании которого возможно установление сервитута, но позволяет отобразить необходимую информацию, предусмотренную действующим законодательством.

Таким образом, внесенные требования к проекту планировки территории исключили необоснованность отображения зон с особыми условиями использования территории, устанавливаемые в связи с размещением линейного объекта в утверждаемой части документации, а также уточнили статус отображаемых красных линий.

Таблица 2. Анализ внесенных изменений относительно состава и содержания проекта межевания территории

Наименование части проекта межевания территории		Требования ГК РФ [1]	Требования ПП № 564 после вступления в силу ПП № 1285 [4]
Основная часть проекта межевания территории, подлежащая утверждению	Графическая часть	На чертежах межевания территории отображаются:	
		границы образуемых и (или) изменяемых земельных участков, условные номера образуемых земельных участков, в том числе в отношении которых предполагаются их резервирование и (или) изъятие для государственных или муниципальных нужд; границы публичных сервитутов	границы образуемых и (или) изменяемых земельных участков, условные номера образуемых земельных участков, в отношении которых предполагаются их резервирование и (или) изъятие для государственных или муниципальных нужд; границы земельных участков, образование которых предусмотрено схемой расположения земельного участка или земельных участков на кадастровом плане территории, срок действия которой не истек
	Текстовая часть	Текстовая часть проекта межевания территории содержит	
		перечень и сведения о площади образуемых земельных участков, в том числе возможные способы их образования	перечень образуемых земельных участков, подготовляемый в форме таблицы, содержащий следующие сведения: условные номера образуемых земельных участков; номера характерных точек образуемых земельных участков; кадастровые номера земельных участков; площадь образуемых земельных участков; способы образования земельных участков; перечень кадастровых номеров существующих земельных участков, на которых линейный объект может быть размещен на условиях сервитута, публичного сервитута, их адреса или описание местоположения; сведения об отнесении образуемого земельного участка к определенной категории земель; перечень координат характерных точек образуемых земельных участков
Материалы по обоснованию проекта межевания территории	Графическая часть	Чертеж материалов по обоснованию проекта межевания содержит	
		границы территорий объектов культурного наследия	границы субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, населенных пунктов; границы публичных сервитутов, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации / подлежащих установлению; границы территорий объектов культурного наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия
	Текстовая часть	Пояснительная записка	
		Раздел отсутствовал	обоснование определения местоположения границ образуемого земельного участка / способа образования земельного участка / размеров образуемого земельного участка / границ публичного сервитута, подлежащего установлению

Анализ представленных данных в отношении проекта межевания показал, что внесенные изменения исключают двойственность требований согласующих и утверждающих документацию по планировке территории органов, а также исключают невозможность учета проектом межевания территории земельных участков, постановка на государственный

кадастровый учет должны быть осуществлена на основании схемы расположения на кадастровом плане территории.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод, что данные изменения необходимы в силу того, что они дополняют и конкретизируют действующие нормативно-правовые акты в сфере градостроительного и землеустроительной деятельности.

Литература:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 2020 г. — Москва: Эксмо, 2020. — 288 с.;
2. Земельный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 2020 г. — Москва: Эксмо, 2020. — 192 с.;
3. Постановление Правительства РФ от 12.05.2017 № 564 «Об утверждении Положения о составе и содержании проектов планировки территории, предусматривающих размещение одного или нескольких линейных объектов» // Российская газета. — 2017. — 20 мая. — 10 с.;
4. Постановление Правительства РФ от 26.08.2020 № 1285 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 12 мая 2017 г. № 564 (далее ПП № 564) и признании утратившим силу абзаца шестого подпункта «г» пункта 2 изменений, которые вносятся в постановление Правительства Российской Федерации от 12 мая 2017 г. № 564, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 25 апреля 2020 г. № 586» // Российская газета. — 2020. — 30 августа. — 6 с.

Адвокатская тайна: понятие, правовой режим и значение

Шаврина Галина Владимировна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

В статье автор рассматривает понятие адвокатской тайны, раскрывает особенности ее правового режима. В статье анализируется признак конфиденциальности адвокатской тайны и раскрывается значение понятия адвокатская тайна.

Ключевые слова: конфиденциальность, адвокатская тайна, ответственность адвоката, адвокатская деятельность.

Появление института адвокатской тайны относится к временам Римской Империи, когда римские юристы утверждали, что адвокаты не должны выступать в качестве свидетелей в тех делах, где они являются защитниками. В дальнейшем происходило поэтапное развитие института адвокатской тайны.

На законодательном уровне закрепление института адвокатской тайны относится к периоду XIX века. Во всех нормах того времени запрет раскрытия тайны носил абсолютный характер, но по этому поводу возникали споры. Так, И. Фойницкий отмечал, что закон поступает интересами правосудия и ставит выше их этические интересы профессиональной тайны [6], тем самым, он выступал в защиту института адвокатской тайны.

Гарантия конфиденциальности между адвокатом и доверителем присутствует и в современном мире. Часть 1 статьи 48 Конституции РФ гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе и бесплатно, в установленных законодательством РФ случаях. Субъектом оказания квалифицированной юридической помощи при этом является адвокат, и именно на адвокатуру государство возложило обязанность по оказанию юридической помощи бесплатно в установленных законом случаях. Кроме того, в ч. 2 ст. 48 Конституции РФ определено, что каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения.

Закрепленное Конституцией РФ право на получение квалифицированной юридической помощи наиболее полно рас-

крывается в нормах федерального законодательства. В России действует Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон об адвокатуре), в статье 8 которого дается понятие и содержание адвокатской тайны, а именно «адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю». Представляется, что формулировка закона таким образом имеет своей целью установить иммунитет адвоката от процессуальных и оперативно-розыскных действий, способных привести к нарушению адвокатской тайны, фактически же данная норма закона не исчерпывает сути такого явления, как адвокатская тайна.

В научной литературе понятие адвокатской тайны предлагается расширить. В частности, М. Барщевский считает, что адвокатской тайной являются, помимо изложенного в законе, «факт обращения к адвокату за помощью; сведения, полученные адвокатом от клиента; суть консультаций, советов и разъяснений, полученных от адвоката» [4, С. 319]. Кроме того, он полагает, что «предметом адвокатской тайны являются условия договора между клиентом и адвокатом; сведения, собранные самим адвокатом в процессе выполнения поручения (а не только полученные от доверителя)». [4, С. 319]

Адвокатская тайна относится к информации со специальным правовым режимом. Это доверительная информация, носящая личный характер, требующая особой защиты и сохранности. Одним из необходимых элементов права на получение юридической помощи является гарантия конфиденциальности отношений между адвокатом и доверителем.

Построение доверительных отношений между адвокатом и его подопечным невозможно без обеспечения сохранения конфиденциальности. В то же время, доверитель вынужден сообщить об обстоятельствах своей личной жизни постороннему человеку, ведь без полной осведомленности защитника об обстоятельствах дела невозможно обеспечить правовую помощь в полном объеме. Принцип конфиденциальности является фундаментальным в деятельности адвоката. По мнению Ю. С. Пилипенко, адвокатская тайна представляет собой специфический признак и отличительную черту адвокатской деятельности. «Это то, без чего адвокатская деятельность трансформируется в сугубо консультационную, тот существенный признак, без которого и само явление теряет свою суть, свою содержательную сторону». [5] За усиление гарантий адвокатской тайны выступают как ученые, так и практикующие юристы, в частности данная ситуация безусловно связана с многочисленными случаями нарушения адвокатской тайны, не только со стороны правоохранительных органов, но и со стороны самих адвокатов. В литературе отмечается отсутствие необходимого правового регулирования данного вопроса. Предлагается ужесточить дисциплинарную и гражданскую ответственность, поскольку распространение сведений конфиденциального характера лицом, который принес присягу, не совместимо со статусом адвоката. В связи с чем высказываются предложения сделать единственным видом дисциплинарной ответственности за умышленное разглашение адвокатской тайны прекращение статуса адвоката. По мнению ученых, данная мера должна быть документально зафиксирована в кодексе профессиональной этики адвоката и в Законе об адвокатуре. Исследователями поднимается вопрос установления уголовной ответственности адвоката за разглашение сведений, составляющих адвокатскую тайну. Однако необходимо отметить, что говорить об уголовной ответственности в настоящее время не целесообразно, поскольку еще не обоснован существенный вред, степень общественной опасности данного правонарушения. Кроме того, это противоречит теории уголовного права, в соответствии с которой уголовным деянием может быть признано только деяние, которое обладает признаками общественной опасности.

Также возникает вопрос, что именно составляет конфиденциальность адвокатской тайны. Предполагается, что это: конфиденциальность переговоров, хранения информации и запрет передавать информацию третьим лицам, а также запрет истребовать информацию третьими лицами. В нормах законодательства конфиденциальность рассматривается в рамках обеспечения сохранности информации при организации встреч адвоката с подзащитным, однако исследователями указывается, что конфиденциальность следует рассматривать и с точки зрения хранения информации, которое также должно обеспечить ее сохранность.

В научной среде рассматривается вопрос наличия пределов конфиденциальности информации, в частности, возможность назначать оперативно-розыскные мероприятия в отношении адвоката и его подзащитного, в том числе и во время их конфиденциальных свиданий. С одной стороны, это возможно при наличии соответствующих, зафиксированных в нормах законо-

дательства оснований и при строгом соблюдении определенных условий, а также с соблюдением ряда процессуальных ограничений, касающихся, в частности, использования полученной информации. Однако проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении адвоката может быть допущено только на основании судебного решения. В литературе отмечается, что такое решение не будет соответствовать ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, которая закрепляет право каждого на квалифицированную юридическую помощь (при этом эта помощь должна быть осуществлена с соответствующими гарантиями). Кроме того, будет нарушен гарантированный Законом об адвокатуре запрет на вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством, либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом (п. 1 ст. 18 Закона). По мнению автора, нарушение принципа конфиденциальности будет противоречить конституционному принципу правового государства, в связи с чем, считаю необходимым развивать правило о конфиденциальности отношений между адвокатом и доверителем.

Значение адвокатской тайны, как и другие аспекты профессиональной деятельности адвоката, оцениваются по-разному. Необходимо отметить, что значение адвокатской тайны состоит в решении трех задач: укрепления доверия общества к адвокатуре, повышения престижа адвокатуры, гарантировании независимости адвоката. С другой стороны, право на тот или иной вид тайны является компонентом права на неприкосновенность частной жизни и право на адвокатскую тайну можно рассматривать в целом и как необходимый компонент конституционного права на неприкосновенность частной жизни. В этой связи значением института адвокатской тайны будет та составляющая (элемент) права на неприкосновенность частной жизни, которая способствует эффективной реализации последнего. В целом следует отметить, что значение адвокатской тайны необходимо рассматривать как один из видов профессиональных тайн, будь то врачебная, банковская, нотариальная и т.д. Однако основное отличие адвокатской тайны заключается в ее абсолютном характере, который заключается в предоставлении возможности доверителю требовать от адвоката соблюдения режима конфиденциальности передаваемых им сведений.

Адвокатура является институтом, независимым от органов государственной власти. Органы власти не вправе вмешиваться в деятельность адвокатуры, кроме случаев, когда такая деятельность нарушает законодательство РФ. Институт адвокатуры является одним из механизмов обеспечения конституционно закрепленного права граждан на получение юридической помощи. Он необходим для построения правового государства, демократизации общества, укрепления прав и свобод граждан, в связи с чем необходимо должное правовое регулирование деятельности адвокатуры. В настоящее время институт адвокатской тайны является далеко не последним направлением исследований, имеющих научную и практическую значимость. При этом значительное количество научных работ не означает полную научную разработанность темы. В отношении многих моментов, касающихся проблемы адвокатской тайны, отсутствуют фундаментальные, теоретико-прикладные разработки.

Кроме того, законодательство в этой области также нуждается в совершенствовании, в связи с чем сегодня особо востребованы системные теоретические разработки понятия и содер-

жания адвокатской тайны, а также выработка научно обоснованных рекомендаций законодателю, правоприменителям и адвокатам.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ) / Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N31, ст. 4398.
2. Федеральный закон от 31.05.2002 N63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 02.12.2019) [Электронный источник] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (дата обращения 10.09.2020)
3. Абрашин, А. А. Современная юридическая наука и практика: актуальные проблемы / А. А. Абрашин. — Том 4. — 2017. — 218 с.
4. Барцевский, М. Ю. Организация и деятельность адвокатуры в России / М. Ю. Барцевский. — Москва, 2000. — 319 с.
5. Пилипенко, Ю. С. Научно-практический комментарий к Кодексу профессиональной этики адвоката / Ю. С. Пилипенко. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма, 2016. — 576 с.
6. Темнов, С. В. Конституционно — правовая концепция адвокатской тайны: специальность 12.00.02; диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Темнов Сергей Валерьевич; Белгородский государственный национальный исследовательский университет. — Белгород, 2015. — 155 с.
7. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. — в 4 т. Т. 2. 320 с.

Криминологическая характеристика личности дезертира

Шмакотин Юрий Сергеевич, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

В статье описываются результаты исследования личности дезертира, основанные на анализе социально-демографической и нравственно-психологической характеристик личности. В статье указывается, что личность преступника-военнослужащего имеет существенные особенности, которые обусловлены целым рядом факторов.

Ключевые слова: личность, дезертир, военнослужащий

Criminological characteristics of the personality of a deserter

The article describes the results of the study of the deserter's personality based on the analysis of socio-demographic and moral-psychological characteristics of the individual. The article points out that the identity of the criminal soldier has significant features that are due to a number of factors.

Key words: personality, a deserter, a soldier

Проблема личности преступника является одной из традиционных и в тоже время одной из самых сложных в криминологии.

Значимость исследования личности преступника, в том числе и дезертира состоит прежде всего в предупреждении преступлений. Это будет возможно в том случае, если будут исследованы причины и условия их совершения, это сложно сделать, не исследовав личность преступника, внутренние побуждения которого являются основным звеном механизма преступного поведения.

Личность преступника военнослужащего имеет ряд существенных особенностей, которые обусловлены рядом фак-

торов, в частности это замкнутость однополой социальной группы, иерархическое построение взаимоотношений между командирами и подчиненными, ограничение в свободном времени, ежедневные физические и психологические нагрузки.

В ходе исследования личности дезертира особое внимание было уделено социально-демографической и нравственно-психологической характеристики личности.

Изучение материалов судебной практики показало, что среди военнослужащих, совершивших дезертирство большинство (82%) лица в возрасте 18 лет, 33% — в возрасте 19 лет, 18% — в возрасте 20 лет, остальные 5% — старше 21 года.

Исходя из полученных данных можно сделать вывод, что в большей степени склонны к дезертирству лица в возрасте 18–19 лет.

Лица рассматриваемой категории, не имеющие в силу молодёжного возраста необходимого жизненного опыта и устойчивой социальной ориентации, попадая в сложные конфликтные ситуации, в большей степени, чем представители старших возрастных групп, способны на противоправные поступки. Причем, чем сложнее ситуация, чем выше степень ее конфликтности, тем больше вероятность у молодого человека разрешить ее противоправным способом. По тем же причинам данной категории лиц свойственна высокая подверженность влиянию (в том числе и криминогенному) различных микрогрупп и воинского коллектива в целом. К другим социально-психологическим и психофизиологическим порождениям возрастных особенностей военнослужащих рассматриваемой группы следует отнести: юношеский максимализм, несформированную, а потому неустойчивую психику, конформизм по отношению к неформальным лидерам воинского коллектива, неустойчивую иерархию социальных ценностей, отсутствие опыта общения в замкнутой однополюсной группе, отсутствие привычки прогнозировать последствия своего поведения.

В то же время лица более старшего возраста менее склонны к дезертирству, думается, что это связано в первую очередь с тем, что данная категория военнослужащих способно осознанно, самостоятельно приспособиться ко всем тяготам и лишениям военной службы, а также постоять за себя в конфликтных ситуациях.

Не меньшее значение в группе социально-демографических характеристик военнослужащих, посягающих на преступления против порядка подчинённости и воинских уставных взаимоотношений, имеет уровень полученного до призыва на военную службу образования. Следует отметить, что в военной криминологии традиционно отмечается достаточно устойчивая зависимость преступлений, характеризующихся элементами грубой силы, жестокости и примитивности, от низкого уровня образования преступников, их совершающих.

С криминологической точки зрения особое значение имеет изучение семейного положения данной категории военнору-

жащих. Проводимые исследования показывали, что большая часть лиц, совершающих дезертирство, воспитывались не в полных семьях, либо в семьях, где регулярно происходили пьянки, конфликты, драки и т.п.

Еще одной значимой социально-демографической характеристикой является социальное положение (происхождение) военнослужащих. Основную массу правонарушителей в сфере воинских взаимоотношений составляют представители наименее социально защищенных слоев населения, что неудивительно с учетом того, что именно данный слой нашего общества является «поставщиком» призывного контингента в вооруженные силы РФ. Безусловно, привычная с детства материальная нужда, отсутствие возможности удовлетворения элементарных «детских» потребностей на общем фоне культивируемых в обществе богатства и социального успеха, отдельных его представителей оказывают крайне неблагоприятное влияние на формирование личности подростка, нередко порождая у него ожесточенность и агрессивность.

Также стоит сказать и о влиянии условия жизни и воспитания, предшествующие призыву на военную службу.

Так рассматривая досуговую и связанную с ней деятельность можно сказать, что большая часть осужденных за дезертирство уделяло мало времени таким занятиям как чтение, творчество, музыка и спорт.

Отдельно следует сказать о пребывании данной категории лиц до призыва на военную службу в различных неформальных объединениях. Так в качестве примера можно рассмотреть молодёжное объединение преступной направленности АУЕ, которое пропагандирует отрицательное отношение к прохождению военной службы.

Таким образом на основании изложенного можно сделать вывод, что личность дезертира — это совокупность социальных, морально-волевых, психофизических и интеллектуальных свойств, качеств человека, совершившего данное преступление вследствие негативных обстоятельств, формировавших личность военнослужащего до призыва на военную службу, во взаимосвязи с весьма специфическими военными условиями.

Литература:

1. Забрянский Г. И. Механизм формирования антисоциальных и юношеских групп // Криминологи о неформальных молодёжных объединениях. М., 1990.
2. Царенко Л. С. Психологоправовая оценка личности военнослужащих, совершивших преступления против порядка прохождения воинской службы // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Мат. Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М., 2010. с. 141–144. (0,3 п.л.)
3. Шаповалов В. А. Криминологическая характеристика личности дезертира // Криминологический журнал БГУЭП. 2007. № 1–2. С. 54–56.
4. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений против порядка подчинённости и воинских уставных взаимоотношений. — Текст: электронный // Библиотека диссертаций: [сайт]. — URL: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/ugolovno-pravovaja-i-kriminologicheskaja-harakteristika-prestuplenij-protiv-porjadka.html> (дата обращения: 15.09.2020).
5. Криминологическая характеристика личности дезертира. — Текст: электронный // Cyberleninka: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-lichnosti-dezertira> (дата обращения: 15.09.2020).

6. Характеристика личности преступника-военнослужащего против порядка подчиненности и воинской чести.— Текст: электронный // Cyberleninka: [сайт].— URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-lichnosti-prestupnika-voennosluzhaschego-protiv-poryadka-podchinennosti-i-voinskoy-chesti> (дата обращения: 15.09.2020).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 38 (328) / 2020

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 30.09.2020. Дата выхода в свет: 07.10.2020.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.